

КРЫМСКИЙ АРХИВ

2017
№ 2 (25)

научный рецензируемый
историко-краеведческий
и литературно-философский
журнал

Издается с 1994 года.
Выходит 4 раза в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет
имени В. И. Вернадского».

ISSN: 2415-8283

Журнал включен в
Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован Федераль-
ной службой по надзору в сфере
связи, информационных техноло-
гий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор). Свидетельство ПИ
№ ФС 77-61818 от 18 мая 2015
года.

Печатается по решению
Научно-технического совета КФУ,
протокол № 9 от 26.09.2017.
Подписан к печати 02.10.2016.

Отпечатан в управлении
редакционно-издательской
деятельности ФГАОУ ВО
«КФУ им. В.И. Вернадского».

*Статьи и материалы
публикуются на русском,
украинском и крымско-
татарском языках.*

Авторские материалы могут не отражать точку зрения редакции. Рукописи не возвращаются. Любое воспроизведение материалов без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», 2017

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР / EDITOR-IN-CHIEF

Курьянов С. О. / *Kuryanov S. O.*,
д-р филол. наук, доц.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА / DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Ишин А. В. / *Ishin A. V.*,
д-р ист. наук, доц.
Минчик С. С. / *Minchik S. S.*,
к-т филол. наук

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ / EXECUTIVE SECRETARY

Башкова И. С. / *Bashkova I. S.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD

Айбабин А. И. / *Aibabin A. I.*,
д-р ист. наук, проф.
Берестовская Д. С. / *Berestovskaya D. S.*,
д-р филос. наук, проф.
Богданович Г. Ю. / *Bogdanovich G. Yu.*,
д-р филол. наук, проф.
Герцен А. Г. / *Gertsen A. G.*,
к-т ист. наук, доц.
Гуменюк В. И. / *Gumeniuk V. I.*,
д-р филол. наук, проф.
Курьянова В. В. / *Kuryanova V. V.*,
к-т филол. наук
Латышева Е. В. / *Latysheva Ye. V.*,
д-р ист. наук, проф.
Науменко В. Е. / *Naumenko V. Ye.*,
к-т ист. наук, доц.
Непомнящий А. А. / *Nepomniashchiy A. A.*,
д-р ист. наук, проф.
Новикова М. А. / *Novikova M. A.*,
д-р филол. наук, проф.
Петрова Э. Б. / *Petrova E. B.*,
д-р ист. наук, проф.
Усеинов Т. Б. / *Useinov T. B.*,
д-р филол. наук, доц.
Филимонов С. Б. / *Filimonov S. B.*,
д-р ист. наук, проф.

АДРЕС РЕДКОЛЛЕГИИ:

295007, Республика Крым,
Симферополь, пр. Вернадского, 2, ТА КФУ,
кафедра русской и зарубежной литературы,
редакция журнала, каб. 213.
Тел.: +7 978 798-75-37.
E-mail: krarkh@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЬЯ ГЕРЦЫК–ЖУКОВСКИХ В ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЕ

- Жуковская Т.Н.* Последние годы жизни крымских изгнанников,
Д. Е. Жуковского и Е. К. Герцык: 1930–1940-е годы.....3
Лубянникова Е.И. Парижский эпизод:
о свадьбе А.К. Герцык и Д.Е. Жуковского.....21

КРЫМ И ЛИТЕРАТУРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

- Есина Т.В.* Исход Русской Армии из Крыма (1920).
По материалам Всероссийской
Мемуарной Библиотеки Александра Солженицына.....70
Пустарникова Ю.А. Уединение и одиночество Марины Цветаевой....76

НАСЛЕДНИКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

- Савельева Н.В.* «Где-то на станции дачной...».
К юбилеям Марины Цветаевой и Ксении Некрасовой.....84
Федоренко М.Н. «Его зарыли в шар земной, а был он лишь солдат...».
Георгий Эфрон и Всеволод Багрицкий: параллели жизни и творчества...96

СЕМЬЯ ГЕРЦЫК–ЖУКОВСКИХ В ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЕ

УДК 821.16

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ КРЫМСКИХ ИЗГНАННИКОВ, Д. Е. ЖУКОВСКОГО И Е. К. ГЕРЦЫК: 1930–1940-Е ГОДЫ

Жуковская Татьяна Никитична,

*научный сотрудник
Литературно-художественного музея Марины и Анастасии Цветаевых
(РФ, г. Александров)
e-mail: zhukt07@rambler.ru*

Аннотация. В статье восстановлены этапы жизни Дмитрия Евгеньевича Жуковского после 1927 года, его вынужденного переезда из Крыма, Симферополя, и потери работы. Опубликованы фрагменты писем из домашнего архива Герцык с комментариями автора публикации.

Ключевые слова: Д.Е. Жуковский, А.К. Герцык, Н.Д. Жуковский, Крым, Москва, Ногинск.

Дмитрий Евгеньевич Жуковский покинул Крым, Симферополь, работу и 17 и 13-летних сыновей летом 1927 года не по своему желанию, он был выслан, выступив против назначения ректора [4, с. 216–220]. Три года ссылки в Тотьме Вологодской области, откуда он, впрочем, писал восторженно о северной природе и архитектуре городка – месте ссылок и в царские времена. Летом 1928 года его навещил старший сын Даниил, ставший уже студентом Педагогического института в

© Т.Н. Жуковская, 2017

Симферополе. После окончания трехлетней ссылки (1930 год) попытка вернуться в Крым, где еще доучивались дети, окончилась неудачей. Крым оказался запретным для проживания Д. Е., также как и большие города СССР, в том числе и его родной город, бывший Петербург, и Москва, где он жил с семьей в 1910–1917 годах и работал в журнале «Русская мысль».

Начинаются скитания, Д. Е. сменил несколько небольших городков во Владимирской и Ярославской области, прежде чем оказался в Ива-

Жуковский Д.Е., его жена
Герцык А.К. и Герцык Е.К., 1909 г.

ново-Вознесенске сперва вдвоем с младшим сыном, окончившем среднюю школу в Симферополе в 1931-м году и приехавшим к отцу летом 1931 года еще в Юрьев-Польский. Но спустя несколько месяцев вместе они переехали в Иваново, поселившись на съемной квартире. Д. Е. устроился работать в лабораторию больницы при Мединституте. Хотя его диплом Гейдельбергского университета по микробиологии был утрачен в хаосе со-

бытий, но работа с А. Г. Гурвичем (известный русский и советский биолог, открывший сверхслабые излучения живых систем и создавший концепцию морфогенетического поля. Лауреат Сталинской премии по биологии (1941) в 1921–1925 годы в Симферополе, характеристики и рекомендации совместно со знанием языков помогали ему устраиваться в аналитические лаборатории. Постараемся восстановить этапы жизни Д. Е. Жуковского на основе писем его самого, сыновей и Е. К. Герцык.

Евгения Казимировна Герцык с семьей брата выехала из Крыма в ноябре 1928 года в Кисловодск, где в 1930 году умерла Евгения Антоновна, мать брата, Владимира Казимировича (домашнее имя Боба). Оставшиеся члены семьи (Е. К., жена брата Люба, «прикованная» к кровати тяжелой формой полиартрита, и их 14-летняя дочь Вероника) в сентябре 1932 переехали в станицу Зеленчукская; позже, в конце 1935 года – в Сулимов (ныне Черкесск), и, наконец, осенью 1938 года – в заповедник под Курском. Все переезды были обусловлены работой Владимира и стремлением быть ближе к Москве.

Первое упоминание об Иваново-Вознесенске находим в письме Е. К. из Кисловодска к В. С. Гриневиц: «Сегодня отправляем Далю в Москву и в Иваново-Вознесенск, где Дмитрий с Никой прочно обосновались; это новый, очень оригинальный город – смесь деревни с

городом американского типа; небоскребы, аудитории, лаборатории, каких в Москве нет. Ника – препаратор-паталогоанатом... потом по-русски: «Ника – препаратор-паталогоанатом...»¹ (Письмо Е. К. к В. С. Гриневиц № 19 от 8 июля 1932) [3, с. 113].

В связи с приездом Даниила пришлось искать новую, более обширную комнату. Это был домик с садом, с русской печью в комнате, почти идиллия! Никита пишет родственникам в Кисловодск: «Утром, вечером, а иногда среди дня хозяева приглашают нас пить чай, т. ч. чай мы пьем вместе с хозяевами из самовара. Семья их состоит из хозяйки, ее старшей дочери и двух девочек, – детей дочери, недавно приехали из Москвы еще младшая дочь хозяйки и хозяин. Первые дни на новой квартире мы ночевали в саду...»². В данном случае собрались трое близких людей после долгого перерыва, повзрослевшие сыновья с отцом, и у каждого есть чем поделиться. У Даниила это стихи и главы его Мыслей о поэтике, ритмах; Никита – рад поговорить о кристаллах и газообразных звездах; отец по вечерам не упускает случая читать взрослым детям отрывки из библии, античной истории и др. исторические труды. Наверстывает лакуны в историческом образовании детей, да и сам увлечен темой. Кроме того он постоянно переводит научную или философскую литературу.

«В 7 часов – еще совсем темно – трещит будильник. После борьбы со сном мы с папой встаем, зажигаем электричество, завтракаем (жареная картошка) и уходим. Дalia встает обыкновенно позже, т. к. у него уроки начинаются с 10 или 11 часов... У папы сейчас новая служба, но не окончательная, не крепко установившаяся: ассистента при кафедре биологии ИВГМИ (Иваново-Вознесенского государственного медицинского института)»³.

Никите предстояло учиться дальше, выбрать специальность. Хотя под влиянием старшего брата он очень увлекался математикой и имел неплохие способности, выбрал все же медицину. Работа в препараторской также способствовала выбору профессии. В ноябре начались экзамены, состав поступающих пестрый, и Никита оказался младшим на курсе. Факультеты мединститута разбросаны по всему городу, приходится бегать из одного конца города в другой. Но кафедра Биологии, где получил работу Д. Е. рядом с больницей, где в лабораториях находилась первая, основная, работа Д. Е. и препараторская Никиты. «Обыкновенно часов в 4–5 папа заходит ко мне в лабораторию, и мы с ним идем обедать вместе, иногда заходит и Дalia»⁴.

20 июля 1933 приезжает в Иваново Е. К. навестить племянников, «Адину семью» и тоже чувствует плодотворность этой встречи, свою

востребованность у детей. «Как-то они донесли в новый век души совсем близкие нам...» (письмо от 26 июля 1933) [3, с. 156] – пишет она о племянниках.

Так был прожит весь 1933 год. Труднее всего было Е. К., на которой было все хозяйство и уход за больной женой брата, Любой. Но именно от нее поступали к молодежи (Веронике, Никите, Дале) импульсы интеллектуальных запросов, с ней делились они самым заветным. Не зря С. Я. Парнок после смерти Аделаиды писала ей: «У тебя теперь еще двое детей. Родная моя! Такая, как ты, не бывают бездетными. Бог благословил тебя трижды на духовное материнство. А до этого благословения благославлял тебя на высокое сестринство в любви» [2, с. 19], дети брата и умершей сестры чувствовали в ней необходимость и жизненную опору.

1934

«У папы и Дали изменения в службах. У папы окончилась временная служба в институте и осталась половинная (ходит через день) в лаборатории клинической. Но теперь у него есть переводная работа»⁵. Далее в письме следует рисунок игры в шахматы отца и брата «... папа будет читать «Фуше» Цвейга о французской революции, хотя Даля протестует против этой книги, а папа упорно «знакомит» нас с историей. Таким способом мы за последнее время прочли «Крушение» Тагора, «Коломба» Мериме, «Рассказики» Кипплина»⁶.

Зимой Д. Е. съездил впервые после революции в Ленинград, его родной город, где еще жили родные и знакомые. «Папа привез из Л-да альбом с картинками Бёклина»⁷, – пишет Никита тете и сочиняет стихи к ряду картин, ему нравится художник, хотя он считается признаком плохого вкуса. Еще живут традиции заложенные изданием домашнего журнала в Симферополе в 1923 году, составлявшегося еще с матерью.

Итак, двухлетнее совместное проживание в Иваново «Адиной семьи» подошло к концу, но впоследствии, в тюрьме Даниил вспоминает эти годы, как наиболее счастливые в его недолгой жизни. И правда, когда еще они жили так мирно, дружно, вместе? До 1917 года в Москве, в Судакском доме до войны, когда была жива Аделаида, дети были маленькие?

Когда в начале августа 1934 года Е. К. еще раз приезжает в Иваново, то застаёт Дмитрия и Никиту в сборах, а Даниил к этому времени уже находится в Москве. 11 августа и Дмитрий Евгеньевич «уехал в свое новое место службы – маленький городок под самой Москвой» (Письмо Е.К. к В.С. Гриневиц № 54 от 13 августа 1934) [3, с. 184], – это был Ногинск, бывший Богородск. Выбор обоснован близостью Москвы, где у Д. Е. осталось много родственников и знакомых, воз-

можность получать научные переводы, да и работу получил по завещанию Больничной лаборатории. Вот и старший сын тоже оказался в Москве, младший – в Иваново перебрался в институтское общежитие и доучивался до весны 1938-го года. Дмитрий Е. из Ногинска имеет возможность чаще выбираться на электричке в Москву и, хотя ему уже за 60 лет, пока это не составляло для него большого труда. В начале сентября 1934 года он встретился еще раз в Москве с Е. К., которая вскоре уехала к себе на Кавказ. Эти поездки совмещали в себе и решение деловых вопросов (получение переводов, обсуждение новостей науки и литературы), и приятные встречи с близкими. В основном, всем жилось трудно, ночевать приходилось в прихожей на сундуках или раскладушках. Часто заходил к бывшему своему сотруднику по журналу «Вопросы жизни» Г. И. Чулкову, в семью М. О. Гершензона.

1935

На зимние каникулы Никита приезжает в Москву, старший брат водит его и знакомит с разными людьми. Как-то с папой и Далей зашли к Гершензонам. Наташа Гершензон⁸, в то время студентка-искусствовед, повела их в Музей изобразительных искусств, объясняя разницу между голландским и французским натюрмортом, затем к скульптурам Микеланджело. К Келлерам Максиму Васильевичу и Марии Алексеевне⁹, к дяде Лева¹⁰, тетушкам Тидебель на Арбате...

«Одно время мы с папой и Далей блуждали по трамваям и улицам. Вместе были в МИИ, потом у Чулкова. С папой, главным образом, виделись в Ногинске (был там 2 раза) и говорили на темы микробиологии, папа о биогеохимии. Папа этим сейчас очень увлечен»¹¹. Из писем узнаем, что братья много ездили на трамваях к разным знакомым, в частности к Асе Цветаевой. Она взяла Никиту на заочное обучение английскому языку.

Летом у Никиты была врачебная практика в пионерском лагере и затем снова несколько дней в Москве и Ногинске. В это лето впервые приехала в Москву Вероника, остановившаяся у Серейских¹². В те дни была сделана фотография Дмитрия Евгеньевича с молодежью.

Евгения Казимировна на Кавказе начинает писать воспоминания, главы о детстве.

1936

В январе Никита в Москве, ряд визитов, выставка Рембранта в сопровождении Наташи Гершензон и с Вероникой, знакомство с Антаровой Корой Евгеньевной¹³. Никиту все больше влечет в область теософии. «Папа полон различными интересами, как и летом, переписывается с Гурвичем¹⁴, переводит Клод Бернар¹⁵. Жалуется иногда на перебои в сердце».

1 июня в доме Чулковых на Смоленском бульваре, где Даниил жил после женитьбы на А. И. Ходасевич, Даниила арестовывают. С этого момента отец сосредоточен на заботе о судьбе сына, следит за судебным процессом, переписывается с ним. В августе в Москву приезжает в очередную поездку Е. К.

1937

В июле в Ежово-Черкесск приезжает двоюродная сестра Владимира и Евгении – художница Евгения Иосифовна¹⁶, она ездит с Вл. Каз. в горы, рисует. В августе на 2 недели на каникулы приезжает Никита, они с Вероникой ходят купаться в реку Кубань, он совершает короткую экскурсию в Теберду, – после войны Никита устроится в Теберде на работу врачом и проживет почти 50 лет до самой смерти в 1995 году.

В октябре Е. К. снова в Москве, откуда сообщает Вере Степановне, что «Дмитрий постарел», «Далю не видела», «жду Нику» [3, С. 303-304]. В ноябрьских письмах Никиты речь о посещении Москвы, разговорах с Е. К., две ночи в Ногинске у отца: «Как на счастье этот день выдался ясный, чистый, прохладный, но с отголоском той золотой осени, что была месяц назад. Ходили гулять с папой днем, а потом вечером в темноте в лес и в рощицу. Папа тебе наверно писал о Далином письме. Он в Орле»¹⁷.

1938

В апреле Никита получил распределение на работу в деревню Ярославской области, в конце апреля он в Ногинске у отца. Едет к месту работы с неохотой, но постепенно начинает осматриваться. В июле Д. Е. едет к сыну, сам описывает 12 июля свой приезд.

Далее канва жизни последних лет Д. Е. выстраивается на основе его собственных писем.

«Третий день у Ники. Передо мной из окна виден широкий горизонт: зеленые луга и поля, уходящие вдаль густые заросли, вдали опять поля на далеком горизонте деревни и каемка леса. Милый русский пейзаж. Я приехал на станцию Бакланка 10-го днем. Ника был предупрежден телеграммой и должен был выслать лошадь. Ни Ники, ни высланной лошади не оказалось. Однако ко мне сейчас же подошли некие граждане колхозники, охотно согласовались довезти меня до Семеновского (30 км.) за 13 руб. Я не ожидал такой умеренной платы. От них же тотчас узнал, что 8-го числа в селе Семеновском был большой пожар, сгорело пол села 15 домов и в том числе больница. Вот сюрприз. Больных, по словам тех же крестьян, перевезли в село Кукобай, всего 12 верст от Бакланки. Я поэтому подрядил моего возчика до Кукобая. Жертв людьми не было, пожар произошел днем.

Дорога до Кукобая отвратительная, и езда на телеге не очень приятная, но местность привлекательная, много леса, хотя он не старый, лиственный по преимуществу. Три часа бором, и я в Кукобае. Сравнительно большое, уютное село с огромным собором, но местность очень живописная, холмистая: красивые долины, овраги покрытые лесом. Пошел узнавать про Нику. Оказалось, что больных разместили временно в школе, уцелевшей от пожара, и медицинский персонал остался в Семеновском. Сговорился с возчиком ехать дальше и пошел в столовую закусить, предвкушая еще 3 S часа тряски. Пока я с аппетитом поглощал котлету, в столовой появился Ника, который выехал мне навстречу и нашел меня. Мы остались в Кукобае до следующего дня и к вечеру отправились уже на Никином тарантасе в Семеновское.

Дорога в Семеновское менее живописна, чем до Кукобая, все время по безлесному гребню холмов среди полей; леса нет, но запах цветущего клевера и ржи приятно волновал меня. Милый, знакомый пейзаж! Ника немного похудел, но все так же мил. Он заведующий не существующей больницей. Никакого административного таланта у него нет, сумбурно, случайно все. Но он увлекается работой, в этом похож на Бобу.... Народ здесь приятнее, проще, чем в Москве, приветливы, но серые.... Сейчас Ника уехал в другое село смотреть дом, предназначенный под больницу. Здание, служившее раньше гостиницей какого-то монастыря поблизости. Я один и ничего не делаю. Работы у меня сейчас нет. Боюсь, как бы не пришлось сесть на Никино иждивение. Вы редко пишете. Очень интересно знать, как изменится ваша судьба. Сейчас читаю Руссо «Новая Элоиза». Я опять увлекаюсь. Этой книгой увлекались наши бабушки, а в особенности бабушки. Стоило увлекаться, какое обилие мыслей у юного гения, просто поразительно. Теперь, когда мы не принимаем все за полную истину, мы можем еще больше ценить его. Он все же прекрасен. Это новые стремления к добру, к правде. Я не чувствую слабости, в которой по всей вероятности упрекают его теперь. Я уважаю этот sntrain. Притом умно. Целую всех. Дмитрий»¹⁸.

Это была первая поездка к сыну. Потом он будет приезжать и летом 1939, и 1940, а в 1941 и совсем поселится в д. Кукобай в домике у тети Паши, где снимал комнату сын, и останется там по мобилизации сына на фронт Второй Мировой.

А оставшиеся члены семьи Герцыков в это время готовились к переезду с Кавказа в Курскую область, в заповедник¹⁹, где Владимир (Боба) получил работу, здесь ему не надо постоянно уезжать в рабочие командировки, они будут жить все вместе – трое стариков, – и ближе к Москве, где учится Вероника. Переезд состоялся в октябре 1938 года, трудно, но благополучно.

Год был омрачен смертью в Москве в марте матери Любы – Валерии Дмитриевны²⁰.

1939

На зимние каникулы в заповедник впервые приехала Вероника из Москвы. Никита в марте приезжал в Москву и 13 марта увез отца в Семеновское, где тот провел все лето, восхищаясь разнотравьем и пейзажами Ярославской глубинки. Никите прогулки с отцом в ночном тумане напоминали пейзажи Коро. А Дмитрию Евгеньевичу вспоминалась Витебская губерния, где находилась усадьба Жуковских – Канашово.

В мае–июне в Москву из Курска приехала Евгения Казимировна, жила у Вероники, заходила к Е. К. Вандербеллен²¹, у которой проявились первые признаки болезни, приведшей ее к смертельному исходу 24 октября того же года. Непонятная болезнь обрушилась на молодую еще женщину, похоронена на Донском кладбище. Она, заветная знакомая Любы, Е. К. и Ники, Елизавета Константиновна Вандербеллен, полуродственница, физик, слушавшая лекции Эйнштейна и Джиду Кришнамурти, вернулась из Европы в СССР в конце 20-х по вызову брата для помощи в воспитании племянниц. И она успела навестить Герцыков в июне 1938 года, незадолго перед их переездом в Курскую область. Это было многообещающее знакомство, интересное для обеих сторон.

В июне для встречи с Евгенией в Москву приезжает Никита. Вероника поступила на 1 курс Тимирязевской академии и затем они с Никитой ездили в Ленинград (июнь 1939).

Д. Е. оставался в Семеновском. Ему нашлась работа, он составляет словарь медицинских терминов.

1940

Е. К. последовательно отправляет в письмах Вере Ст. Гриневич главы своих воспоминаний.

В мае Никита приехал помочь отцу, Д. Е. при посадке в трамвай в Ногинске получил травму ноги и руки, и забрал его к себе в деревню. «Бедный Дмит-

А. Герцык и Д. Жуковский

рий после ушиба стал плохо владеть рукой и ногой, очень тоскует» (письмо Е. К. от 6 августа 1940) [3, с. 184] – пишет Евгения Вере Г. в ноябре. Ника описывает события перед смертью Е. К. Вандербеллен со слов жены ее брата: «Началась болезнь со странного припадка, после которого она была в полном сознании и говорила об этом припадке... Странные состояния с ней стали повторяться чаще и стали почти постоянными. Жена А. К., кажется, хочет объяснить все это не просто психической болезнью, а тем, что Е. К. видела и делала нечто непонятное и невидимое другим... Е. К. часто находилась как бы в состоянии экстаза, часто разговаривала с несуществующими, умершими людьми... Очень тяготилась грязью, которая по ее словам, была вокруг нее и несколько успокаивалась и благодарила, когда ей меняли белье... Вскоре к психической» присоединилась и физическая болезнь. Поднялась температура, появилась зудящая сыпь. Е. К. поместили в больницу, где она и умерла»²².

Далее Н. Д. пишет о встрече с Мирович²³: «В передней у Чулковой я встретил Мирович – писательницу (ты ее знаешь) и с ней говорили 5–10 минут тут же в передней стоя. Она сказала, что у меня она узнает во взгляде что-то мамино, затем сказала замечательные слова о смерти, что смерть – один из главных моментов в жизни человека, один из ее этапов. Что человек собственно умирает несколько раз: умирает его молодость, любимый им человек и др. Маму она знала мало, но после ее смерти, прочтя ее стихи, внутренне очень почувствовала ее. И в нескольких словах она постаралась передать мамин образ – то, что она была глухая, что вокруг нее был особый тихий мир, как бы маленький нимб. Ее слова были безусловно искренни и, мне кажется, проникновенны. Я сказал, что ты пишешь воспоминания и что м. б. тебе были ценны ее отзывы о маме. Она согласилась, но сказала, что, чтобы желать этого, она должна знать, что ты желаешь этого, получить запрос от тебя. Она написала тебе открытку, на которую не получила ответа. Посылаю ее адрес»²⁴.

Дмитрий Е. в деревне у Ники провел все лето, травмы немного успокоились и с начала ноября Дмитрий Евгеньевич с сыном приехал в гости к Герцыкам на две недели, но остался до середины декабря. Это была последняя встреча их, до начала войны оставалось менее года. Дмитрий Евгеньевич много читал и вслух для всех, т. к. Е. К. болела. «Дмитрий – сгорбленный старичок, прихрамывающий, но против ожидания, настроенный совсем не предсмертно, а как никогда жаден на книги. Так что, кончая одну, мгновенно берется за другую», – сообщает она в письме к Гриневич (письмо от 16 ноября 1940) [3, с. 343–344].

По поводу Даниила все в неведении, сообщают друг другу постоянно «он здоров», а ведь его уже почти два года нет в живых.

Из Курска Дм. Евг. уехал в конце декабря, но вскоре принял решение съездить еще раз в Симферополь. Прощальный визит. Там еще оставались кое-какие знакомые. Его письмо оттуда в Курскую область хоть и кратко, но описывает эти крымские дни накануне войны:

«10 февраля 1941

Дорогие друзья, вчера получил ваше письмо. Последние дни здесь температура –1–2 градуса, это много приятнее –20 у вас. Правда в комнатах держится обычно +12, что меня мало устраивает. Надежду Ал.²⁵ видел, также и дочку²⁶ ее хорошенькую, маленькую девицу, учащуюся в Ленинграде по специальности радио. Она была здесь на каникулах. Н. А. продолжает служить, где и служила, в Психиатрической больнице. Немного постарела, но вид здоровый. Рита²⁷ здесь, как раз видел его вчера, но до того как получил ваше письмо. Он служит сторожем и не может устроиться с квартирой. Он не унывает и без стеснения рассказывает о своих неудачах. Маруся Далина²⁸ живет в Саках, заведует почтовым отделением, имеет двух детей, живет очень бедно. Пол<ину> Августовну²⁹ не знаю где найти и не знаю даже ее фамилии. От Ники до сих пор не имею вестей и денег, что еще хуже. Боюсь, что Ника посадит меня впросак. В библиотеку еще не записался, но прочел книгу Ed. Rod Le sens de la vie³⁰. Понравилось. Бесприятельно, просто, искренно...

Видел также милых Поливановых³¹. Они благополучны, хотя он подхварывает. Вот и все мои симферопольские похождения. Да, был у здешнего невропатолога. Очень самоуверенный человек; он не согласен с диагнозом кровоизлияния в спинном мозге, считает, что у меня артрит, т. е. то же, что у Любы. Что артритные изменения в плече есть это несомненно, но что не все этим можно объяснить, тоже верно. Лечусь массажем. Массаж делают плохо, даровой... Я живу у товарища, который был одно время в Новом Свете управляющим³². С ним живет его дочь уже взрослая. Вот и весь состав семьи. Делаю значительные успехи в провозждении времени ничегонеделания. Это оказывается не так трудно, как мне казалось. В комнате довольно холодно +12 градусов, и это начинает мне мешать заниматься. Пишу правой рукой, она действует чуть-чуть лучше. Боба спрашивает, если я правильно разобрал его каракули, о Шемянском. Его здесь нет, я его раз встретил в Москве, уже довольно давно. Теперь ничего о нем не знаю. Целую вас всех. Сегодня 11 декабря +1 пасмурно. А у вас? Дмитрий. От Ники до сих пор ни строчки, не знаю, в Москве ли он...»³³

1941

Вероника приезжала на зимние каникулы, помогала. Теперь до сентября вряд ли приедет, т. к. летом практика. И во время подмосковной практики начались бомбежки, пока письма доходят, она описывает впечатления первых дней войны.

Письма Вероники. После практики приехала и уезжала в сентябре уже под бомбежками с эвакуирующимися сотрудниками заповедника. Усадьба заповедника опустела. Владимир Казимирович и Евг. Каз., погрузив больную Любу и свой нехитрый скарб на подводу уехали из опустевшей усадьбы подальше от основной трассы Харьков–Москва, по которой должна продвигаться техника и обозы немцев. Эвакуироваться, ехать с пересадками с такой больной они были не в состоянии.

Они сняли угол в хате в глухой деревне Зеленая степь, где и прожили всю оккупацию. После снятия оккупации (1,5 года) в феврале 1943 года наладилась почтовая связь с востоком страны, с Москвой. Но в августе 1943 года умерла Любовь Александровна, а в феврале 1944 года – Евгения Казимировна. Так они и лежат рядом на кладбище у деревни «Зеленая степь», среди среднерусских полей.

Их жизнь первого года (с осени 1941 по февраль 1942) в оккупации зафиксирована в кратких дневниковых записках Е. К., опубликованных в журнале «Наше наследие» [1].

1943

В феврале район, где жили в оккупации старики Герцыки освободили и наладилась почтовая связь. Дмитрий пишет:

«7. 1V/1943. Какой радостью было для меня и Ники узнать вчера от Вероники о том, что вы все живы, дорогие, хотя эта радость омрачена известием, что Люба и Женя больны. У Жени воспаление легких. Известие от вас дошло до нас 6 апреля, а Боба писал 27 февраля. Значит известие уже более месяца давности. Две недели тому назад послал Бобе открытку с обратным извещением еще из Первомайского р-на Ярославской области. Я внезапно собрался и переехал к Нике в Муром, родину Ильи Муромца. С нетерпением ждем дальнейших известий от вас. Одновременно посылаем вам 100 рублей, сколько сейчас можем. Крепко целуем вас всех, дорогие, выздоравливайте. Как бы хотелось повидать вас, поговорить с вами. Выздоровливайте, живите. Ждем известий. Любящий Дм. Жуковский»³⁴

17. V/43. Два дня только, как получил вашу открытку, дорогая Женя. Вчера послал вам перевод на 100 рублей. Вы спрашиваете о моем здоровье. Сильно одряхлел, кажется. Хожу медленно, устаю. Рука слабая, но писать могу. Но зрение уже очень плохо, читаю с большим

трудом и не более часа в день. Это для меня огромное лишение. Еще год тому назад переводил Гомперца и обречен на ничегонеделание. Часто лежу или сижу с закрытыми глазами. Я едва вижу, что пишу и то чернильным карандашом по мокрой бумаге простым карандашом. Ничего не вижу. Живу теперь в селе Карачарово (родина Ильи Муромца) на высоком берегу Оки. С видом на реку и противоположный отлогий берег. Во время разлива Ока разливается на несколько верст. К несчастью и наслаждаться природой уже не могу: все вижу в тумане, краски поблекли. У Ники сейчас новая подруга, тоже женщина врач из поповского сословия. Кажется хорошая женщина, скромная, молчаливая, но с какой прозаической наружностью, банальной до крайности. И таким же голосом. Сейчас Ника уже неделю в командировке, по обыкновению не пишет, и я тревожусь. Общества здесь почти нет, все-таки есть немного. В Ярославской области я последний год жил у деревне в маленькой хате у тети Паши и ее мужа. Это бывшая домработница Ники, удивительно хорошая женщина, очень темная, хотя грамотная. Всю жизнь никуда кроме соседних городов Пошехонья – Данилова волости, где я бывал с обозами, не выезжавшая. Она не имеет понятия о долге, стыде, христианской религии, например, о жизни после смерти, хотя девушкой пела в церкви на клиросе. Она очень любит работу, особенно тяжелую самую простую, с упоением моет пол, рубит дрова, ходит в лес за дровами, за грибами, копает огород и т. д. Шьет и стряпает неважно. Ко мне отношение обоим супругов замечательное. Тетя Паша заботилась обо мне, как о своем отце. Вообще это редкая пара. Нельзя сказать, чтобы она любила людей, сентиментальности нет и следа, ..., но на деле всегда готова помогать и никогда никого не обидит.

Она часто повторяла: живите до самой смерти и похороним!! Детей у них не было. Сама она маленькая, тщедушная, но работает без устали. Он тоже в таком же роде, но у него нет этой красоты душевной. Он немного шизофреник, медлителен до крайности, ленивый, без всякой инициативы. Создан для того, чтобы исполнять приказы.

Очень бы хотелось повидаться с вами, поговорить, но возможно ли это? Любы здоровье плохо? Воображаю, как вам трудно. И ваше здоровье тоже неважно! Вообще нам немного осталось жить, пора умирать. Сегодня совсем неожиданно видел во сне Веру Степановну, встретил ее неожиданно на дороге, и я ее узнал, и она меня узнала. Целую вас всех. Пишите. Вам легче писать, чем мне.³⁵

1 июня 1943

Милая Женя, Люба, Боба. Вчера у папы был «удар» – сейчас он все время спит. Прошло 5 дней, как я приехал – мало пришлось говорить –

поздними вечерами, днями папа скучал в одиночестве. Вчера утром он подзвал меня – ему было плохо и сильно кружилась голова, потом рвотные движения. Потом он стал говорить и прощаться со мной, В. А. Он говорил «пора умирать, я хочу умереть, будет лучше и тебе и мне», попросил сделать ему большую дозу морфия, просил передать Дале, что он очень его любит. Был очень спокоен, так что спокойствие невольно передалось и мне – по-сократовски. Я морфия не сделал, но получилось, как он хотел – сонливость становилась сильнее, и сознание исчезло. Пошли вторые сутки, ухода никакого почти не требовалось – он спокойно спал. Утешительно было, когда он вздыхал, зевал – движения губами эти мне знакомы 10 лет уже – можно было подумать, что он спит, как и всегда. Вчера я провел целый день у него. Иногда он невнятно отвечает, когда спрашиваю: как себя чувствуешь? – хорошо. Надеюсь, что он может поправиться. Думаю, покажут ближайшие дни. Последнее время он много ходил и курил. У него не кровоизлияние, а тромбозы мелких мозговых сосудов – так я думаю. Глаза повернуты сильно влево. Сейчас на вопрос: видишь ли меня, сказал также невнятно: немного вижу. Вчера вечером и ночью он совсем не отвечал. После сказанного слова опять сон и сон. У папы здесь жизнь была мало радостная, с В. А. никакого почти общения, ничего не читал, не мог. Подумываю, что ему бы ласковую Марусю.

Еще никому не писал. Вероника обо мне сама наверно давно написала, я же прибавлю, что она мне выстирала в первый же день Бобино белье. Был у С. В. и З. М., у Чулковой и больше ни у кого Целую вас. Ника. Мой адрес на конверте.³⁶

2 июня 1943

Женя, папа умер 2 июня в 11.30 или 12 часов дня. Кажется, мне трудно будет сейчас все написать. Одно письмо я закончил во время болезни его, но там нет многого. Папа почти не страдал мне кажется – только один момент ему стало неприятно при мысли о страданиях и он сказал: «Ах, сделай мне морфий, чтобы заснуть и не проснуться». Но тут же он успокоился и говорил: «Я хочу умереть, будет лучше и тебе и мне». Я спросил: «тебе разве плохо было со мной жить?» Он сказал «скучно». Да, он последнее время не видел ни ласки, ни любви от В. А. и меня. Мне он холодность прощал, кажется, и говорил, что я у него унаследовал это. Последние дни он говорил: «Ну, потерпи немного, пойдем вместе», брал меня под руку, опирался на нее и шел очень медленно. А я рвался вперед и при возможности старался освободить руку или избежать короткого путешествия вдвоем. Меня еще как-то отрывала работа. Я просто не чувствовал себя свободным от нее –

должен был всегда бежать. Видел я его после приезда 5 дней – но в течение их поговорить я смог едва ли 5 часов – уходил я утром и возвращался поздно. Сталкивался с папой на работе и не мог отвлечься. И так, серьезный душевный разговор все откладывался и не состоялся? Я был жесток все время. За зиму я прислал едва ли 3–4 письма и по 2–3 месяца молчал, а папа беспокоился очень и, когда получал письмо куцое, у него было праздничное настроение – он мне говорил. Когда я сидел у его кровати, он сказал, не открывая глаз: «бедный Ника – тебе скучно» – он чувствовал это и жалел меня.

Понял ли папа потом хоть малое мое раскаяние – не знаю и нужно ли оно ему было. К середине первого дня или ранее сознание затуманилось и начался сон с глубоким усиленным дыханием; на вопросы он просыпался и отвечал, не открывая глаз, но так невнятно, что редко я мог понять и, кажется, не всегда осознанно. Руки его часто передвигались – он старался часто вытереть рот свой. Спал он спокойно; иногда прерывался сон зевком – также спокойным.

Я спрашивал «как себя чувствуешь?» Он отвечал «ничего» или «хорошо». Видишь меня?» Он с трудом приоткрывал глаз и говорил иногда «немножко вижу».

«Ты помнишь меня?» – «Нет, не знаю», – «Ника. Теперь знаешь?» – «Теперь знаю».³⁷

1 июля

Дорогая Женя (так я начинаю механически). Женя, спасибо за письмо. Ты меня упрекаешь, что был я нечувствителен к тебе и тут же оговариваешь свое право сердиться или делать замечания. Так знай, что когда ты ко мне относишься без негодования, без страшного осуждения ко всему, мне кажется, что ты безразлична ко мне и не вызываю я у тебя достаточно яркого чувства, а если и вызываю чуть-чуть, то ты неискренна и стараешься смягчить его.

Жизнь моя сейчас похожа на жизнь финикийского царя. Комната просторная, светлая... низкий скошенный потолок. Она почти как каюта качается на волнах. За окнами крутой обрыв зеленый и широкая река двоящаяся, а на горизонте мерещится лес. Голубые и зеленые краски. Будит меня в 6-м часу золотая полоса, которая от ряби речки от солнца ударяет прямо в лицо – на подушку. Я лениво лежу, еще живости нет во мне достаточной. Потом еду на лодке на тот берег, купаюсь, собираюсь писать о биосфере, звездах, но как-то недостаточно остро воспринимаемые или как будто волновавшие мысли. Надо что-то сделать, чтобы они заняли меня всего. Мне кажется, что уже только в них я должен жить, чтобы получался смысл от проживаемого времени.

Порой кажется, что я близок к новым плодотворным и потому волнующим истинам. Мысли крутятся возле эпидемий человеческих – основной цели исследования. Из писания выходят самые разбросанные отрывки. Да, по сути дела, я не начинал писать, т. е. еще не знаю, что писать, но стараюсь затянуть свое пребывание дома. Наконец бегу в особняк княгини, меня встречает в кабинете Смирнов, трудящийся над отчетом для округа:

– Почему так поздно?

Я неловко улыбаюсь, что-то лепечу, а он мне делает мягкую нотацию; и это повторяется 100 раз. Надо кончать «пока», чтобы этого не было сегодня (вспоминаю, что ты не любишь это слово – оно у меня появляется от неумения говорить). Третьего дня у меня ночевал врач, приехавший в Москву из ДВК – молодой из интеллигентов. И я понял, как мало я получаю соприкосновения с остальным мыслящим миром – варюсь в собственном соку – а это у меня выходит скверно. Были разговоры на темы: музыки 3–5–7 симф. Бетховена, 6-ая Чайковского, 5 и 7-ая (знаменитая) Шостаковича и 3-ья симфония Малера. Потом о немцах, о нас. Видно я удачно – первая его встреча после дальневосточного края. Кстати он оч. любит Тютчева. В начале разговора я сказал, что люблю Тютчева за «космическое чувство». Он сначала удивился, но потом как будто, наполовину согласился.

Дома у меня часов нет. Пришел в санчасть – оказалось 8 часов и начальника нет. Продолжаю писать за столом с завтраком. Мне старается угодить повар санчасти и кормит хорошо. Думаю сейчас, что в этом письме тебе неожиданный совершенно сейчас – счастливый эгоизм. Знай же меня. Веры³⁸ нет уже 9 дней – она в Горьком в командировке.

А папа снится мне часто, и каждый раз его болезнь оказывается не смертельной, и я старался договорить ему то, что не успел при жизни. Ты давно ждешь, чтобы я закончил то незаконченное письмо. В том состоянии папа находился 3 дня. Ни на что не жаловался, не вздыхал. Сперва спал спокойно, потом дышал с клокотанием, потом опять спокойно. Болезнь его сопровождалась темп. до 39 и сильными потами, так что я подумал даже – не малярия ли. Но очевидно нет. Иногда он

Е.Герцык в 1907 г.

был, очевидно, без сознания – не отвечал, иногда невнятно, не открывавая глаз – так как я писал. По временам он осознал мое присутствие и желал его тогда, и хотел тогда держать мою руку. И я, кажется, не удовлетворил его желания – не был всегда у него. В день смерти у него осталась сестра незнакомая ему, я ушел на работу. В. не было. И вот около 12 часов нечто заставило меня оставить дело и пойти к нему. Минут через 10–15 после моего прихода он умер. А перед самым приходом открывал глаза и наверно искал меня. Мне он отозвался неясно среди kloкочущего дыхания. Нужно ли говорить о похоронах. Чтобы похоронить со священником надо было везти его в г. Муром 4–5 километров по многолюдной дороге, а этого я не захотел. Единственный молебен был одной незнакомой женщины, которая пошла к гробу на кладбище (сопровождая Смирнов и др. работники сан. части отошли, чтобы измерить могилу) – спросила кто это и как зовут? Перекрестилась и сказала: – «Господи, прими раба твоего Дмитрия».³⁹

Люба, племянница Д. Е. и свояченица Е. К., за которой она ухаживала многие годы, умерла в августе 1943 года, перед этим на несколько часов заезжал по дороге на фронт к ним в Зеленую Степь Никита. Сама Е. К. умерла в январе 1944 года, поставив точку в этом трагическом списке смертей.

Начиналась послевоенная жизнь.

Примечания

¹ Даля, Ника – Даниил и Никита, сыновья Д.Е. и А.К. Герцык.

² Письмо Н.Д. Жуковского в Кисловодск от 24 августа 1932 года. Домашний архив.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Из домашнего архива.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Гершензон Наталья Михайловна (в замужестве Чегодаева; 1907–1977), искусствовед, специалист по западному искусству.

⁹ Келлеры Максим Васильевич и Мария Алексеевна – знакомые, имевшие дачу в Крыму (Профессорский уголок).

¹⁰ Лев Иосифович Лубны-Герцык (1886–1965), экономист, двоюродный дядя братьев по матери. Жил в Резчиковом переулке (Арбат).

¹¹ Домашний архив. С вопросами на эту тему Д.Е. обращался даже письменно к своему соратнику по участию в либеральном движении «Освобождение» (1890–е–1903) В.И. Вернадскому – основателю геохимии.

¹² Серейские Марк Яковлевич – профессор-психиатр и его жена Василиса Александровна (ур. Жуковская; 1892–1958) – племянница Д.Е., двоюродная сестра братьев Д. и Н.

¹³ Антарова Кора Евгеньевна (1886–1959) – актриса, певица, писательница-мистик (роман «Две жизни»).

¹⁴ Гурвич Александр Гаврилович (26 сентября 1874, Полтава — 27 июля 1954, Москва) — русский и советский биолог, открывший сверхслабые излучения живых систем (mitogenetic gaugs) и создавший концепцию морфогенетического поля. В 1921–1925 Д.Е. работал в Симферополе под его началом.

¹⁵ Клод Бернар (1813–1878), французский физиолог и патолог, один из основоположников современной физиологии и экспериментальной патологии. Д.Е. переводил главы из книги Бернара «Лекции по экспериментальной патологии» (М.-Л., 1937).

¹⁶ Евгения Иосифовна Лубны-Герцык (...–1943), художница, преподаватель.

¹⁷ Из письма Никиты. Домашний архив. Даниил в Орловской тюрьме. Его письма к отцу из тюрьмы см. в статье И. Андреевой «Ведь я сам маленький» в Материалах 1-х Герцыковских чтений (Москва, 1997).

¹⁸ Письмо Д.Е. Частный архив.

¹⁹ Центральный черноземный заповедник им. Алехина, ок. 10 км. южнее Курска.

²⁰ Жуковская Валерия Дмитриевна (урожд. Богданович; 1860–1938) – свояченица Д.Е., мать Любы и Василисы.

²¹ Вандербеллен Елизавета Константиновна (1887–1939) – преподаватель иностранных языков в Тимирязевке.

²² Письмо Н.Д. Ж к Е.К. Домашний архив.

²³ Малахиева-Мирович Варвара Григорьевна (настоящая фамилия Малафеева или Малахиева; 1869, Киев — 1954, Москва) — русская поэтесса, переводчица, мемуаристка.

²⁴ Письмо Никиты к Е.К. Домашний архив. В дневнике Мирович, изданном в 2015 году, также отмечен этот момент встречи с сыном Аделаиды Герцык.

²⁵ Стевен Надежда Александровна (1886–1978) – медицинский работник, знаток судакских реалий. Сохранилась ее переписка с В.К. Герцыком в 1960 годы.

²⁶ Стевен Галина Васильевна (18. 05. 1924 - 8.04.1994) – дочь Н.А. Стевен, связист.

²⁷ Лицо не установлено.

²⁸ Сычева Мария – знакомая Даниила в период его студенчества.

²⁹ Полина Августовна – ученица Даниила, приезжала к Жуковским в Иваново в 1933 году.

³⁰ Эдуард Род «Смысл жизни» (1889). Род Эдуард (1857–1910) – швейцарский писатель.

³¹ Поливановы Михаил Павлович и Наталья Михайловна – семья, заботившаяся о сыновьях Д.Е., оставшихся в Симферополе после ареста Д.Е. Жуковского (1927–1931 годы). В семье были три сына. Поливанов был последователем Г. Коге-

на, учеником С.Н. Трубецкого, о котором оставил воспоминания «Памяти С.Н. Трубецкого (ВФП, 1909, № 31). Статья об Ибсене (Моск. Еженедельник, 1909, № 25-30, 34). В 1919–1921 годах М.П. был профессором кафедры философии историко-филологического факультета, затем уехал в Ярославль и далее в Симферополь. В сб. Ярославского гос. университета (1923) его статья «Основные задачи логики Аристотеля»

³² Видимо речь здесь об Александре Александровиче Иванове. Это ближний круг крымского винодела Н.Н. Бекетова – друга Д.Е. А.А. родился в Симферополе, там же и умер. Бекетов и Иванов вместе учились в университете, а затем в Магараче. Иванов был воспитанником 2-го сына Н.Н. – Андрея (1899 г.), а Д.Е. – 3-го сына – Алексея. В 1918 году Н.Н. с сыновьями трагически погибли в море на яхте Иванов работал в Новом свете ещё при кн. Голицыне и оставил о нём воспоминания.

³³ Письмо Д.Е. Жуковского. Домашний архив.

³⁴ Письмо Д.Е. Жуковского. Домашний архив.

³⁵ Письмо Д.Е. Домашний архив.

³⁶ Письмо Н.Д. Жуковского к Е.К. в Курскую область. Домашний архив.

³⁷ Там же.

³⁸ Вера Александровна Успенская (1918–2003) – жена Никиты.

³⁹ Письмо Н.Д. Домашний архив.

Список литературы

1. Герцык Аделаида «Жарок был цвет души...» / публ. Т. Н. Жуковской. (I. Подвальные очерки : Очерк первый (1921-1922). II. 3 стихотворения из сб. “Стихотворения” 1910 г.; 6 стихотворений 1911-1912 гг.; 10 стихотворений 1919-1925 гг.) // Наше наследие - № 21. - 1991.
2. Парнок, С. Я. Статьи. Письма. Стихи / С. Я. Парнок // De visu. – М., 1994, –№ 5/6. – С. 19.
3. Переключка через «железный занавес»: Письма Е.Герцык, В.Гриневич, Л.Бердяевой / публ., сост., вступ. ст. и коммент. Т.Н. Жуковской; подгот. текста М.А.Котенко. М.: Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына / Русский путь, 2011.
4. Филимонов, С. Б. Тайны крымских застенков / С. Б. Филимонов. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2003. – С. 216–220.

Zhukovskaya Tatyana Nikitichna,

Researcher «The Literary and Art Museum of Marina and Anastasia Tsvetaeva»
(Russian Federation, Alexandrov)
e-mail: zhukt07@rambler.ru

LAST YEARS OF LIFE OF THE CRIMEAN EXPATRIATES, D.E. ZHUKOVSKY AND E.K. GERTSYK: 1930-1940S

Abstract. In the article, the stages of Dmitry Zhukovsky's life after 1927, his forced relocation from Crimea, Simferopol, and loss of work were restored. Fragments of letters from the home archive Gertsyk with comments of the author of the publication are published.

Keywords: D.E. Zhukovsky, A.K. Gertsyk, N.D. Zhukovsky, Crimea, Moscow, Noginsk.

References

1. Gertsyk Adelaida «Zharok Byl Tsvet Dushi...» / publ. T. N. Zhukovskoy. (I. Podval'nyye ocherki : Ocherk pervyy (1921–1922). II. 3 stikhotvoreniya iz sb. “Stikhotvoreniya” 1910 g.; 6 stikhotvoreniy 1911-1912 gg.; 10 stikhotvoreniy 1919-1925 gg.) // Nashe nasledie – № 21. – 1991.
2. Parnok, S. YA. Stat'i. Pis'ma. Stikhi / S. YA. Parnok // De visu. – М., 1994, –№ 5/6. – С. 19.
3. Pereklichka Cherez «Zheleznyy Zhanaves»: Pis'ma Ye.Gertsyk, V.Grinevich, L.Berdyayevoy / publ., sost., vstup. st. i komment. T.N. Zhukovskoy; podgot. teksta M.A.Kotenko. – М.: Dom Russkogo Zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna / Russkiy put', 2011.
4. Filimonov, S. B. Tayny Krymskikh Zastenkov / S. B. Filimonov. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2003. – С. 216–220.

УДК 929.53

ПАРИЖСКИЙ ЭПИЗОД: О СВАДЬБЕ А. К. ГЕРЦЫК И Д. Е. ЖУКОВСКОГО

Е. И. Лубяникова,

*сотрудник Российской национальной библиотеки
(Российская Федерация, Санкт-Петербург)*

Аннотация. В основу публикации легла актовая запись о бракосочетании А. К. Герцык и Д. Е. Жуковского, обнаруженная в ЦГИА СПб, в метрической книге русской православной Свято-Троицкой Александро-Невской церкви в Париже за 1909 год. В научный оборот вводятся точная дата венчания Аделаиды Герцык, а также ряд новых эпистолярных свидетельств об этом событии. В Приложении приводятся несколько десятков архивных документов, впервые устанавливающих точные биографические сведения о сестрах А. К. и Е. К. Герцык, их родных и близких лицах.

Ключевые слова: филологические науки, художественная литература, русская литература, Герцык (Лубны-Герцык, Жуковская) Аделаида Казимировна (1872–1925) — писательница, биография писателя, архивные разыскания, материалы для изучения жизни и творчества писателя, переписка.

Несмотря на всё возрастающий интерес к творческому наследию и личности Аделаиды Казимировны Герцык, в ее биографии остается немало белых пятен. Связано это прежде всего с недостатком точных, выверенных по документам биографических сведений о ней, в особенности в начальный и дозамужний период ее жизни. Так, например, мы до сих пор не знаем точной даты ее рождения (она вычисляется косвенно и по-разному из писем и воспоминаний ее сестры Е. К. Герцык и близкого окружения¹), когда и где она обучалась², когда и в каком учебном заведении преподавала... наконец, когда именно вышла замуж?

Разброс мнений даже по такому немаловажному событию в жизни Аделаиды Казимировны, как ее замужество, представлен в литературе о ней множеством вариантов. Только в одном томе писем сестер Герцык нам предлагается составителем три разных ответа на этот вопрос: венчание состоялось в Париже, а дальше начинаются разночтения: в

1908 году, 23 декабря 1908 года и 3 января 1909 года [18, с. 398, 80, 702]. Календарный стиль при этом нигде не указан (надо полагать, что имеется в виду старый стиль), и это обстоятельство вносит лишь дополнительную путаницу в хронологию данного парижского эпизода.

Еще два варианта его датировки нам предлагают исследователи жизни и творчества М. А. Волошина, который, как известно, был шафером на этом венчании: в «Трудах и днях Максимилиана Волошина» В. П. Купченко относит это событие к 18/31 декабря 1908 года [11, с. 214], по-видимому, основываясь лишь на воспоминаниях Е. К. Герцык, где она приводит цитату из письма сестры, написанного в день своего бракосочетания с Д. Е. Жуковским (текст письма отредактирован мемуаристкой) [см, напр., 6, с. 146]. Напомним, что в «Воспоминаниях» Евгении Герцык нет не только точной даты бракосочетания сестры, но и начало ее замужества определяется в контексте лишь приблизительно зимой 1908–1909 года. В недавно изданном 9-м томе писем М. А. Волошина комментаторы, В. П. Купченко и А. В. Лавров, называют датой венчания 10/23 декабря 1908 года [5, с. 406], то есть уже учитывают книжную публикацию подлинного письма Аделаиды Казимировны к Е. А. Лубны-Герцык о дне свадьбы [18, с. 80–81], но по-своему трактуют стиль даты, приведенной к этой публикации Т. Н. Жуковской: «23 <декабря 1908>». Кстати сказать, в первой журнальной публикации этого письма, Т. Н. Жуковская датировала его «Январем 1909 года» [10, с. 170], снова без указания стиля и без числа «23» (которое только и обозначено автором письма!), но в данном случае эта первая датировка письма явилась первым единственным попаданием, хотя и не в точную, но в правильную хронологию.

Установление точной даты венчания в Париже Аделаиды Герцык и Дмитрия Жуковского, а также введение в научный оборот новых свидетельств об этом событии и послужили целью настоящего сообщения.

А. К. Герцык и Д. Е. Жуковский приехали в Париж в середине «русского», конце «европейского» ноября 1908 года из Италии, где проходило их совместное путешествие.

Незадолго до этого, сообщая из Генуи М. А. Волошину о своем скором прибытии в Париж, Аделаида Герцык осторожно предупреждала друга о перемене в ее жизни — вступлении на «нежданную стезю»: «Знайτε только, что я не одна, что ко мне пришел человек с протянутой рукой, с одинокой, бездомной душой, и я пошла на его зов» (письмо от 14 октября <н. ст.> 1908 г.) [18, с. 140].

А. К. Герцык и Д. Е. Жуковский отправились путешествовать по Европе из Судака в конце лета – начале осени 1908 года. Задумыва-

лось ли это путешествие изначально как свадебное, и ставилось ли его целью именно церковное венчание? Еще совсем недавно Жуковский был мучительно влюблен в младшую из сестер Герцук, Евгению Казимировну, и был отвергнут ею в качестве возлюбленного, потому что не выдерживал сравнения с ее тогдашним кумиром и предметом сердечного увлечения — Вячеславом Ивановым: «...пот<ому> что он [Жуковский] духом своим не удовлетворяет меня, пот<ому> что ему *некуда* вести меня», — отзывалась о нем Е. К. Герцук в письме к своему близкому другу В. С. Гриневиц³, сознавая в то же время, что непринятие его искреннего чувства, благоговейной нежности и страданий — есть «преступление против закона любви», «нам с Адей невыразимо жаль его» (письмо от 11 марта 1908 г.) [18, с. 511, 512]. Исправить эту жестокую несправедливость судьбы по отношению к Жуковскому и сделалось задачей и долгом А. К. Герцук. «Вы встретили меня, — признавалась она спустя неделю после своего венчания парижской знакомой А. В. Гольштейн⁴, — заблудившейся, выведенной из обычной сферы, еще не нашедшей нового пути и верного обозначения ему, смущенной новой ответственностью (любовью)» (письмо от 29 января (н. ст.) 1909 г.) [18, с. 215]. Даже спустя месяцы после свадьбы она боялась любить мужа «для себя», «для радости и покоя»: «Нельзя ни на миг забывать, — писала она в те дни сестре, — что только ради него, чтоб сделать что-ниб<удь> для его беззащитной перед жизнью и смертью, слепой души, сошлись мы!» (письмо от 19 марта / 1 апреля 1909 г.) [18, с. 189].

Но говорить лишь о жертвенной любви Аделаиды Герцук к своему избраннику было бы неверно: чувство ответственности за другого у этой пары было обоюдным, что сразу же было подмечено М. А. Волошиным к письмам к своей матери. Так, около 28 ноября / 11 декабря 1908 года он сообщил ей из Парижа в Коктебель: «...приехала Адель Герцук, путешествующая под внимательной и трогательной опекой Жуковского» (письмо к О. Е. Кириенко-Волошиной) [5, с. 404], — а в конце декабря (н. ст.) того же года писал матери: «Я очень часто вижу теперь с Ад<елью> Герцук и с Жуковским. Только теперь я начал узнавать его впервые и совершенно изменил о нем свое мнение. Он очень хороший, благородный и далеко не глупый человек. Только он очень скромный и ум его лишен всякого внешнего блеска. Я теперь глубоко убежден, что, если их брак состоится, то это будет очень, очень хорошо и для него и для нее. Только об этом (т. е. об этом браке) не надо пока говорить» (письмо к О. Е. Кириенко-Волошиной около 14/27 декабря 1908 г.) [5, с. 410]⁵.

В это время в Париже находились родственники Жуковского — племянница Любовь Жуковская⁶ и зять В. Н. Цытович (отставной генерал-

майор)⁷, с сыном Евгением⁸. Все они с любопытством ожидали встречи с невестой Дмитрия Евгеньевича, а когда познакомились с ней, то приложили немало стараний, чтобы расстроить их намечавшийся брак. Передадим далее слово Л. А. Жуковской, которая в своих письмах к матери В. Д. Жуковской⁹ и сестре Василисе (Асе)¹⁰ сохранила для нас ценные свидетельства тех дней. (Пользуемся случаем поблагодарить Т. Н. Жуковскую за предоставление в наше распоряжение этих текстов из своего личного архива.)

Из письма Любови Жуковской к матери от 17/30 ноября 1908 года: «...третьего дня¹¹ приехал дядя Митя [Д. Е. Жуковский] <...> Весь вечер дядя Митя был с дядей Володей [В. Н. Цытовичем] <...> Я ничего не узнала».

Из письма к матери спустя три дня (20 ноября / 3 декабря 1908 года): «...дядя Володя уже познакомился с дяди Митиной дамой, но не особенно в восторге».

Через неделю Л. А. Жуковская смогла поделиться с близкими уже своим впечатлением об избраннице дяди.

Из письма к матери от 27 ноября / 10 декабря 1908 года: «Мы познакомились с Ад<елаидой> Каз<имировной>. Расскажу тебе уж все по порядку. Она пришла сначала к нам с дядей Митей. Она мне очень понравилась. Очень простая и милая, но меня поразило то, что она очень плохо слышит, и ей нужно очень громко говорить, чтобы она поняла, иначе она смотрит в пространство и кивает головой, говоря нейтральные фразы. Они были у нас недолго, но я почувствовала, что она взяла меня под свое покровительство: предложила мне свои книги и вообще расспрашивала меня. Она блондинка, моего роста, если не меньше, серые глаза, не красивая и не молодая. Сама говорит тихо и не как русская. Дядя Володя говорит, что она полька, но я не знаю, правда ли это. Теперь они нашли уже себе прелестную, светлую и чистую квартиру, состоящую из трех комнат и крошечной кухни. В воскресенье, после концерта мы ездили к ним — мне очень понравилось. Я нашла, что от нее дышит нежностью и любовью; показывала нам с Женей все, что у них есть в кухне и с оживлением рассказывала, что сама все утро мыла и работала, т<ак> к<ак> у нее нет еще прислуги. У нас в кухне был с ней во время заваривания чая и мытья посуды интимный разговор. Она рассказала мне про то, что ее мать умерла очень рано, которую заменила мачеха, но с ней отношения у них были не особенно близкие. Начала она с того, что сказала: “А вы с вашей мамой, кажется, очень дружны?” Не знаю, почему она это сказала! Мы пили чай. Дядя Митя очень веселый, но когда переводишь глаза на

него, то что-то поражает — он, мне кажется, все-таки остается собой. Может быть я не права, но пишу тебе все так, как мне кажется. По тому, как подробно тебе пишу, можешь судить, какое на меня произвело впечатление все это. Дядя Митя спросил, часто ли я тебе пишу и просил передать тебе его поклон. Ад<елаида> Каз<имировна> обещала пойти со мной покупать, что мне нужно; я ей рада, как единств. и первой женщине, которую встретила после моего отъезда из Петербурга. <...> У дяди Мити еще познакомились с русскими; братом и сестрой (Людмилой и Юрием Гриневиц. — *Е. Л.*)¹², которые только что окончили среднее образование и теперь зиму проводят за границей. Барышня очень симпатичная <...> — очень самостоятельная и энергичная... <...> решаю посоветоваться с Ад<елаидой> Каз<имировной> (относительно шляпы. — *Е. Л.*) У нее прелестное платье — реформ, что заставляет меня с верой относиться к ее выбору».

Из письма к матери от 20 ноября / 7 декабря 1908 года: «Про дядю Митю ничего не могу сказать, давно не была у них. Дядя Володя очень нападает на Ад<елаиду> Каз<имировну> и находит разные недостатки. Я, пожалуй, согласна со многим, но и от своего не отступаюсь. Она мне говорила свои стихи — прелесть. Говорит она очень хорошо — просто и как будто, не декламируя, а рассказывая. Она сидела на кровати, я рядом с ней, и Людмила тут же. (Людм<ила> — это барышня, про кот<орую> уже писала). В стихах много настроения и все понятно, не так как у современных поэтов...»

Из письма к сестре Асе от 22 ноября / 9 декабря 1908 года: «Сейчас ко мне приходила Людмила, семнадцати лет, розовая, красивая, высокая блондинка... Она очень самостоятельная и живая, но милая и просто себя держит. Она любит музыку и сама играет, хотя неважно. Брат ее Юрик, котор<ого> Дядя Володя называет “лоботрясом” тоже оказался не таким несимпатичным. Мы начинаем заводить знакомства. У дяди Мити познакомились с одним поэтом, который готовил обед за неимением прислуги и варил мне кашу. Он ужасно смешной, говорит сдобным голосом и необыкновенно мягко. Все в нем дышит спокойствием и он ужасно наслаждается, когда говорит остроты. Очень полный, с курчавыми волосами и лопатообразной бородой». В описании поэта легко угадывается М. А. Волошин.

Из письма Любови Жуковской к матери от 18/31 декабря 1908 года: «Пришли дядя Митя и Ад<елаидой> Каз<имировной>... Мы с Ад<елаидой> Каз<имировной> начали переговаривать о том, когда мне придти к ней для tete-atete'a, потому что мы одинаково к этому стремимся. Дядя Володя постоянно говорит о том, что она некрасива. Я не

могу понять, как это может придти в голову. Я не знаю, м<ожет> б<ыть> и тебе она показалась бы неинтересной (хотя не думаю!), потому что в ней есть что-то странное, но очень милое. Прошлый раз, когда они были у нас, я взяла ее под свое покровительство, повела к себе наверх, уложила ее на кровать, потому что она очень слабая и скоро устает. Потом я показывала канашовские карточки и сидела около нее на кровати».

Из письма к матери от 13 / 26 января 1909 года: «Начну с самого главного. 9-го января (старого стиля. — *Е. Л.*) была свадьба дяди Мити и Аделаиды Казимировны! Ты, может быть уже знаешь это вероятно, т<ак> к<ак> дядя Володя написал уже об этом, но зато я опишу тебе все подробно. Первый об этом узнал дядя Володя, это было еще до Жениного отъезда. Ад<елаида> Каз<имировна> мне об этом сказала только накануне венчания (слово “свадьба” не подходит!), хотя я знала об этом раньше. “Завтра будет наша свадьба”, после этой фразы произошел неожиданно серьезный и мучительный разговор. Я была настроена несочувственно, отчасти по моим соображениям, которые писала тебе, отчасти после разговоров с дядей Володей, который очень неодобрительно относился к этому (понятно не к ней), и в свою очередь имел длинный разговор с дядей Митей. Теперь мы (вернее я) примирились со всем, т<ак> к<ак> у них все особенно и брак является лишь формальностью. Я ужасно мучилась, думала, что говорила не то, что нужно с А<делаидой> К<азимировной> действительно, я была в затруднительном положении и говорила, что не нужно венчаться. Когда пишу, то ужасно страшно, что касаюсь таких вопросов! Для них нет слов. Но в общем я не была так жестока, мне кажется, потому что А<делаида> К<азимировна> со мною согласна была, уступила дяде Мите. Она далека от жизни и сама говорит, что, чтобы жить, ей нужно некоторое усилие. Я много узнала о ней за это последнее время. Я передаю все вкратце, потому что всего написать невозможно. И мне кажется, что я грубыми словами делаю что-то нехорошее... тебе, может быть непонятно мое отношение. Но я тебе писала уже о том, что боюсь за ее счастье (боялась, но почти не боюсь теперь) и я ей это сказала. Она была очень тронута, что я о ней думаю. А я тем, что она так много мне сказала. Я говорю “боялась” потому, что они живут (теперь, может быть всегда) так, как раньше и в полной независимости друг от друга (не знаю как будет на практике). В доказательство чего, она на днях уезжает в Швейцарию. Я очень жалею, что наши друзья все разъезжаются. Людмила уже в Лондоне; дядя Митя тоже уедет, хотя не наверно. Нарочно не описываю тебе свадьбы на этом месте, чтобы тебе было легче читать. Мы пользуемся с Ад<елаидой> К<азимировной> последними днями и часто видимся».

Спустя два дня корреспондентка продолжала свой рассказ.

Из письма к матери от 15/28 января 1909 года: «Ну, наконец, буду описывать свадьбу. Я пришла в 12 ч<асов> дня. Дядя Митя был уже в полном параде (т<о> е<сть> в сюртуке), а Ад<елаида> Каз<имировна> — в разных одеяниях в поэтическом беспорядке. Платье белое и очень простое лежало на постели. Мы завтракали, дядя Митя бегал за сыром, а потом за цветами. Я застегивала платье А<делаиде> К<азимировне>». Она была одета в одну минуту. Ни вуали, ни венка — не было, только три чайные розы приколотые поэтом-художником. Платье ее — с небольшим шлейфом и никаких украшений, только складки, спускающиеся с плеч и переходящие на рукава. Через несколько времени — звонок, и появляется шафер — т<о> е<сть> поэт Волошин, которого прекрасно показывает дядя Володя. Он снимает цилиндр и вынимает из него меховую шапку — для А<делаиды> К<азимировны>, т<ак> к<ак> все ее платки отданы в чистку! Потом приносят два символических букета от знакомых. Мы все вместе в кабинете, среди разбросанных вещей дяди Мити. Всего описать невозможно. Я была тоже в светлом моем платье. Затем мы вчетвером едем в церковь в автомобиле, а по дороге поэты говорят стихи. В церкви настроения было много, — но оно было грустное. Слева только я и Людмила, справа дядя Володя и 2 шафера (2-ой брат Людмили — Юрик). А<делаиде> К<азимировне> была грустная и сосредоточенная. Никаких поздравлений не было. Мы уехали домой из церкви, а дядя Митя вскоре пошел на лекцию. Вечером мы снова поехали к ним, кроме нас никого не было. Ад<елаида> Каз<имировна> сказала: “Дм<итрий> Евг<еньевич> Я хочу, чтобы вы еще подтвердили, что ничего не случилось сегодня”. Это было ужасно мило...».

Сестры А. и Е. Герцык
с Д. Е. Жуковским. СПб., 1908.

Теперь становится понятным, откуда в воспоминаниях Евгении Казимировны появилось упоминание о чтении Волошиным сонетов по дороге в церковь. А о посещении им в тот же день лекции Бергсона вместе с новоиспеченным мужем было либо додумано мемуаристкой, либо услышано позже среди рассказов о свадебном дне.

Однако упомянутая в письме Л. Жуковской дата венчания 9/22 января 1909 года вновь расходится с датировкой письма А. К. Герцык к Е. А. Лубны-Герцык, написанного, как следует из его содержания, вечером

того же свадебного дня. Напомним, что оно датировано автором 23-м числом без месяца и года (подразумеваются новый стиль и январь 1909 года).

Приведем оригинальный текст этого письма: «Сегодня в 2 ч<аса> дня была наша свадьба, дорогие мои, очень тихая и целомудренная... Обручались рабы Божьи. Присутствовали только: Макс, зять Дм<итрия> Титович (правильно: Цытович. — Е. Л.) с племянницей и Дима (Людмила Гриневич. — Е. Л.) с Юриком. Шаферами были Макс и Юрик, оплакивали меня Любочка и Дима, свидетелем был — Титович. Он генерал, так что все-таки был свадебный генерал. Я была без вуали, но с белыми розами, и М-me Holstein [А. В. Гольштейн] прислала мне великолепный букет мимоз и роз, а Макс принес мне une herbe¹³ вишневого цвета. Из церкви все вместе на большом автомобиле вернулись домой, выпили кофе и малаги, и потом все разошлись. Дм<итрий> ушел на лекцию Bergson'a¹⁴, а меня оставили отдыхать, и вот я одна сижу, верней — лежу, и на пальце у меня горит толстое блестящее кольцо. Но мы бросим их в море, и Дм<итрий> закажет другие, железные. Вечером еще придут к нам Титовичи: надо соборно обсудить и оправдать наш брак. Любочка (она оч<ень> хорошая) взволновала меня тем, что на коленях умоляла меня еще сегодня отказаться и не быть женой Дмитрия, говоря, что я буду несчастна, что она по своей матери видит, как тяжел ее брак с его братом, а они похожи. И в то же время сам Титович (Дм<итрий> называет его “гением морали” и он имел на него огромное влияние) убеждал Дмитрия, что между нами должна быть только духовная дружба; все другое будет со стороны Дмитрия преступлением, что меня не надо приковывать к жизни, что ее реальность меня раздавит и т<ак> д<алее>. Теперь, раз уж все свершилось вопреки всему, мне хочется открыто и прямо поговорить при них о наших отношениях, тем более что они ко мне видимо оч<ень> расположены. Мы оба не могли спать сегодня ночью и все приходили др<уг> к другу возвращать свободу. Но самый ритуал как-то прошел незаметно, неторжественно, не было певчих, и не было молитвенного настроения. Дм<итрий> был бледный и расстроенный. Пока кончаю, родные мои, обнимаю вас горячо, преданно. Ваша воля исполнена»¹⁵.

Разрешить это последнее разночтение в хронологии и установить точную дату венчания позволяет актовая запись о бракосочетании А. К. Герцык и Д. Е. Жуковского, недавно обнаруженная нами в метрической книге парижской православной церкви на рю Дарю¹⁶, где состоялось их венчание.

Приведем полное содержание этой актовой записи:

*Метрическая книга
данная из СПБ. Духовной Консистории причту
Свято-Троицкой Александро-Невской церкви
при Императорском Российском посольстве в Париже
для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1909 год
Часть вторая о бракосочетавшихся.*

Счет браков: 2 (порядковый номер с начала года. — Е. Л.)

Месяц и день. Январь девятое (по старому стилю. — Е. Л.)

9/22 (по старому и новому стилю. — Е. Л.)

Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание жениха, и которым браком. Дворянин Димитрий Евгениевич Жуковский, православного вероисповедания, первым браком.

Лета жениха. 40.

Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты, и которым браком. Дочь Российского подданного Адель-Лубны Герцк <sic!>, из Дворян, Евангелическо-Лютеранского вероисповедания, первым браком.

Лета невесты. 36.

Кто совершал таинство. Протоиерей Иаков Смирнов с причтом.

Кто были поручители. По женихе: Генерал-Майор в отставке Владимир Николаевич Цытович и Дворянин Георгий Павлович Гриневиц, по невесте: Сын Коллежского Советника Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин.

Подпись свидетелей записи по желанию. (Подписи отсутствуют. — Е. Л.)

[Подписи причта] Протоиерей Иаков Смирнов. Псаломщики Лаврентий Пурпуров, Николай Архангельский и Григорий Дементьев [24].

Итак, теперь мы знаем точную дату венчания А. К. Герцк — это 1909 год, 9 января по старому стилю / 22 января по новому стилю.

Что еще полезного мы можем извлечь из этой метрической записи? И какие детали можем прокомментировать? Прежде всего обращают на себя внимание имя, возраст и инославное вероисповедание невесты.

Вопрос об именовании А. К. Герцк себя Аделью в дозамужний период подробно рассматривался в исследовании Н. Бонецкой [1, с. 120]. Остается лишь заметить, что ни сам факт, ни дата вступления в замужество не стали строгим водоразделом в употреблении этих имен: существует, например, ряд писем замужней А. К. Герцк к М. А. Во-

лошину и А. В. Гольштейн 1909–1910 годов с подписью «Адель Жуковская» [18, с. 142–144, 216].

Возраст невесты в брачной записи обозначен как 36 лет. Если он верен и был указан по ее паспорту, то годом рождения Аделаиды Казимировны следует считать 1872 год, а не 1874 или 1875 год, как это принято ныне. В любом случае это пока единственные данные о ее возрасте, взятые из официального документа. Кстати сказать, дата рождения Дмитрия Евгеньевича Жуковского встречается в вариантах. Возраст, записанный в графе жениха, — 40 лет — указывает на его рождение в 1868 году.

Несколько слов о конфессиональной принадлежности брачующихся. Отец невесты, Казимир Антонович, от рождения был римо-католиком, но позже принял православие, как это следует из его формулярного списка 1882 года [см.: 15]. Обе сестры, Аделаида и Евгения Герцк, в младенчестве были крещены, как и их мать Софья Максимилиановна (урожденная Тидебель), в евангелическо-лютеранскую веру. В зрелые годы, уже после замужества старшей Аделаиды, обе сестры перешли в православие: в 1911 году — Евгения Казимировна, в 1915 году — Аделаида Казимировна, получившая при крещении имя София.

Как известно, в России признавалась только церковная форма брака, к какому бы вероисповеданию ни принадлежали лица, вступающие в брак. Гражданский брак русских подданных, заключенный за границей в соответствии с законодательством данной страны, признавался в России незаконным сожителем. Наши герои, находясь за границей, предпочли традиционное венчание по православному обряду. В силу неправославного вероисповедания невесты брак считался смешанным, неправославный брачующийся должен был дать особую подписку о несклонении супруга к принятию другой веры, а также о том, что рожденные в браке дети будут крещены и воспитаны в правилах православного исповедания [7, с. 68; 2, с. 21].

Сословная принадлежность обоих — и жениха и невесты — потомственные дворяне. Аделаида Казимировна по отцу с 1884 года принадлежала к древнему дворянству Таврической губернии [16]. Дмитрий Евгеньевич происходил из дворян Витебской губернии [17], к этому дворянству, по российским законам, и должны были впоследствии относиться его жена и потомство.

В заключение хотелось бы отметить, что биографические лакуны и спорные даты жизни А. К. Герцк подтолкнули нас, уже после завершения этой работы, к новым архивным разысканиям, которые принесли щедрые плоды и рассеяли наши сомнения.

Нам удалось установить не только достоверные даты рождения сестер Аделаиды и Евгении Герцык, но и их точные полные имена, полученные при крещении, а также многие другие основополагающие биографические сведения о них и их родных и близких лицах, упомянутых в настоящей публикации. При этом мы не стали переписывать свою статью, оставив ее в исторических рамках прочитанного на конференции доклада, а часть вновь найденных данных решили привести в виде архивных документов в Приложении.

Считаем своим приятным долгом поблагодарить М. В. Доронину за действенную помощь в наших архивных поисках.

Примечания

¹ Датой рождения А. К. Герцык принято считать 3 (15) февраля 1874 или 1875 г. По свидетельству младшей сестры, разница в их возрасте составляла четыре года [см.: 6, С. 29]. Как мы увидим дальше, эти данные плохо согласуются с вновь найденными документами.

² Во время подготовки к докладу нам удалось обнаружить сведения об обучении А. К. Герцык в Московской гимназии Ю. П. Бесс (в Малом Кисловском пер., д. Руссель) [См.: 19, с. 31]. Согласно этому изданию, А. К. Лубны-Герцык окончила гимназию в 1890 г. со званием домашней учительницы по русскому языку. С 1888 г. в той же гимназии служила преподавателем музыки Елена Максимилиановна Тидебель [19, с. 68], родная тетка А. К. Герцык по матери.

Обращает на себя внимание такая деталь: звание домашней учительницы присуждалось по успешном окончании 8 дополнительного (педагогического) класса. Выходит, что А. К. Герцык окончила его в довольно юном возрасте 15 или 16 лет, что маловероятно и ставит под сомнение принятый условно год ее рождения. По нашим представлениям, он несколько завышен.

³ *Вера Степановна Гриневиц* (урожд. *Романовская*, до 1874 – не ранее 1948) — дочь заведующего Судакской крепостью; основательница школы им. Вл. Соловьева в Москве; ближайшая подруга сестер Герцык. Эмигрировала в 1922 г. Автор некролога: *В. Гриневиц*. Памяти А. К. Жуковской // Возрождение. Париж, 1925. № 55. 27 июля. С. 2. Подробнее о ней [см.: 6, с. 96–103 (гл. «Вера»); 14, с. 8–20].

⁴ *Александра Васильевна Гольштейн (Гольштейн)* (урожд. *Баулер*, в первом замуж. *Вебер*, 1850–1937) — журналист, критик, переводчик, хозяйка литературного салона в Париже; близкий друг М. А. Волошина.

⁵ В том же письме Волошин резко осудил распространение слухов о частной жизни сестер Герцык: «Меня глубоко возмутило, что Нат<алия> Иван<овна> [Манасейна] смеет об этом говорить и писать. Еще на днях тоже через посредство Нат<алии> Иван<овны> дошел до Парижа слух о том, что Вячеслав женится на Жене Герцык (что есть ложь). Но как у ней хватает бесстыдства на все четыре

стороны пускать свои маленькие “житейские” гипотезы о жизни людей ей чужих, ей чуждых, о жизни, в которой совершается действительно важное и трагическое. Мне известны близко, и хорошо, отношения Ад<ели> Г<ерцык> и Жуковск<ого>, и Вячес<лава> и Жени Г<ерцык>. Известны в их интимных и неопределимых оттенках. Но почему же первая весть об Адели Г. должна была дойти до меня в глупой и пошлой фразе Нат<алии> Ив<ановны>: “А. Г. вышла замуж за Ж.”? Эта бесцеремонная и навязчивая болтливость просто кощунственна и поэтому отвратительна» (Там же).

⁶ *Любовь Александровна Жуковская* (в замуж. *Лубны-Герцык*, 1890–1943) — дочь старшего брата Д. Е. Жуковского; впоследствии вышла замуж за В. К. Лубны-Герцыка, брата сестер Герцык.

⁷ *Владимир Николаевич Цытович* (1858–1941) — потомственный дворянин, сын генерал-лейтенанта Н. С. Цытовича (1827–1893); военный инженер, участник Русско-турецкой войны (1877–1878), генерал-майор в отставке с 1906 г. Возвращен на службу в 1914 г. Во время гражданской войны служил в армии А. В. Колчака помощником библиотекаря в Военной академии. Позже эмигрировал. Был женат на сестре Д. Е. Жуковского, Любови Евгеньевне (1862–1930) [См. о нем.: 9 (встречаются ошибки из Википедии)]. В студенческом деле его сына Е. В. Цытовича (см. о нем след. примеч.) имеется указ об отставке В. Н. Цытовича (1906), содержащий его полный послужной список на 1906 г. [22].

⁸ *Евгений Владимирович Цытович* (1890–1975) — старший сын В. Н. Цытовича. В то время студент 1 курса химического отделения С.-Петербургского технологического института (16 сентября 1908 г. получил свидетельство от института, разрешающее ему отпуск за границу по случаю болезни). В 1910–1916 гг. — студент С.-Петербургского политехнического института [подробнее о его обучении см.: 23]. После поражения Белой армии эмигрировал.

⁹ *Валерия Дмитриевна Жуковская* (урожд. *Богданович*, 1862–1938) — жена А. Е. Жуковского (1859–1931), брата Д. Е. Жуковского, певица; по семейной легенде — внучатая племянница М. И. Глинки. Ее родителями были поручик Д. Богдановича и, предположительно, Вера Филипповна, урожд. Савицкая (?). В 1880 г. вместе с сестрой Верой Богданович окончила С.-Петербургскую Васильевскую гимназию с правом на получение звания домашней учительницы. В 1880–1886 гг. обучалась в С.-Петербургской консерватории по классу пения, которую окончила с дипломом и малой серебряной медалью [подробнее см.: 21; 8, с. VI].

¹⁰ *Василиса Александровна Жуковская* (в замуж. *Сергейская*, 1892–1959) — младшая сестра Л. А. Жуковской.

¹¹ Следовательно, приезд А. К. Герцык и Д. Е. Жуковского в Париж состоялся 15/28 ноября 1908 г.

¹² *Людмила Павловна Гриневиц* — удочеренная племянница В. С. Гриневиц.

Георгий (Юрий) Павлович Гриневиц (1890–1918) — старший сын В. С. Гриневиц. В 1908 г. окончил С.-Петербургскую 3 мужскую гимназию [см.: 13, с. 86]. С

осени 1909 г. по весну 1915 г. состоял студентом историко-филологического факультета С.-Петербургского университета [подробнее см.: 20]. В «Отчете о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 год» [12, с. 120, 121] упоминается научная работа Ю.П. Гриневича о неизданной краснофигурной лекане, найденной в Керчи в 1906 г. В соавторстве с С. С. Лукьяновым опубликовал книгу: Керченская кальпида 1906 года и поздняя краснофигурная живопись. Пг.: Тип. Гл. упр. уделов, 1915.

¹³ охапку (фр.).

¹⁴ Анри Бергсон (1859–1941) — французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни; в 1900–1914 гг. — профессор Коллеж де Франс, с 1901 г. — член Академии моральных и политических наук (с 1914 г. ее председатель). В конце 1908 г. его лекции в Париже по рекомендации А. В. Гольштейн посещал М. А. Волошин. Какую лекцию Бергсона посетил Д. Е. Жуковский, неизвестно. Нам удалось найти сведения лишь о докладе Бергсона, состоявшемся 23 января 1909 г. в упомянутой академии и посвященном книге Э. Мейерсона «Identity et réalit́» («Идентичность и реальность», 1908).

¹⁵ Текст письма цитируется по оригиналу из архива Т. Н. Жуковской. См. также: [18, с. 80–81] (датировка письма в публикации ошибочна).

Ср. дневниковую запись М. А. Волошина от 2 января (н. ст.) 1909 г. в «Истории моей души»: «На туманной дождливой улице, в грязь и оттепель возвращались мы от Г<ольштейн> с Адел<айдой>, и она говорила мне: “*Это* совершилось два дня назад. Но почему так безрадостно? Без экстаза? Женщина в этот миг испытывает свою глубокую древность: она мать, и бабушка, и прародительница. А мужчина в это время испытывает всю мгновенность слабости, смерти и бессилия. И она держит его, как ребенка, в своих руках”» [4, с. 301].

¹⁶ Ныне Свято-Александро-Невский кафедральный собор в Париже (построен между 1858 и 1861 г., архитекторы Р. И. Кузьмин и И. В. Штром); находится в 15 округе по адресу — 12, rue Daru.

Список литературы

1. Бонецкая, Н. Русская сивилла и ее современники : творческий портрет Аделаиды Герцык / Н. Бонецкая. — М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. — С. 120.
2. Быховский В. В. Брак и развод / В.В. Быховский. — М.: Изд. В. М. Саблина, 1912.
3. В. Гр<иневич>. Памяти А. К. Жуковской // Возрождение. — Париж, 1925. — № 55 (27 июля). — С. 2.
4. Волошин, М. Собр. соч.: в 12 т. Т. 7. Кн. 1. / М. Волошин. — М.: Эллис Лак 2000, 2006.

5. Волошин, М. Собр. соч.: в 12 т. Т. 9 / М. Волошин. — М. : Эллис Лак, 2010.

6. Герцык, Е. Воспоминания / Е. Герцык / сост., авт. вступ. статьи и коммент. Т.Н. Жуковская. — М.: Московский рабочий, 1996.

7. Григоровский, С. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе... / С. Григоровский. — СПб., 1908. — С. 68.

8. Двадцатипятилетие Васильеостровской женской гимназии 1858–1883 г. СПб.: Тип. В. Демакова, 1883.

9. Жуковская Т. Н. О семье Цытович // Крымский архив. — Симферополь, 2015. — № 2 (17). — С. 10–23.

10. «...Неповторимый в своих сочетаниях момент»: Письма А. К. Герцык к родным и друзьям / Вступит. ст., сост., подгот. текста, публ. Т. Н. Жуковской, примеч. Н.А. Богомоллова и Т. Н. Жуковской. Послесл. Н. А. Богомоллова // Новый мир. — 1999. — № 5.

11. Купченко, В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина : летопись жизни и творчества / В. П. Купченко. — СПб.: Алетейя, 2002.

12. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 год. — СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1911.

13. Памятка бывшим ученикам С.-Петербургской 3-й гимназии / Сост. С. В. Лавров. СПб.: Типо-Литогр. В. Кене и Ко, 1911.

14. Переключка через «Железный занавес»: Письма Е. Герцык, В. Гриневич. Л. Бердяевой / публ., сост., вступ. ст. и коммент. Т. Н. Жуковской. — М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский путь, 2011.

15. РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Ед. хр. 1516. Л. 415, 416 об.

16. РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Ед. хр. 1516. Л. 432–432 об.

17. РГИА. Ф. 1343. Оп. 21. Ед. хр. 9288; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 26106. Л. 10.

18. Сестры Герцык. Письма / сост. и коммент. Т. Н. Жуковской, вступит. ст. М.В. Михайловой. — М. : Инапресс; Дом-музей Марины Цветаевой, 2002.

19. Соколов, М. Пятидесятилетие женской гимназии Ю. П. Бесс. 1843–1893 / М. Соклов. — М., 1894.

20. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 53904.

21. ЦГИА СПб. Ф. 149. Оп. 1. Ед. хр. 204; ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 2. Ед. хр. 649.

22. ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Ед. хр. 10232. Л. 8–9 об.

23. ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Ед. хр. 10232; Ф. 478. Оп. 3. Ед. хр. 7214.

24. ЦИАМ СПб. Ф. 19. Оп. 126. Ед. хр. 1694. Л. 32 об.–33.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ*

1.

АДЕЛАИДА КАЗИМИРОВНА ГЕРЦЫК

1.1. СВИДЕТЕЛЬСТВО О КРЕЩЕНИИ

извлеченное из списков рожденных и крещенных
Евангелическо-Лютеранского прихода Святых Петра и Павла
в Москве. № 131 за 1872 год.

Третьего (3) Февраля тысяча восемьсот семьдесят второго года (1872) в семь часов в Александрове Владимирской губернии родилась и девятого (9) Июля того же года Младшим Пастором Павлом Эверт крещена Адела София Иосефина (фон Герцык), законная дочь Инженера Казимира Романа фон Герцык, Римско-Католического исповедания и его жены Софии Августы Екатерины урожденной фон Тидебель, Евангелическо-Лютеранского исповедания. Восприемники: Девица Адела фон Тидебель 2) Инженер Иосиф фон Герцык. 3-е) Жена Инженер Полковника Адела фон Герцык, урожденная Ольшевская, заочно 4) Прокурор Константин Ковалевский заочно. В том свидетельствуется сим по долгу священническому с приложением церковной печати. Москва 11-го Июля 1872 года. Старший Пастор при Евангелическо-Лютеранской церкви Святых Петра и Павла Господин Дикгоф. № 699. (Место Печати)

По Указу
Его Императорского Величества
Самодержца Всероссийского
и прочая и прочая и прочая

Московскою Евангелическо-Лютеранскою Консисторию удостоверяется сим, что вышепрописанное свидетельство о крещении Аделы Софии Иосефины фон Герцык, собственноручно подписано Старшим Пастором Московского Евангелическо-Лютеранского Прихода Святых Петра и Павла Господином Дикгоф, снабжено церковною печатью и с

* Документы печатаются с раскрытием имеющих в текстах сокращений; особенности орфографии и пунктуации по возможности сохранены; подлинные подписи выделены курсивом.

церковными книгами означенного прихода согласно. Москва 4 Августа 1872 года. № 1735. (Место Печати) (Подписал)

Светский Заседатель Кноблок (Скрепил)

Секретарь Р. Г. Гассельблам. Печать. В верности перевода свидетельствует Московско-Евангелическо-Лютеранской Консистории Секретарь Р. Гассельблам.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю верность этой копии с подлинником перевода ее, представленным мне, Николаю Николаевичу Ратькову, Московскому Нотариусу, в конторе моей, находящейся Городского Участка, на Никольской улице, в доме под № 53м, титулярным Советником Казимиром Антоновичем Герцык, живущим по линии Московско-Ярославской железной дороги, на станции Александров. При сличении мною этой копии с подлинником перевода, в последнем поправлено: «Софья» «Гертцык». «Адель». 1884 года Июня 22-го. По реестру № 943. Подписал Нотариус Ратьков (Место Печати)

ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 459. Оп. 10. Ед. хр. 8988. Л. 5–5 об. Копия с копии. Перевод.

1.2. АТТЕСТАТ

[ОБ ОКОНЧАНИИ 7 КЛАССА ГИМНАЗИИ]

Предъявительница, сего, ученица VII класса Московской частной женской гимназии, учрежденной Ю. П. Бесс, *Адель Казимировна Лубны-Герцык*, как видно из документов, дочь дворянина, лютеранского исповедания, имеющая от роду 17 лет, поступила по экзамену в IV класс Московской частной женской гимназии, учрежденной Ю. П. Бесс <, > в 1885 году и, находясь в ней до окончания полного курса учения, в продолжение всего этого времени вела себя отлично и была переводима, по испытаниям. В высшие классы, а именно: в 1886 году в V класс, в 1887 году в VI класс, в 1888 году в VII класс и в 1889 году переведена в VIII класс.

В настоящем году, при бывшем окончательном испытании ученицам VII класса, она оказала в обязательных предметах гимназического курса нижеследующие познания:

- 1) В Законе Божиим *не обучалась*
- 2) В Русском языке с церковно-славянским и словесности *отличные (5)* и сочинение на русском языке написала *отлично (5)*

- 3) В Математике *отличные* (5)
 4) В Географии всеобщей и русской *отличные* (5)
 5) В Естественной истории *отличные* (5)
 6) В Истории всеобщей и русской *хорошие* (4)
 7) В Физике и математической и физической географии *отличные*

(5)

Из всех предметов получила в общем среднем выводе 4,8.

Затем чистописанию и рукоделию обучалась с *отличными успехами*

Сверх того, из необходимых предметов гимназического курса она обучалась:

1. Французскому языку *отлично* (5)
2. Немецкому языку *хорошо* (4)

Почему, на основании установленных правил, она, *Адель Лубны-Герцык*, удостоена звания ученицы, окончившей полный курс учения в женской гимназии с распространением на нее прав и преимуществ, предоставленных статьею 45 Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства Народного Просвещения, Высочайше утвержденного 24 мая 1870 года, и статьею 12 мнения Государственного Совета по вопросу о специальных испытаниях по Министерству Народного Просвещения, утвержденного 22 апреля 1868 года.

В удостоверение чего, и дан ей, *Адели Лубны Герцык*, сей аттестат по определению педагогического совета Московской частной женской гимназии, учрежденной Ю. П. Бесс, состоявшемуся Сентября 2 дня 1889 года.

Москва, Сентября 26 дня 1889 года. № 72.

Подлинный подписали:

Председатель Педагогического Совета К. П. Воскресенский

Начальница Ю. Бесс

Законоучители: Священник Михаил Руднев

Диакон П. Владиславлев

Члены Педагогического Совета: [А. Ф.] Гретман, [Б. К.] Млодзеевский, [С. И.] Лапшин, [М. Н.] Розанов, [З. Д.] Языкова, [В. П.] Шереметевский, [П. М.] Иванов, [И. П.] Казанский, [А. Н.] Гартман

Место печати гимназии:

Скрепил Секретарь Педагогического Совета *Михаил Соколов*

ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 459. Оп. 10. Ед. хр. 8988. Л. 3–3 об. Копия на типографском бланке.

1.3. УДОСТОВЕРЕНИЕ [ОБ ОКОНЧАНИИ 8 КЛАССА ГИМНАЗИИ]

Предъявительница сего, ученица VIII дополнительного педагогического класса Московской частной женской гимназии, учрежденной Ю. П. Бесс, Адель Казимировна Лубны-Герцык, как видно из документов, дочь дворянина, вероисповедания лютеранского, имеющая от роду 18 лет, поступила в гимназию в августе месяце 1885 года в IV класс и затем в 1888–89 учебном году окончила курс учения в VII классе с одобрительным аттестатом; в продолжение 1889–90 учебного года обучалась в VIII дополнительном педагогическом классе означенной Гимназии, при чем оказала следующие успехи:

I. По обще-обязательным предметам:

- 1.) По Закону Божию
- 2.) По Педагогике и Дидактике *отличные* (5)
- 3.) По Начальному преподаванию русского языка *отличные* (5)
- 4.) По начальному преподаванию арифметики *отличные* (5)

II. По специально-избранным предметам:

- 1) По Русскому языку *отличные* (5)

Почему, на основании статьи 353 пункта 21 Свода Законов издания 1857 года тома III, правил о специальных испытаниях по Министерству Народного Просвещения, утвержденных 15 Мая 1870 года пунктов 43 и 44, Педагогический совет Московской частной женской гимназии, учрежденной Ю. П. Бесс, в заседании своем 19 Мая 1890 года, определил: «удостоить Адель Лубны-Герцык звания домашней учительницы по Русскому языку». Москва Июня 5 дня 1891 года. № 141.

Подлинное подписали Председатель Педагогического Совета и Начальница Гимназии. Скрепил Секретарь Педагогического Совета.

Место печати гимназии:

Место Печати

ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 459. Оп. 10. Ед. хр. 8988. Л. 4–4 об. Копия.

1.4. СВИДЕТЕЛЬСТВО
[НА ЗВАНИЕ ДОМАШНЕЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ]

Дано сие девице *Адели Казимировны Лубны-Герцык* в том, что она, как из представленных документов видно, подданная Российской Империи, дочь дворянина, родилась 3 Февраля 1872 года и крещена в веру Христианскую Евангелическо-Лютеранского исповедания; образование получила в Московской частной женской гимназии, содержимой госпожею Бесс, от которой имеет аттестат VII класса гимназии, из коего видно, что она обучалась и оказала успехи: в русском языке с церковнославянским и словесности *отличные*, математике *отличные*, географии всеобщей и русской *отличные*, естественной истории *отличные*, истории всеобщей и русской *хорошие*, физике, математической и физической географии *отличные*, французском языке *отличные*, и немецком языке *хорошие*. Сверх сего, *Лубны-Герцык* слушала в дополнительном классе особый специальный курс для лиц, желающих приобрести права на звание домашней наставницы и учительницы по предмету русского языка. Вследствие ходатайства Педагогического Совета гимназии и на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 24 Мая 1870 года Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства Народного Просвещения дозволено ей, *Лубны-Герцык*, принять на себя звание ДОМАШНЕЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ с правом преподавать русский язык со всеми выгодами и преимуществами, присвоенными означенному званию, поколику оные к ней относиться могут. В удостоверение чего дано сие свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением печати Канцелярии Попечителя Московского Учебного Округа.

Июля 9 дня 1891 года. № 8906.

*Управляющий Учебным Московским
Округом, Округной Инспектор <подпись отсутствует>
Тайный Советник и Кавалер <подпись отсутствует>*

*ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 459. Оп. 10. Ед. хр. 8988. Л. 15.
Копия на типографском бланке.*

2.
ЕВГЕНИЯ КАЗИМИРОВНА ГЕРЦЫК

2.1. СВИДЕТЕЛЬСТВО О КРЕЩЕНИИ
извлеченное из списка рожденных и крещенных
Евангелическо-Лютеранского Святых Петра и Павла в Москве
прихода
(Старший пастор) 1877 года № 37.

Тридцатого (30) Сентября в шесть часов вечера тысяча восемьсот семьдесят седьмого (1877) года родилась в городе Александрове Владимирской Губернии и семнадцатого (17) Марта тысяча восемьсот семьдесят восьмого (1878) года крещена на месте рождения нижеподписавшимся:

Евгения, Елена.

Родители: начальник дистанции при Ярославской железной дороге Казимир, Роман Лубны-Герцык, Римско-Католического исповедания и жена его София, Августа, Екатерина урожденная Фон-Тидебель, Евангелическо-Лютеранского исповедания.

Восприемники: 1) Петр Арнатский, техник. 2) Елена Лагорио урожденная Фон-Герцык, заочно, а вместо нее Елена Фон-Тидебель.

За верность сей выписки свидетельствую сим с приложением церковной печати, по долгу священническому. Москва 24 Июля 1890. № 833.

(Место Печати)

Старший Пастор при Церкви Святых Петра и Павла
(Подпись) Г. Дикгоф

По Указу
Его Императорского Величества
Самодержца Всероссийского
и прочая и прочая и прочая

Московскою Евангелическо-Лютеранскою Консисториею удостоверяется сим, что вышеописанное свидетельство о крещении собственноручно подписано Старшим Пастором Московского Евангелическо-Лютеранского Святых. Петра и Павла Прихода, Господином Дикгоф, снабжено церковною печатью и с церковными книгами согласно. Москва 1 Августа 1890 года. № 1514.

Светский Заседатель (Подписал) Кноблук
(Место Печати)

(Скреп<ил>) Секретарь Р. Г. Гассельблат. Печать.

(Место Печати) За верность перевода: Московской Евангелическо-Лютеранской Консистории переводчик Громан.

ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 459. Оп. 10. Ед. хр. 11360. Л. 3–3 об. Копия. Перевод.

2.2. МЕТРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О КОНФИРМАЦИИ,
выписанное из списка конфирмованных евангелическо-лютеранского
святых Петра и Павла прихода в Москве, № 99, 1894 года
(Обер Пастор)

Тысяча восемьсот девяносто четвертого (1894) года Апреля двадцать четвертого (24) дня конфирмована в евангелическо-лютеранской святых Петра и Павла церкви по предшествовавшему обучению Закону Божию и по хорошо выдержанному испытанию, и была в тот же день допущена в первый раз к приобщению святых Тайн: Евгения Елена (Eugenie Nijline) Лубны-Герцык (Lubnja-Hertzik), законная дочь Начальника дистанции Казимира Романа (Kasimir Roman) Лубны-Герцык, родившаяся в Москве 30го Сентября 1878 <sic!> года.

В верности сей выписки свидетельствую сим с приложением церковной печати sub fide pastorali*. Москва 22 Января 1895 года. № 833.

(Место Печати)

Обер-Пастор евангелическо-лютеранской святых Петра и Павла церкви
(Подпись) Г. Дикгоф

ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 459. Оп. 10. Ед. хр. 11360. Л. 4. Копия.

2.3. [ПРОТОКОЛ О СДАЧЕ ЭКЗАМЕНА
В ИСПЫТАТЕЛЬНОМ КОМИТЕТЕ МОСКОВСКОГО УЧЕБНО
ОКРУГА]

* по долгу священническому (лат.).

В 1894-95 академическом году в Испытательном Комитете, учрежденном при Московском Учебном Округе, в присутствии Председателя Комитета, Окружного Инспектора Баранова, Членов Комитета: Священника Антушева, Виноградова, Войнаховского, Минина, Глаголева, Владиславлева, Хитрова, Бахмана и Конюса, была подвергнута полному специальному испытанию Евгения *Лубны-Герцык*, желающая получить звание Домашней учительницы для преподавания Истории.

На испытании оказала познания из общего предмета:

Из Русского языка – отлично (5)

Из Истории как главного предмета предложены были:

НА УСТНОМ ИСПЫТАНИИ

вопросы: Италия, Испания в средние века. Русь Северо-восточная. Александр Невский.

НА ПИСЬМЕННОМ ИСПЫТАНИИ

вопросы: 1.) Пунические войны. 2.) Крестовые походы. 3.) Лютер. 4.) Дмитрий Донской. 5.) Правление Софьи.

Означенные вопросы разрешены испытующею – *отлично* (5)

затем *госпожей Лубны-Герцык* прочитан с успехом пробный урок: «Иоанн III».

Сверх того испытующею оказала познания из вспомогательных предметов.

(Из Истории)

” Географии – хорошо (4)

” Арифметики – удовлетворительно (3)

Испытательный Комитет, по обсуждении степени удовлетворительности познаний оказанных *госпожей Лубны-Герцык* на испытании, и пробного урока признал ее достойною звания Домашней учительницы Истории и определил: Протокол о произведенном Госпожей Лубны-Герцык испытании, с приложением письменных ее работ и документов, представить на благоусмотрение Господина Попечителя Московского Учебного Округа.

Письменные работы на 5 листах.

Председатель Комитета *А. Баранов*

Секретарь Комитета *И. Богданов*

ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 459. Оп. 10. Ед. хр. 11360. Л. 8–8 об. Подлинник.

2.4. СВИДЕТЕЛЬСТВО
[НА ЗВАНИЕ ДОМАШНЕЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ]

Дано сие девице *Евгении Казимировне Лубны-Герцык* в том, что она, как из представленных документов видно, подданная Российской Империи, дочь дворянина, родилась 30-го Сентября 1877 года и крещена в веру Христианскую Евангелическо-Лютеранского исповедания; образование получила домашнее. Вследствие поданного ею прошения о желании вступить в домашние учительницы и по рассмотрении представленных ею удостоверительных свидетельств, которые найдены удовлетворительными, допущена была к испытанию в Испытательном Комитете Московского Учебного Округа и оказала в истории *отличные* сведения и, сверх сего, в присутствии испытателей с успехом дала пробный урок по означенному предмету. А ей, *Лубны-Герцык*, дозволено принять на себя звание ДОМАШНЕЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ с правом преподавать вышеупомянутый предмет со всеми выгодами и преимуществами, присвоенными означенному званию, поколику оные к ней относиться могут. В удостоверение чего дано сие свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением печати Канцелярии Попечителя Московского Учебного Округа. Мая 14 дня 1895 года. № 8759.

Попечитель Московского Учебного Округа, Тайный Советник и Кавалер <подпись отсутствует>

ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 459. Оп. 10. Ед. хр. 11360. Л. 27.
Копия на бланке.

2.5. СВИДЕТЕЛЬСТВО ОТ МОСКОВСКИХ ВЫСШИХ
ЖЕНСКИХ КУРСОВ.

в том, что *Евгения Казимировна Лубны-Герцык* прослушала полный учебный четырехлетний курс и выдержала с *отличием* все установленные испытания по Историко-Философскому отделению.

На основании Высочайше утвержденного 2 Сентября 1904 года всеподданнейшего доклада Министра Народного Просвещения сие свидетельство дает право на преподавание в старших классах женских гимназий по всем предметам с присвоением всех служебных прав, в том числе пенсионных.

ДИРЕКТОР Высших Женских Курсов *Действ. Статский*
Декан Отделения *Советник В. Герье*

А. Грушка
П. Виноградов

Л. Бельский

Профессора и

И. Цветаев

В. Миллер

Преподаватели

В. Гуацнгов

<Печать:>

А. Веселовский Московские Высшие

Кн. С. Трубецкой Женские Курсы

М. Любавский В. Ж. К.

М. Розанов

Апреля мес. 12 ч.

П. Новгородцев

1905 г.

В. Герье

№ 44.

Личный архив Т. Н. Жуковской. Подлинник.

3.

КАЗИМИР АНТОНОВИЧ ГЕРЦЫК

3.1. [МЕТРИЧЕСКАЯ ВЫПИСКА О РОЖДЕНИИ И КРЕЩЕНИИ]

По указу Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского

Выпись из метрической крестной книги Севастопольской Римско-Католической Капелли Черноморского флота о рождении и крещении Казимира Герцыка, в коей на странице тридцать шестой под № сто семьдесят осмым записанная <sic!> следующего содержания:

«Тысяча восемьсот сорок третьего года Сентября двадцать третьего дня, в Римско-Католической Капелли Черноморского флота и портов окрещен младенец именем *Казимир*, Капелляном Ксендзом Коперским [Каперским], с совершением всех обрядов таинства, Полевого Инженер Капитана *Антония сына Казимира Герцыка и Анны дочери Августа* урожденной *Бракер*, законных супругов сына родившегося 15 сего месяца в городе Севастополе. Восприемниками были: Артиллерии Генерал-Лейтенант *Бракер* и Александра *Плетинева*.

В том о точности оной своим подписом и приложением Церковной печати удостоверяю, с тем, что статья этой метрики из подлинной мет-

рической книги выписана верно. Подлинное подписал: Капеллян Черноморского флота и портов Ксензд Дидак Самбор (Место Печати)

По указу Его Императорского Величества Могилевская Римско-Католическая Духовная Консистоция, на основании резолюции 9 Ноября 1850 года состоявшейся, свидетельствует, что сия метрика о рождении и крещении Казимира Антонова сына Герцыка, в метрических Экстрактах Севастопольской Римско-Католической Капелли Черноморского флота и портов, состоит записана во всем сходная, сомнению не подлежит и имеет законную достоверность. Ноября 15 дня 1850 года. Подлинное за надлежащею подписью и печатью. № 9767.

Верно: Секретарь Дворянства *И. Колодин*

РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Ед. хр. 1516. Л. 415–415 об. Копия.

3.2. АТТЕСТАТ [О СЛУЖБЕ]

Предъявитель сего, состоявший Старшим Контролером Контроля Лозово-Севастопольской и Донецкой железных дорог, Коллежский Ассессор Казимир Антонович Герцык, как из формулярного о службе его списка видно, сорока восьми лет, римско-католического исповедания, знаков отличия не имеет. Содержание получал в год: жалования в год 2000 рублей и столовых 800 рублей, всего 2800 рублей. Из дворян. Имения ни за ним, ни за его родителями никакого не значится. В службу вступил кондуктором в кондукторскую роту Николаевского Инженерного училища тысяча восемьсот пятьдесят девятого года Декабря семнадцатого. Портупей-юнкером 1862 года Декабря 23. Высочайшим приказом произведен по экзамену в прапорщики в 1-й Кавказский Саперный Его Императорского Высочества Николая Николаевича Старшего баталион тысяча восемьсот шестьдесят третьего года Июня двенадцатого. Отправлен к баталиону 1863 года Июля 5. Прибыл 1863 года Августа 11. Командирован в переменный состав Кавказской Стрелковой школы 1863 года Октября 16. Прибыл из оной к баталиону 1864 года Августа 20. Отправлен в Николаевскую Императорскую Академию для держания экзамена и поступления в оную 1865 года Мая 1. Прикомандирован к 1-му Саперному резервному баталиону 1865 года Мая. 16. На вакансию подпоручиком 1865 года Июня 27. Прибыл к Академии 1865 года Сентября 2. Зачислен в младший класс 1865 года Октября 1. Зачислен по Саперным баталионам с прикомандированием к Николаевской Инженерной Академии 1865 года Декабря 8. От-

числен от Академии прежде окончания курса наук и отправлен в Министерское Отделение Главного Инженерного Управления 1866 года Октября 7. На вакансию произведен в поручики 1867 года Июля 1. Высочайшим приказом по военному ведомству уволен в отпуск по домашним обстоятельствам для определения к статским делам с переименование в Коллежские Секретари 1867 года Ноября 2. Определен на службу в Министерство Внутренних Дел причисленным к оному с откомандированием для занятий в Техническо-Строительный Комитет 1867 года Ноября 2. Произведен за выслугу лет в Титулярные Советники со старшинством с 1870 года Июля 1. Командирован для занятий в распоряжение Правления Общества Московско-Ярославской железной дороги 1872 года Февраля 9. Согласно прошения, перемещен на службу в Государственный Контроль с назначением на должность Старшего Контролера Контроля Лозово-Севастопольской и Донецкой железных дорог 1890 года Июня 8. Указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 8 Ноября 1890 года за № 207, произведен за выслугу лет в Коллежские Ассессоры со старшинством с 1890 года Июня 8. Согласно прошению, по домашним обстоятельствам, уволен от службы тысяча восемьсот девяносто третьего года Марта первого. В походах и делах против неприятеля, а также в штрафах, под следствием и судом не находился. В отставке не был, а в отпусках находился в 1892 году на две недели в и 1893 году с 15 Января на один месяц. Женат вторым браком на дочери Коллежского Советника Вокача, девице Евгении Антоновне, имеет детей от первого брака дочерей: Аделу-Софию-Иосефину, родившуюся 3 Февраля 1872 года и Евгению-Елену, родившуюся 30 Сентября 1877 года. Жена православного исповедания, а дети лютеранского. Случаям, лишаящим его права на получение в свое время знака отличия беспорочной службы и ордена Святого Владимира 4 степени за 35 лет, не подвергался. В удостоверение чего и дан ему, Герцыку, сей Аттестат из Канцелярии Государственного Контроля за надлежащим подписанием и приложением Казенной печати. Гербовый сбор оплачен. Санкт-Петербург Мая 5 дня 1893 года. № 4205.

Его Императорского Величества Всемилодивейшего Государя моего Тайный Советник, Директор Канцелярии Государственного Контроля и Кавалер орденов Святой Анны 1 степени, Святого Станислава 1 степени, Святого Владимира 3 степени и Святого Станислава 2 степени с короною (подпись) [В. И.] Васильев
(Место Печати)

Делопроизводитель (подпись) [С. Ф.] Газенцер

ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 459. Оп. 10. Ед. хр. 11360. Л. 6–7. Копия.

3.3. УКАЗ [ОБ УТВЕРЖДЕНИИ В ДВОРЯНСТВЕ]

Его Императорского Величества
Самодержца Всероссийского

Из Правительствующего Сената Таврическому дворянскому Депутатскому Собранию.

По указу Его Императорского Величества, Правительствующий Сенат слушали: записку из дела по рапорту Таврического Дворянского Депутатского Собрания, от 3 Мая 1884 года за № 95, о дворянском достоинстве Казимира, сына Антона Казимирова Лубны-Герцык. Приказали: Из дела видно: 1) что Определением бывшей Герольдии Сената 29 Сентября 1847 года состоявшимся, Антон Казимиров Лубны Герцык утвержден в потомственном дворянском достоинстве со внесением в шестую часть дворянской родословной книги по Витебской губернии; о чем в Витебское Дворянское Депутатское Собрание послан был указ 17-го Января 1848 года за № 370; и 2-ое, что сын означенного Антона Лубны-Герцык, настоящий проситель, Титулярный Советник Казимир Антонов, родившийся 15 Сентября 1843 года от брака отца его с Анной, урожденной Бракер, ходатайствует о сопричислении его к роду, с перечислением в дворяне Таврической Губернии, в Феодосийском уезде коей, он приобрел недвижимое имение. Принимая во внимание, что представленными к делу документами доказывается законное происхождение настоящего просителя от отца его, утвержденного в 1847 году в дворянстве Антона Казимирова Лубны Герцык, а равно не находящие означенного просителя по настоящее время под судом и следствием, Правительствующий Сенат, руководствуясь статьями 38, 39, 275, 284 и 1111 тома IX и приложения к 69 (примечание 2) Законов <о> состояниях издания 1876 года Определяет: постановление Таврического Дворянского Депутатского Собрания, 12 Марта 1884 года состоявшееся, о внесении Казимира сына Антона Казимирова Лубны Герцык в шестую часть дворянской родословной книги, как правильное и с законами согласное утвердить; о чем означенному Депутатскому Собранию в разрешение рапорта его за № 95, послать указ, предписав взыскать с просителя шестьдесят копеек гербовых пошлин и отослать в казну, а также вытребовать от него и представить в Сенат квитанцию Губернского Казначейства, во взносе 10 рублей пошлин на изготовление дворянского свидетельства, в исполнение правил о том от 23 Сентября 1864 года о производстве дел о дворянстве лиц, происходящих из бывшей польской шляхты.

Августа 23 дня 1884 года. № 3990.

Подлинный за надлежащею подписью.

Копию сверил с подлинником Секретарь Дворянства.

Что эта копия с указа Правительствующего Сената с подлинным верна и выдана Инженер Титулярному Советнику Казимиру Антоновичу Лубны Герцык, в том Таврическое Дворянское Депутатское Собрание подписью и приложением печати удостоверяет. Февраля 8 дня 1885 года. Подписал Таврический Губернский Предводитель Дворянства. Скрепил Секретарь Дворянства. № 39.
(Место Печати)

ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 459. Оп. 10. Ед. хр. 8988. Л. 6–7. Копия с копии.

РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Ед. хр. 1516. Л. 432–432 об. Копия проекта.

3.4. СВИДЕТЕЛЬСТВО [О ДВОРЯНСТВЕ]

По указу Его Императорского Величества, дано сие из Департамента Герольдии Правительствующего Сената Казимиру Антоновичу Лубны-Герцыку, родившемуся пятнадцатого Сентября тысяча восемьсот сорок третьего года, в том, что постановление Таврического Дворянского Депутатского Собрания, 12 Марта 1884 года состоявшееся, о сопричислении его, Лубны-Герцыка, к признанному в потомственном дворянстве и внесенному в шестую часть дворянской родословной книги к роду Лубны Герцыков утверждено определением Правительствующего Сената 21 Августа 1884 года. Установленный приложением к 69 статье IX тома Свода Законов о состояниях издания 1876 года, сбор, за выдачу свидетельства о дворянстве Лубны-Герцыком представлен. Июня 5 дня 1885 года. № 41.

(Подписи)

Герольдмейстер и Кавалер Е. Рейтерн
Товарищ Герольдмейстера [А. А.] Оболенский
Исполняющий должность Секретаря А. Федоров
Помощник Секретаря (не разобрал)

(Место Печати)

Печать Департамента Герольдии
Правительствующего Сената

ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 459. Оп. 10. Ед. хр. 11360. Л. 5. Копия.

4.

ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ

4.1. СВИДЕТЕЛЬСТВО [О РОЖДЕНИИ И КРЕЩЕНИИ]

В Метрической книге Новогеоргиевской крепости, Свято-Георгиевской Соборной Церкви за 1868 год, акт рождения и крещения Дмитрия Евгеньевича сына Жуковского, записан от слова до слова так: в счет родившихся мужеска пола № 29; время рождения тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года месяца Августа двадцать третьего числа; время крещения: того же года, Сентября четвертого числа. Имя родившегося *Дмитрий*. Родители: Новогеоргиевской Крепости Комендант Генерал-Лейтенант Евгений Михайлов сын Жуковский и законная его жена Мария Яковлева, оба православного исповедания. Восприемники: Статс-Секретарь Тайный Советник Стефан сын Михайлов Жуковский и вдова Помещика Черниговской губернии Надворного Советника Макарова, Анастасия Александрова дочь.

Таинство крещения совершал Новогеоргиевской Соборной Церкви Протоиерей Иоанн Гуляницкий, с Дяконом Гавриилом Ястрембским и Псаломщиком Иларию Томашевичем. Свидетелей записи по желанию не было. Запись сию подписали: Протоиерей Иоанн Гуляницкий, Дякон Гавриил Ястрембский и Псаломщиком Иларию Томашевич.

В удостоверение чего, и дано сие свидетельство за надлежащим подписом и приложением Церковной печати. Крепость Новогеоргиевск Февраля 8 дня, 1869 года. № 36.

Подлинное подписали: Настоятель Новогеоргиевской Соборной Церкви, Протоиерей Иоанн Гуляницкий, Протоиерей Иоанн Кудржинский, Священник Афонасий Яроцкий, Дякон Гавриил Ястрембский и Псаломщиком Иларию Томашевич.
(Место Печати)

По Указу Его Императорского Величества Варшавская Духовная Консистория по выслушании прошения Коменданта Новогеоргиевской Крепости Генерал-Лейтенанта Евгения Михайлова сына Жуковского о посвидетельствовании метрического свидетельства, выданного ему Причтом Новогеоргиевской Крепостной Церкви от 8 Февраля сего 1869 года за № 36, о рождении: Тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года Августа двадцать третьего дня и крещении того же года Сентября

четвертого дня, сына его Дмитрия и по сличении того свидетельства с подлинным актом в метрической книге записанным, по каковому сличению оказалось, что акт тот выписан в представленном свидетельстве верно. Определили и Его Высокопреосвященство Архиепископ Варшавский и Новогеоргиевский утвердил, на основании 1580 статьи IX Тома Свода Законов (издание 1857 года) учинить на оном свидетельстве надлежащую подпись о его достоверности. Вследствие сего и сделана сия подпись в Варшавской Духовной Консистории с приложением печати — город Варшава Февраля 27 дня 1869 года. № 400.

Подписали: Член Консистории Священник Иоанн Корженевский, Секретарь Т. Замораев [М. Замараев] и Столоначальник О. Сеницкий.
(Место Печати)

С подлинным верно
Пажеского Его Императорского Величества
Корпуса, Секретарь [Е. А.] Казак

Копия эта выдана из Пажеского Его Императорского Величества корпуса вследствие просьбы и а основании 193 статьи XI книги Свода Военных постановлений 1869 для представления в Санкт-Петербургский Университет по делу поступления в оный Пажу кандидата Дмитрия Жуковского. Августа 4 дня 1887 года. № 1667.

Директор Корпуса,
Генерал-Лейтенант [Ф. К.] Дитерихс
Секретарь [Е. А.] Казак
Печать Пажеского Корпуса

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 26106. Л. 11–12об. Копия.

4.2. МЕТРИЧЕСКАЯ ВЫПИСКА [О РОЖДЕНИИ И КРЕЩЕНИИ]

В Метрической книге Новогеоргиевской крепости Свято-Георгиевской Соборной Церкви за 1868 год акт рождения и крещения Дмитрия Евгеньевича сына Жуковского, записан в счет родившихся мужеска пола под № 29 от слова до слова так: время рождения: Тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года Августа двадцать третьего числа; время крещения: того же года Сентября четвертого числа. Имя родившегося Дмитрий <sic!>. Родители: Новогеоргиевской крепости Комендант Генерал-Лейтенант Евгений Михайлов сын Жуковский и законная его жена Мария Яковлевна, оба православного исповедания. Восприемники: Статс-Секретарь Тайный Советник Сте-

фан Михайлов Жуковский и вдова Помещика Черниговской Губернии Надворного советника Макарова Анастасия Александрова дочь.

Таинство крещения совершил и запись сию подписал Новогеоргиевской Соборной Церкви, Протоиерей Иоанн Гуляницкий с Дяконом Гавриилом Ястрембским и псаломщиком Иларию Томашевичем.

В удостоверение чего, и дана сия выпись за надлежащим подписом и приложением Церковной печати. Крепость Новогеоргиевск 31 Июля 1880 года.

Исполняющий должность настоятеля Новогеоргиевского крепостного Собора

Священник Иоанн Бекаревич

Священник Ефимий Гурьев

Псаломщик Иларию Томашевич

(Место Печати)

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 26106. Л. 6. Копия.

4.3. СВИДЕТЕЛЬСТВО [О СОСТОЯНИИ]

Выдано сие от Невельского Уездного Предводителя Дворянства за надлежащим подписом и приложением казенной печати, дворянину Невельского уезда Дмитрию Евгеньевичу Жуковскому вследствие его просьбы для представления куда следует при поступлении в СПбургский Императорский Университет, в том что он действительно состоит в числе потомственных дворян Невельского уезда. Июля 3-го дня 1887 года город Невель Витебской губернии. № 148.

За Предводителя Дворянства В. Новицкий

Место печати

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 26106. Л. 10. Копия.

4.4. САНКТПЕТЕРБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА ОТ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗИИ ГУРЕВИЧА АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ.

Дан сей *Дмитрию Жуковскому*, вероисповедания Православного, родившемуся в Плоцкой губернии 23 августа 1868 года, обучавшему-

ся в Гимназии Гуревича семь лет, в том: *во-первых*, что, на основании наблюдений за все время обучения его в Гимназии Гуревича, поведение его вообще было отличное, исправность в посещениях и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ *весьма хорошая*, прилежание *отличное* и любознательность *одинаковая ко всем предметам*; *во-вторых*, что он обнаружил нижеследующие познания:

Название предметов.	Отметки, выставленные в педагогическом совете, на основании § 45 правил об испытаниях учеников Гимназий и Прогимназий ведомства Министерства Народного Просвещения.	Отметки, выставленные на испытаниях, происходивших в 1887 года Мая 5, 6, 7, 8, 11, 16, 20, 26, 28 и Июня 3
Закон Божий	четыре	четыре
Русский язык и словесность	три	три
Логика	три	—
Латинский язык	три	четыре
Греческий язык	три	три
Математика	четыре	четыре
Физика и Математическая География	четыре	—
История	три	четыре
География	четыре	—
Немецкий язык	пять	—
Французский язык	пять	—

На основании чего и выдан сей аттестат зрелости, предоставляющий ему все права, обозначенные в §§ 130–132 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденно 31 Июля 1871 года Устава Гимназий и Прогимназий.

С.-Петербург. Июня 5 дня 1887 года. № 177-й.

Директор *Я. Гуревич*

Исполняющий должность инспектора *А. Кричевский*

Законоучитель *Протоиерей Гр. Фалютинский*

Преподаватели: *Е. Шмурло*

Н. Билибин

[И. Ф.] Анненский
 А. Юнгмейстер
 А. Страубе
 П. Покровский
 [А. Э.] Гумберт
 Н. Вульф
 М. Гольдштейн
 П. Сидоров

(Место Печати)

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 26106. Л. 4–5.

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 26106. Л. 8–9. Копия.

4.5. СВИДЕТЕЛЬСТВО [УВОЛЬНИТЕЛЬНОЕ ИЗ УНИВЕРСИТЕТА]

МИНИСТЕРСТВО
 НАРОДНОГО
 ПРОСВЕЩЕНИЯ
 ПРАВЛЕНИЕ
 ИМПЕРАТОРСКОГО
 С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
 УНИВЕРСИТЕТА
 24 Марта 1890 года
 № 1185

Предъявитель сего, Дмитрий Евгениев Жуковский, сын Генерал-Лейтенанта родившийся 23 Августа 1868 года, православного вероисповедания, по окончании курса в Санкт-Петербургской гимназии Гуревича с Аттестатом зрелости, из которого видно 1) что на основании наблюдений за все время обучения его в гимназии, повеление его вообще было отличное исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ весьма хорошая, прилежание отличное и любознательность одинаковая и 2) что он обнаружил нижеследующие познания: в Законе Божиим 4, хорошие, Русском языке и Словесности 3, удовлетворительные, Логике 3, удовлетворительные, Латинском языке 3, удовлетворительные, Греческом языке 3, удовлетворительные, Математике 4, хорошие, Физике и Математической Географии 4, хорошие, Кратном Естествознании —————, Истории 3, удов-

летворительные, Географии 4, хорошие, Французском языке 5, отличные, Немецком языке 5, отличные,

поступил в число студентов ИМПЕРАТОРСКОГО Санкт-Петербургского Университета в августе месяце 1887 года и слушал лекции по Естественному разряду Физико-Математического факультета; в Декабре месяце 1887 года, на основании пункта д § 31 правил для студентов, был уволен из Университета; в Августе месяце 1888 года, вновь был принят в Санкт-Петербургский Университет, в счет прохождения университетского курса имеет три зачетных и одно незачтенное полугодие, а ныне по постановлению Правления Университета исключен из Университета, почему правами, предоставленными студентам, окончившим полный курс Университетского учения, воспользоваться не может.

В удостоверение чего дано Жуковскому это свидетельство из Правления Санкт-Петербургского Университета, за надлежащую подписью и с приложением казенной печати. № 1185.

Исполняющий должность Ректора Университета <подпись отсутствует>
 Секретарь <подпись отсутствует>

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 26106. Л. 43–43 об. Копия на типографском бланке.

5. АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ

5.1. СВИДЕТЕЛЬСТВО [О РОЖДЕНИИ И КРЕЩЕНИИ]

Тысяча восемьсот пятьдесят девятого года Июня двадцать четвертого дня. Дано сие свидетельство от Причта, Полоцкой Епархии, Витебской губернии, Невельского уезда, Чернецовской Михаило-Архангельской Церкви в том, что у состоящего по Армейской Пехоте и при Министерстве Внутренних дел Генерал-Майора и Кавалера Евгения Михайлова Жуковского и законной жены его Марии Яковлевой, кои оба Православного вероисповедания, пятнадцатого сего Июня родился сын, который при Святом крещении наречен Александром. Крещение совершено Приходским Чернецовской Церкви Священником с Причтом двадцать четвертого сего Июня. Восприемниками ему, Александру были: Стас-Секретарь Государственного Совета Действительный Статский

Советник Стефан Михайлов Жуковский и села Канашева помещица Тайная Советница Любовь Алексеева Жуковская. Совершение Святого Крещения записано по метрической книге Приходской Чернецовской Церкви двадцать четвертого Июня под (№ 19) номером девятнадцатым. В чем вышеозначенный Причт собственноручным подписом с приложением Церковной печати удостоверяет. (Подписали:) Чернецовской Михаило-Архангельской Церкви Павел Пекарский, Диакон Иоанн Богословский, той же церкви дьякон Матфей Иванов Лукашевич. (Место Печати) № 18.

По указу Его Императорского Величества, согласно определению 5 Февраля 1860 года состоявшемуся, Полоцкая Духовная Консисто́рия за надлежащим подписанием и приложением казенной печати сим удостоверяет, что означенное на обороте сего метрическое свидетельство о рождении и крещении Александра Жуковского по сличении с подлинными записями по метрическим книгам Чернецовской Михаило-Архангельской Церкви за 1859 год, оказалось во всем сходным, исключая того, что в выданном Причтом Чернецовской церкви свидетельстве Александр Жуковский записан под № 19, а в подлинной записи по метрической книге Чернецовской Церкви по порядку номеров, он значится под № 20. Марта 11 дня 1860 года. (Подписали:) Член Консисто́рии, Протоиерей Иадор Голенбиовский, Секретарь Квятковский, Столоначальник Лесевицкий. (Место Печати) № 2058.

РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Ед. хр. 8786. Л. 4. Копия.

5.2. [УКАЗ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ В ДВОРЯНСТВЕ]

1891 года Мая 10 дня. По указу Его Императорского Величества Правительствующий Сенат слушали: записку из дела по рапорту Витебского Дворянского Депутатского Собрания, от 22 Марта 1891 года за № 202, о дворянском достоинстве Жуковских. Приказали: Признавая правильным постановление Витебского Дворянского Депутатского Собрания, от 19 Марта 1891 года, о внесении Александра, Михаила и Якова Евгениевых Жуковских в дворянскую родословную книгу по заслугам отца их Генерала от Инфантерии Евгения Михайлова Жуковского, Правительствующий Сенат, руководствуясь томом IX Законов <о> Состояниях издания 1876 года статьями 20, 37, 39 и 1111, определяет: означенное постановление Дворянского Депутатского Собрания

утвердить, но с тем, чтобы род их внесен был во вторую часть дворянской родословной книги; о чем тому Собранию с возвращением подлинных документов дать знать указом. Подлинные документы при сем прилагаются. Подлинное за подписом Правительствующего Сената. Пропущено к исполнению 13 Мая 1891 года. Исполнено 31 Мая 1891

Протоколист [К. Е.] Евдокимов

С подлинным читал:

за Помощника Секретаря <подпись нрзб>

РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Ед. хр. 8786. Л. 17–17 об. Копия.

5.3. АТТЕСТАТ [О СЛУЖБЕ]

Предъявитель сего Коллежский Советник Александр Евгениевич Жуковский, как видно из формулярного о службе его списка за 1899 год, от роду 40 лет, вероисповедания Православного, имеет медаль в память Императора Александра III-го, жалованья не получал; происходит из дворян; у него родовое имение Конашево с приселками, в коем числится 6,200 десятин земли; воспитание получил в Пажеском Его Императорского Величества Корпусе и окончил курс по первому разряду; зачислен в Пажи к Высочайшему Двору 6 Июля 1871 года и определен в комплект Корпуса 12 Октября 1877 года; переведен из общих классов в младший специальный класс и поступил на службу 1 Сентября 1878 года; переведен в старший специальный класс 1 Сентября 1879 года; произведен в Камер-Пажи 14 Января 1880 года; по экзамену произведен в Подпоручики в 3-ю Гвардейскую и Гренадерскую Артиллерийскую Бригаду с прикомандированием к Лейб-Гвардии 1-й Артиллерийской Бригаде восьмого Августа тысяча восемьсот восьмидесятого года; прибыл и прикомандирован к 4-й батарее 12 Сентября того же года; Высочайшим приказом переведен Лейб-Гвардии в 1-ю Артиллерийскую Бригаду Прапорщиком 6 Августа 1881 года; зачислен в 4-ю батарею той <же> Бригады 23 того же Августа; произведен в Прапорщики на основании приказа по военному ведомству 30 Августа 1884 года за № 214; произведен в Поручики Высочайшим приказом 24 Марта 1885 года; Высочайшим приказом 16 Апреля 1885 года зачислен в запас Гвардейской пешей Артиллерии; Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству, от 26 Мая 1886 года за № 24, назначен Почетным Мировым Судьею Невельского Округа по 1-е Апреля 1887 года; приказом по ведомству Министерства Юстиции 17 Апреля 1887 года

за № 20, назначен Почетным Мировым Судьею Невельского Округа на трехлетие с 1 числа того же месяца; согласно резолюции Губернского Правления, 30 Апреля 1887 года, утвержденной Господином Начальником губернии, определен на должность Депутата от дворян Невельского уезда; Высочайшим приказом 30 Ноября 1888 года, как выслуживший обязательный срок нахождения, в запасе, уволен в отставку; приказом по ведомству Министерства Юстиции 28 Мая 1890 года, за № 25, назначен Почетным Мировым Судьею Невельского Округа на трехлетие с 1 Апреля 1890 года; согласно прошению, приказом по Министерству Юстиции от 17 Декабря 1891 года уволен от должности Почетного Мирового Судьи; приказом по Гражданскому ведомству, от 1 Июня 1893 года за № 24 назначен Почетным Мировым Судьею Невельского Округа; приказом по Гражданскому ведомству, от 18 Июня 1896 года за № 32, назначен Почетным Мировым Судьею того же Округа; в числе прочих удостоился получить серебряную медаль в память в Бозе почивающего Императора Александра III-го, присланную при отношении Витебского Губернского Правления, от 24 Марта 1897 года за № 2715; приказом по Гражданскому ведомству, от 27 Января 1899 года переименован из Поручиков Гвардии в Коллежские Советники; согласно резолюции Губернского Правления 18 Января 1900 года состоявшейся, утвержденной Господином Исполняющим должность Губернатора Вице-Губернатором уволен от должности Депутата в отставку, согласно прошению, по домашним обстоятельствам; в походах против неприятеля и сражениях не был; наказаниям и взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, не подвергался; в отпусках был в 28-ми дневном с 15 Августа 1880 года, в 40 дневном с 25 Февраля 1884 года и в 9-ти месячном с 8-го Мая 1884 года; женат на дворянке девице Валерии Дмитриевне Богданович, у них дети: дочери Любовь, родившаяся 6 Апреля 1888 года и Василиса, родившаяся 8 Марта 1891 года и сын Алексей, родившийся 5 Октября 1895 года; жена и дети вероисповедания Православного. В чем и дан ему, Жуковскому, настоящий аттестат из Витебского Дворянского Депутатского Собрания за надлежащим подписанием и приложением казенной печати. Гербовый сбор оплачен. Город Витебск. Марта 8 дня 1900 года. Подлинный подписали: Губернский Предводитель Дворянства Камергер Двора Его Императорского Величества Барон Нолькен. Временно Исправляющий должность Секретаря Дворянства Бялецкий-Андржевский за Столоначальника Алексеев. (Место Печати) № 110.

РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Ед. хр. 8787. Л. 6–6 об. Копия.

6.
ВАЛЕРИЯ ДМИТРИЕВНА ЖУКОВСКАЯ
(УРОЖДЕННАЯ БОГДАНОВИЧ)

6.1. АТТЕСТАТ [ОБ ОКОНЧАНИИ ГИМНАЗИИ]

Ученица Васильевской женской гимназии *Валерия Дмитриевна Богданович* при отличном поведении оказала успехи в Законе Божиим *очень хорошии*
Русском языке и словесности *хорошии*
Французском языке *весьма хорошии*
Немецком языке *весьма хорошии*
Педагогике *хорошии*
Математике *хорошии*
Истории *хорошии*
Географии *хорошии*
Естествоведению *очень хорошии*
Сверх того обучалась чистописанию, рисованию, танцеванию, пению и рукодельям.

На основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ в 9-й день Января 1862 года. Устава женских гимназий *девица Богданович* имеет право получить, не подвергаясь испытанию, свидетельство от Министра Народного Просвещения на звание Домашней Учительницы тех предметов, в коих оказала хорошие успехи. В удостоверение чего и дан сей аттестат за надлежащим подписанием и с приложением печати гимназий Санкт-Петербург Июня [1] дня 1880 года. № 19.

Начальник Петербургских женских гимназий

Инспектор классов

Главная надзирательница

<Расписка о получении:> *Получила Валерия Богданович*

ЦГИА СПб. Ф. 149. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 10. Копия на типографском бланке.

6.2. ИМПЕРАТОРСКОГО
РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ.
АТТЕСТАТ

Художественный Совет Санкт-Петербургской Консерватории ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Музыкального Общества сим свидетельствует, что дочь Поручика, **Валерия Димитриевна Богданович**, Православного вероисповедания, родившаяся 11 Ноября 1862 года, окончила в Санкт-Петербургской Консерватории курс музыкального образования по установленной для получения аттестата программе, и на выпускном экзамене оказала следующие успехи: в **главном**, избранном для специального обучения, **предмете – ПЕНИИ** (по классу профессора *Г<оспо>жи Цванцигер <sic!>*) – *отличные*; во **второстепенных** (обязательных) **предметах**: теории музыки – *очень хорошие* и игре на фортепиано – *хорошие*; об окончании же научного образования представила Аттестат Васильевской Женской Гимназии, от 1 Июня 1880 года, за № 19. Вследствие сего, и на основании §§ 71 и 73 Устава Консерваторий ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Музыкального Общества, постановлением Художественного Совета Санкт-Петербургской Консерватории, утвержденным 19 Мая 1885 года, за отсутствием Августейшего Председателя Консерваторий ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Музыкального Общества и по Его уполномочию, Помощником Председателя, **Валерия Богданович** удостоена **АТТЕСТАТА ОБ ИЗУЧЕНИИ ПЕНИЯ**; во внимание же к особенным способностям и успехам, награждена малою серебряною медалью. В удостоверение чего дан ей, **Валерии Богданович**, сей аттестат, за надлежащим подписанием и с приложением печати Санкт-Петербургской Консерватории, Сентября 1-го дня 1886 года. № 218.

Директор Консерватории К. Давыдов

Члены Совета: Е. Цванцигер, С. Everardi [К. Эверарди], Н. Ирецкая, В. Рааб, В. Самус, Ст. Габель, Гр. Маренич, Ф. Черни

Инспектор А. Бернгард

верно: Письмоводитель А. Курочкин

ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 2. Ед. хр. 649. Л. 3. Копия на типографском бланке.

7.
ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА ЖУКОВСКАЯ

7.1. СВИДЕТЕЛЬСТВО [О РОЖДЕНИИ И КРЕЩЕНИИ]

По указу Его Императорского Величества настоящее свидетельство на основании 1047 статьи IX тома Свода Законов издания 1876 года и 270 статьи Устава Духовной Консistorии издания 1883 года выдано из Полоцкой Духовной Консistorии, за надлежащим подписом и приложением казенной печати, отставному Гвардии Поручику дворянину Александру Евгениеву Жуковскому, вследствие его прошения, в том, что в метрической книге Черняцовой, Невельского уезда, церкви хранящейся в архиве Консistorии за тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год, в первой части о родившихся, в статье под № 19, записано так: Апреля шестого рождена, а двадцать первого крещена Любовь. Родители ее: состоящий в запасе Поручик Лейб-Гвардии 1-й Артиллерийской бригады Александр Евгениев Жуковский и законная его жена Валерия Дмитриева, оба православные. Восприемниками были: Коллежский Секретарь Яков Евгениев Жуковский и вдова Подпоручика Вера Филиппова Богданович. Крещение совершал Священник Стефан Завилейский с псаломщиками: Антонием Шавельским и Иваном Лебедевым. В сем свидетельстве никаких подчисток, поправок и междустрочных надписей нет. Гербовым сбором оплачено. Тысяча восемьсот девяносто восьмого года Февраля четвертого дня. Подлинное подписали: Член Консistorии, Протоиерей Василий Кудрявцев. Секретарь М. Попов. Столоначальник Пашин. (Место Печати) № 1313

РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Ед. хр. 8787. Л. 6 об. Копия.

8.

ВАСИЛИСА АЛЕКСАНДРОВНА ЖУКОВСКАЯ

8.1. СВИДЕТЕЛЬСТВО [О РОЖДЕНИИ И КРЕЩЕНИИ]

По указу Его Императорского Величества настоящее свидетельство на основании 1047 статьи IX тома Свода Законов издания 1876 года и 270 статьи Устава Духовной Консistorии издания 1883 года выдано из Полоцкой Духовной Консistorии, за надлежащим подписом и приложением казенной печати, отставному Гвардии Поручику дворянину

Александр Евгениеву Жуковскому, вследствие его прошения, в том, что в метрической книге Черняцовой, Невельского уезда, церкви хранящейся в архиве Консistorии за тысяча восемьсот девяносто первый год, в первой части о родившихся, в статье под № 32, записано так: Марта восьмого рождена, а четырнадцатого Апреля крещена Василиса. Родители ее: состоящий в запасе Поручик Лейб-Гвардии 1-й Артиллерийской бригады, ныне жительствующий в имении Канашеве, Александр Евгениев Жуковский и законная его жена Валерия Дмитриева, оба православные. Восприемниками были: Велижский дворянин Александр Дмитриев Богданович и вдова Генерала от Инфантерии Мария Яковлева Жуковская. Крещение совершал Священник Георгий Завилейский с псаломщиками: Антонием Шавельским и Иваном Лебедевым. В сем свидетельстве никаких подчисток, поправок и междустрочных надписей нет. Гербовым сбором оплачено. Тысяча восемьсот девяносто восьмого года Февраля четвертого дня. Подлинное подписали: Член Консistorии, Протоиерей Василий Кудрявцев. Секретарь М. Попов. Столоначальник Пашин. (Место Печати) № 1314.

РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Ед. хр. 8787. Л. 6 об.–7. Копия.

9.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖУКОВСКИЙ

9.1. СВИДЕТЕЛЬСТВО [О РОЖДЕНИИ И КРЕЩЕНИИ]

По указу Его Императорского Величества настоящее свидетельство на основании 1047 статьи IX тома Свода Законов издания 1876 года и 270 статьи Устава Духовной Консistorии издания 1883 года выдано из Полоцкой Духовной Консistorии, за надлежащим подписом и приложением казенной печати, отставному Гвардии Поручику дворянину Александру Евгениеву Жуковскому, вследствие его прошения, в том, что в метрической книге Черняцовой, Невельского уезда, церкви хранящейся в архиве Консistorии за тысяча восемьсот девяносто пятый год, в первой части о родившихся, в статье под № 56, записано так: Октября пятого рожден, а двадцать второго крещен Алексей. Родители его: отставной Поручик Гвардии, депутат дворянства Невельского уезда, жительствующий в имении Канашеве, Чернецовского прихода Александр Евгениевич Жуковский и законная его жена Валерия Дмитриева, оба православные. Восприемниками были: Надворный Советник Михаил Евгениевич Жуковский и дочь Тайного Советника

Вера Михайловна Жуковская. Крещение совершал Священник Георгий Завилейский с диаконом Григорием Златковским и псаломщиком Иваном Лебедевым. В сем свидетельстве никаких подчисток, поправок и междустрочных надписей нет. Гербовым сбором оплачено. Тысяча восемьсот девяносто восьмого года Февраля четвертого дня. Подлинное подписали: Член Консistorии, Протоиерей Василий Кудрявцев. Секретарь М. Попов. Столоначальник Пашин. (Место Печати) № 1315

РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Ед. хр. 8787. Л. 7–7 об. Копия.

10.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ЦЫТОВИЧ

10. 1. [УКАЗ ОБ ОТСТАВКЕ]

По Указу Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича Самодержца Всероссийского и прочая и прочая и прочая. Предъявитель сего Генерал-Майор Владимир Николаевич Цытович. Имеет ордена: Святого Владимира 4 степени, Святой Анны 2 степени и 3 степени, Святого Станислава 2 степени и 3 степени. Медаль серебряную в память царствования Императора Александра III. Родился 1858 года Апреля 9-го, из потомственных дворян; уроженец Санкт-Петербургской губернии. Вероисповедания православного. Окончил курс во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии и в Николаевском Инженерном училище по 1-му разряду. В службу вступил в Николаевское Инженерное училище юнкером унтер-офицерского звания 1874 года Сентября 1. Младшим портупей-юнкером 1877 года Октября 15. Подпоручиком с назначением в 7-й Саперный батальон 1878 года Апреля 16. Поручиком 1880 года Августа 6. Награжден орденом Святого Станислава 3 степени 1880 года Декабря 20. Командирован в 10 Саперный батальон 1881 года Января 3. Командующим 5 Саперной ротой 1881 года Февраля 15. Сдал роту 1881 года Мая 12. Командующим 5-ю Саперной ротой 1881 года Сентября 23. Сдал роту 1881 года Октября 25. Переведен в 10 Саперный батальон 1881 года Ноября 20. Членом батальонного суда 1881 года Декабря 5. Командующим 2-й Саперной ротой 1881 года Декабря 23. Сдал роту 1882 года Февраля 16. Сдал гальваническую учебную команду 1882 года Мая 17. Окончил срок пребывания членом батальонного суда 1882 года Июня 5. Командирован для держания вступительного экзамена в Николаевскую Инженер-

ную Академию 1882 года Августа 20. По невыдержании экзамена прибыл обратно в баталион 1882 года Ноября 20. Членом баталионного суда 1883 года Марта 5. Командирован для держания вступительного экзамена в Николаевскую Инженерную Академию 1883 года Сентября 1-го. . Окончил срок пребывания членом баталионного суда 1883 года Сентября 5. Зачислен в младший класс Николаевской Инженерной Академии 1883 года Октября 31. Прикомандирован к Николаевской Инженерной Академии с предложением явиться в Главное Инженерное Управление 1884 года Сентября 1. Командирован во 2-й Саперный баталион 1884 года Сентября 18. Обучающим младшего класса баталионной школы 1884 года Октября 12. Командующим 3-ю Саперною ротой 1884 года Декабря 23. Сдал роту 1885 года Января 4. Переведен во 2 Саперный баталион 1885 года Января 10. Обучающим старшего класса баталионной школы и сдал младший класс 1885 года Сентября 3. На вакансию Штабс-Капитаном 1886 ода Июля 27. Награжден орденом святой Анны 3 степени 1887 года Января 28. Командующим 3-й ротой Февраля 20. Сдал роту 1887 года Апреля 13. Членом баталионного суда на 6 месячный срок с 1877 года Марта 1. Командующим 3 ротой с 1887 года Октября 15. Командующим 2 ротой с 1888 года Января 2. Членом баталионного суда на 60ти месячный срок с 1888 года Апреля 10. Командирован в Главное инженерное управление для пересмотра положения о специальном образовании инженерных войск 1889 года Декабря 5. Утвержден командиром 2 роты 1890 года Июня 26. Сдал 2-ую роту 1890 года Августа 28. Зачислен в роту юнкеров 1890 года Сентября 1. Младшим офицером роты юнкеров 1891 года Апреля 5. Капитаном 1892 года Августа 30. Переведен Лейб-Гвардии в Саперный баталион Штабс-Капитаном со старшинством с 30 Августа 1892 года с оставлением в настоящей должности 1892 года Декабря 19. Награжден орденом Святого Станислава 2 степени, 1893 [года] Августа 30. Капитаном гвардии 1895 года Апреля 2. Награжден орденом Святой Анны 2 степени 1895 года Декабря 6. Пожалован серебряной медалью в память царствования Императора Александра III. 1896 года Марта 17. Командиром 2 роты юнкеров училища 1896 [года] Марта 19. Награжден орденом Святого Владимира 4 степени 1898 года Декабря 6. Временно командующим баталионного училища 1899 года Августа 24 по Сентябрь 20. Сдал 2-ю роту юнкеров училища 1900 года марта 31. Прикомандирован <к> Инженерному управлению 1900 <года> Сентября 11. Исключен из списков Николаевского Инженерного училища 1900 года Сентября 15. На основании статьи 274 Книги VIII статей военных Постановлений 1869 года издание 2-е время проведенное на службе в

Николаевском Инженерном училище с 1 Сентября 1890 года по 15 Сентября 1900 года принимается в расчет пяти лет за семь общей Государственной службы, посему к последней должно быть добавлено четыре года и двадцать один день. Полковником с зачислением по Инженерным войскам 1900 года Декабря 6. Членом комиссии по пересмотру программ для специального образования Инженерных войск с 1900 года Декабря 22. Командиром 11 Саперного Императора Николая I баталиона 1902 года Июля 14. Вступил в командование баталионом 1902 года Сентября 10. Командующим Сводным Саперным баталионом на артиллерийском опыте у города Балаклавы с 1903 года Сентября 8 по Сентября 16. В полевой поездке 5-й Саперной бригады 1903 года Сентября 28 по Октября 7. Командирован в Санкт-Петербург в составе депутатов при погребении тела умершего Генерал-Адъютанта Графа Мусин-Пушкина с 1903 года Декабря 26 по 1904 года Января 21. В полевой поездке офицеров 5-й Саперной бригады 1904 года Сентября 24 по Октября 4. Командирован в город Севастополь для осмотра десантного имущества 1904 года Ноября 6 по Ноября 10.

Высочайшим приказом состоявшимся в 20 день Февраля 1906 года произведен в Генерал-Майоры с увольнением от службы с мундиром и пенсией в размере: Из Государственного Казначейства восьмисот шестидесяти рублей и из эмеритальной кассы шестьсот сорок пять рублей в год. Последняя пенсия назначается при условии производства только до нового поступления на службу. В гражданской службе и по выборам дворянства не служил. Всемиловитвейших рескриптов и Высочайших благоволений не получал. В отпусках был: с сохранением содержания: в 2-х месячном 1880 года Января 3 по Марта 3. в 2-х месячном для пользования Бусскими минеральными водами 1881 года Июня 24 по Августа 24. в 2-х месячном 1885 года Июня 18 по Августа 18. в 16 дневном 1885 года Декабря 21 по 1886 года Января 9. в 28 дневном 1886 года Августа 7 по Сентября 4. в 14 дневном 1887 года Февраля 5 по 19. в 2 месячном 1887 года Апреля 14 по Июня 14. в 28 дневном 1888 года Августа 5 по Сентября 3. в 2 месячном за границей 1889 года Сентября 7 явился 1889 года Ноября 12 просрочка в 4 дня признана уважительной. В 28 дневном 1890 года Марта 16 по Апрель 14. в 2 месячном 1894 года Июня 8. срок отпуска продолжен по болезни по Сентября 10; явился 11 днями ранее срока Августа 30. в 21 дневном 1897 года Января 20 по Февраля 10. в 2-х месячном 1897 года Июня 9 по болезни срок продолжен по Августа 31; явился 1897 года Октября 9. просрочка в 1 месяц 9 дней по болезни признана уважительной. В 28 дневном 1898 года Июля 13 по Августа 9. в 2 месячном

1899 года Октября 21 по болезни отпуск продолжен с сохранением содержания по 1900 года Февраля 21; явился из отпуска 1900 года Августа 30. Находился в отпуску без сохранения содержания 1900 года Февраля 21 по Августа 30. За это время за 6 месяцев и 10 дней внес 6% добровольного взноса 35 рублей 72 копейки под квитанцию Санкт-Петербургского Губернского Казначейства от 1 Декабря 1900 года за № 324244. в 4 месячном отпуску по болезни с сохранением содержания 1905 года Августа 1 по Декабря 1. В походах был в 4-й период Русско-Турецкой войны с 1878 года Мая 29 по 1879 года Июля 20. Был в составе Руцукского, потом восточного потом северного Его Императорского Высочества Государя Наследница Цесаревича отряда 1878 [года] Мая 27 по 1879 [года] Марта 18. Перешел Балканы 1879 года 19 Марта; был в городе Разграде с 1878 года 29 Мая по 20 Июля, в Крепости Шумле с 20 Июля по 20 Октября, в Крепости Варне с 1878 года 20 октября по 1879 года 18 Марта, в городе Карнобате с 19 Марта по 12 Июля 1879 [года]; на обратном походе в Бургасе с 12 по 20 Июля 1879 года когда отправился в город Одессу куда прибыл 22 Июля 1879 года. Женат первым браком на дочери Генерал от Инфантерии Любви Евгениевны Жуковской. Имеет детей: сына Евгения родившегося 31 Марта 1890 года, сына Алексея родившегося 4 Августа 1893 года и дочь Марию родившуюся 7 Июня 1898 года. Жена и дети вероисповедания православного. Имена родового или благоприобретенного за ним, женою и родителями не состоит. В службе означенного Генерал-Майора не было обстоятельств, лишающих права на знак отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к сему знаку. В чем подписом и приложением казенной печати удостоверяю. Лагерь у деревни Морозовки Мая 21 дня 1906 года. В этом указе подчисток и поправок нет. Гербовый сбор взыскан. Начальник 5-й Саперной бригады Генерал-Майор Глаголев Начальник Штаба Подполковник Ющенко. (Место Печати). № 1376.

ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Ед. хр. 10232. Л. 8–9 об. Копия.

11.

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЦЫТОВИЧ

11.1. СВИДЕТЕЛЬСТВО [О РОЖДЕНИИ И КРЕЩЕНИИ]

На основании статьи 925 Свода Законов тома IX (о состояниях) издания 1900 года дано сие, с приложением казенной печати, в удостоверение того, что в метрической книге Преображенского всей Гвардии Собора за 1890 год, части I о родившихся мужского пола в статье под № 8 записано: тысяча восемьсот девяностого года Марта тридцать первого родился и того же года Апреля десятого числа крещен Евгений. Родители его: 2-го Саперного батальона Штабс-Капитан Владимир Николаевич Цытович и законная его жена Любовь Евгениевна оба православного вероисповедания. Восприемниками были: Генерал-Майор Сергей Николаевич Цытович и вдова Генерал от Инфантерии, Мария Яковлевна Жуковская. Таинство крещения совершил протоиерей Петр Зиновьевский с псаломщиком Иваном Борисоглебским. Причитающийся гербовый сбор уплачен.

Санкт-Петербург, Апреля 4 дня 1902 года. № 4399.

Член Духовного Правления при Протопресвиторе
Военного и Морского Духовенства священник *И. Морев*
Делопроизводитель [*М. П.*] *Журавский*
Столоначальник [*А. Э.*] *Братолюбов*
(Место Печати)

ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 3. Ед. хр. 7214. Л. 4. Подлинник.

ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Ед. хр. 10232. Л. 7. Копия.

12.

ГЕОРГИЙ (ЮРИЙ) ПАВЛОВИЧ ГРИНЕВИЧ

12.1. МЕТРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО [О РОЖДЕНИИ И КРЕЩЕНИИ]

Сим свидетельствую, что в метрической книге, хранящейся при Кустоловской, Всесвятской церкви, Константиноградского уезда, за 1890 год, в первой ее части о «родившихся», под № 50 мужеска пола, записано так: четвертого (4) июля рожден, а седьмого (7) октября крещен — *Георгий*.

Родители его: Дворянин Павел Иванович Гриневиц и законная жена его Вера Стефанова — оба православные.

Восприемниками были: Отставной поручик корпуса лесничих Стефан Григорьевич Романовский и вдова Статского Советника Екатерина Дмитриевна Гриневиц.

Таинство крещения совершал села Кустолова Всесвятской церкви Священник Владимир Марков.

В чем собственноручно подписью и приложением церковной печати удостоверяет Кустоловской Всесвятской церкви, 1891 года, мая 5 дня, Священник Владимир Марков.

(Место печати)

По указу Его Императорского Величества, Полтавская Духовная Консistorия подписью и приложением казенной печати удостоверяет в том, что прописанный в сей метрической выписи акт рождения сына дворянина Павла Ивановича Гриневича — Георгия, во всем верен с записью Консistorской метрической книги. 1897 года Мая 7 дня. № 7619.

Член Консistorии, Протоиерей Михаил Кущинский
Секретарь [А. Я.] Комаров
Столоначальник [П. Н.] Горностаев

(Место печати)

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю верность этой копии с подлинником ее, представленным мне, Петру Ксенофонтовичу СЕЛИВОНЕНКО, Константиноградскому Нотариусу, в конторе моей, по Екатеринославской улице, в доме Кричевской Павлом Степановичем Фоменко, живущим в городе Константинограде. При сличении мною этой копии с подлинником в последнем: почисток, приписок, зачеркнутых слов и никаких особенностей не было. 1909 года Июня 4 дня. По Реестру № 1485. Подлинник оплаче гербовым сбором в 80 копеек. Копия эта подлежит представлению в Учебные Заведения, почему не оплачена гербовым сбором.

(Печать нотариуса П. К. Селивоненко в городе Константинограде)

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 53904. Л. 33–33 об. Копия, заверенная нотариально.

12.2.

СВИДЕТЕЛЬСТВО [О СОСТОЯНИИ]

Выдано сие свидетельство из Полтавского Дворянского Депутатского Собрания Статскому Советнику Павлу Ивановичу Гриневичу, вследствие просьбы его, для представления в Санкт-Петербургский Универ-

ситете при определении в таковой сына его в том, что он, господин Гриневич, принадлежит к роду потомственных дворян Гриневичей, признанному в дворянстве указом Временного Присутствия Герольдии от 22 ноября 1840 года за № 4467 и определением сего Собрания 27 мая 1892 года внесен во вторую часть дворянской родословной книги Полтавской губернии. Июля 21 дня 1909 года. № 434.

Свидетельство это оплате гербовым сбором не подлежит.

Депутат Дворянства Павел Ганько
Секретарь Дворянства
Столоначальник

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 53904. Л. 9. Копия.

THE PARIS EPISODE: ABOUT THE WEDDING OF A.K. GERTSYK AND D.E. ZHUKOVSKY

E.I. Lubyannikova,

*employee of the Russian National Library
(Russian Federation, St. Petersburg)*

Annotation. *The core of the publication is easy to record acts of marriage A.K. Gertsyk and D. Zhukovsky, found in the Central State Historical Archive of St. Petersburg, in the register of the Russian Orthodox Holy Trinity Alexander Nevsky church in Paris in 1909. The exact date of the wedding of Adelaide Gertsyk, as well as a number of new epistolary testimonies about this event are introduced into the scientific circulation. The Appendix lists dozens of archival documents that first establish exact biographical information about the sisters A.K. and E.K. Gertsyk, their relatives and friends.*

Keywords: *philological sciences, fiction, Russian literature, Gertsyk (Lubny-Gertsyk, Zhukovskaya) Adelaide Kazimirovna (1872-1925) - writer, biography of the writer, archival research, materials for studying the life and work of the writer, correspondence.*

References

1. Bonetskaya, N. Russkaya Sivilla i Yeye Sovremenniki : Tvorcheskiy Portret Adelaidy Gertsyk / N. Bonetskaya. – М. : Dom-muzey Mariny Tsvetayevoy, 2006. – S. 120.
2. Bykhovskiy V. V. Brak i Razvod / V.V. Bykhovskiy. – М.: Izd. V. M. Sablina, 1912.
3. V. Gr<inevich>. Pamyati A. K. Zhukovskoy // Vozrozhdeniye. – Parizh, 1925. – № 55 (27 iyulya). – S. 2.
4. Voloshin, M. Sobr. Soch.: v 12 t. T. 7. Kn. 1. / M. Voloshin. – М.: Ellis Lak 2000, 2006.

5. Voloshin, M. Sobr. Soch.: v 12 t. T. 9 / M. Voloshin. – M. : Ellis Lak, 2010.
6. Gertsyk, Ye. Vospominaniya / Ye. Gertsyk / sost., avt. vstup. stat' i komment. T.N. Zhukovskaya. – M.: Moskovskiy rabochiy, 1996.
7. Grigorovskiy, S. Sbornik Tserkovnykh i Grazhdanskikh Zakonov o Brake i Razvode... / S. Gorigorovskiy. – SPb., 1908. – S. 68.
8. Dvadsatipyatiletiye Vasil'yeostrovskoy Zhenskoy Gimnazii 1858–1883 g. SPb.: Tip. V. Demakova, 1883.
9. Zhukovskaya T. N. O sem'ye Tsytoovich // Krymskiy arkhiv. – Simferopol', 2015. – № 2 (17). – S. 10–23.
10. «...Nepovtorimyy v Svoikh Sochetaniyakh Moment»: Pis'ma A. K. Gertsyk k Rodnym i Druz'yam / Vstupit. st., sost., podgot. teksta, publ. T. N. Zhukovskoy, primech. N.A. Bogomolova i T. N. Zhukovskoy. Poslesl. N. A. Bogomolova // Novyy mir. – 1999. – № 5.
11. Kupchenko, V. P. Trudy i Dni Maksimiliana Voloshina : Letopis' Zhizni i Tvorchstva / V. P. Kupchenko. – SPb.: Aleteyya, 2002.
12. Otchet o Sostoyanii i Deyatel'nosti Imperatorskogo S.-Peterburgskogo Universiteta za 1910 god. – SPb.: Tip. B. M. Vol'fa, 1911.
13. Pamyatka Byvshim Uchenikam S.-Peterburgskoy 3-y Gimnazii / Sost. S. V. Lavrov. SPb.: Tipo-Litogr. V. Kene i Ko, 1911.
14. Pereklichka Cherez «Zheleznyy Zanaves»: Pis'ma Ye. Gertsyk, V. Grinevich. L. Berdyayevoy / publ., sost., vstup. st. i komment. T. N. Zhukovskoy. – M.: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna; Russkiy put', 2011.
15. RGIA. F. 1343. Op. 19. Yed. khr. 1516. L. 415, 416 ob.
16. RGIA. F. 1343. Op. 19. Yed. khr. 1516. L. 432–432 ob.
17. RGIA. F. 1343. Op. 21. Yed. khr. 9288; TSGIA SPb. F. 14. Op. 3. Yed. khr. 26106. L. 10.
18. Sestry Gertsyk. Pis'ma / sost. i komment. T. N. Zhukovskoy, vstupit. st. M.V. Mikhaylovoy. – M. : Inapress; Dom-muzey Mariny Tsvetayevoy, 2002.
19. Sokolov, M. Pyatidesyatiletie Zhenskoy Gimnazii YU. P. Bess. 1843–1893 / M. Soklov. – M., 1894.
20. TSGIA SPb. F. 14. Op. 3. Yed. khr. 53904.
21. TSGIA SPb. F. 149. Op. 1. Yed. khr. 204; TSGIA SPb. F. 361. Op. 2. Yed. khr. 649.
22. TSGIA SPb. F. 492. Op. 2. Yed. khr. 10232. L. 8–9 ob.
23. TSGIA SPb. F. 492. Op. 2. Yed. khr. 10232; F. 478. Op. 3. Yed. khr. 7214.
24. TSIAM SPb. F. 19. Op. 126. Yed. khr. 1694. L. 32 ob.–33.

КРЫМ И ЛИТЕРАТУРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

УДК 82-94

ИСХОД РУССКОЙ АРМИИ ИЗ КРЫМА (1920). ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ МЕМУАРНОЙ БИБЛИОТЕКИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Есина Тамара Владимировна

главный специалист Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына
(Российская Федерация, г. Москва)

***Аннотация.** Автор статьи публикует с комментариями выдержки из мемуаров эмигрантов, которые были участниками события 1917–1922 в России. Идея собрать мемуары была осуществлена Александром Исаевичем Солженицыным, претворившись в создание Всероссийской Мемуарной Библиотеки (ВМБ), «сгусток народной памяти и опыта».*

***Ключевые слова:** революция 1917 года, эмиграция, А.И. Солженицын, Крым, исход Русской Армии из Крыма, исход Русской Армии из Приморья.*

В декабре 1975 года газета «Русская Мысль» опубликовала Солженицынское «Обращение к русским эмигрантам, старшим революции». Александр Исаевич, изгнанный из Советского Союза, работал тогда над эпопеей «Красное Колесо» и в своем обращении просил соотечественников, «живых участников» событий 1917–1922 годов, присылать ему свои воспоминания, «свободные от оболганий», «искажений» и «укрытий». Чтобы можно было по крупицам «самых простых жизней» объективно воссоздать нашу историю, чтобы не ушла «в беспомытность» та «бурная пора».

В общей сложности на призыв писателя откликнулись более тысячи эмигрантов, людей разных сословий, разбросанных по всему миру. Тогда и возникла у Александра Исаевича мысль создать Всероссийскую Мемуарную Библиотеку (ВМБ), «сгусток народной памяти и опыта».

© Т.В. Есина, 2017

Материалы ВМБ составляют основной архивный фонд Дома русского зарубежья, ныне носящего имя писателя.

Мемуары, полученные Александром Исаевичем, разнятся по объему – от нескольких страниц до многотомных повествований. Писали крестьяне и фабрично-заводские рабочие, генералы и вольноопределяющиеся, мелкопоместные дворяне и столичные чиновники, купцы и духовенство, аристократы и техническая интеллигенция. И везде – конкретная судьба, неотделимая от исторических судеб России. Поэтому и темы общие: Первая мировая война, жизнь *до* и *после* революционных событий 17-го, разруха и голод, становление Добровольческой армии, Гражданская война, драматичный исход из России.

Что естественно, значительную часть фонда составляют воспоминания военных.

Спустя годы после описываемых событий они анализируют причины поражения Русской Армии и называют среди основных усталость в затянувшейся войне, недостаток патронов и снарядов, действия многочисленных банд зеленых, голод и свирепствовавший сыпной тиф, рано наступившие морозы, неготовность флота перевезти огромное количество военных и мирных беженцев, ошибки высшего военного руководства, а также предательство союзников. И каждый описывает тяжкий путь отступления и драматичный уход из России.

Эти воспоминания можно условно разделить на две большие группы и обозначить их как «Исход Русской Армии из Крыма» и «Исход Русской Армии из Приморья».

К весне 1920 года гибель добровольческого дела становилась все очевиднее. На Юге России сосредоточилось огромное число военных и гражданского населения, которое готово было бежать безразлично куда, только бы не попасть в большевистские руки. Крым виделся всем последней надеждой на соединение раздробленных сил Добровольческой армии, способных остановить продвижение красных, восстановить утраченные позиции и разгромить силы большевиков.

Вот что пишет Владимир Драшусов:

«Общее положение к тому времени было такое: Добровольческой армии уже не существовало. Жалкие остатки ее, побросав решительно все, добрались частью до Новороссийска, частью укрывались за Перекопом. <...> Общей целью было добраться до Крыма и там, на последнем клочке родной земли, под защитой казавшихся неприступными Перекопских позиций, осмотреться, опомниться и тогда уже решать свою судьбу и судьбу всего дела» [1, ед. хр. М-26, л. 17].

Путь до спасительных берегов Крыма шел через Новороссийск. В городе же было беспокойно. Его постоянно тревожили скрывающиеся в окрестных горах зеленые и многочисленные дезертиры, занимавшиеся

налетами и грабежами. Огромная волна беженцев, наводнившая город, не находя нигде прибежища, жестоко страдала от холода, голода и болезней. Свирепствовал сыпной тиф.

Морское сообщение Новороссийска с Крымом было обставлено с большими трудностями. Пароходы ходили редко, в неопределенные сроки, часть их оказалась в ремонте. И, как следствие, на побережье Кавказа оказались брошенными на произвол судьбы многие тысячи бойцов-добровольцев, которых будет так не хватать во время обороны Крыма.

Как пишет Борис Павлов, который в 13 лет потерялся в потоке беженцев, был усыновлен Алексеевским полком и проделал с ним весь путь отступления из Новороссийска в Крым, а потом в Галлиполи, «трагедия Крыма началась с трагедии Новороссийска».

«Под вечер мы добрались до Новороссийска. Город был как взбужденный муравейник. На улицах люди, куда-то спешившие, и военные, и штатские, пешие и конные. Всюду брошенные повозки, орудия, передки, автомашины. Но что особенно усугубляло мрачную картину – это брошенные хозяевами лошади. Худые и изможденные, они понуро стояли или медленно передвигались в поисках пищи.

Как воспоминание, характеризующее Новороссийск этого дня, осталась в памяти картина “ликвидации” огромных армейских складов. Стрессом разбивались ящики, чтобы узнать их содержимое; здесь же раздевались и примеряли одежду, хватала часто совсем неподходящую; здесь же закусывали консервами с галетами. Здесь было всех видов обмундирование. Начиная с шерстяных носков и теплого белья до кожаных полушубков; разного рода консервы, шоколад, сгущенное молоко; велосипеды и, главное, много различных медикаментов и т. п. Все это зачем-то экономилось, а на фронте люди мерзли, отмораживали ноги и руки, часто погибали от нехватки нужных лекарств. Теперь все это бросалось, раздавалось кому угодно. Это был не грабеж, т. к. это было разрешено. Охваченные общим психозом получить что-то задаром, мы с моим офицером-попутчиком тоже побывали на складах и набрали массу вещей, часть из них совсем ненужных. Полк нашли на горе, около какой-то школы. Там шла подготовка к погрузке. Ночью шли на пристань. Горели склады, пахло гарью. Около гавани было приказано оставить наших лошадей. Оставленные лошади продолжали идти за своими хозяевами. Командир полка, полковник Бузун, человек исключительного самообладания и храбрости, не выдержал и застрелил своего любимого коня. В эту ночь по городу бродили как призраки табуны бездомных лошадей, потерявших своих хозяев. На них можно было посадить конную армию» [1, ед. хр. А-41, л. 5].

«В Новороссийске, помню, – пишет он далее, – на молу тысячеголовая толпа мучительно медленно продвигалась к пароходам. <...> Все труппы были уже до отказа набиты. Нашему полку досталась только па-

луба. Нас несколько человек устроились в подвешенной спасательной шлюпке. С этого места было хорошо видно, что происходило вокруг.

У пристани уже не было кораблей, наш «Св. Николай» был последним. На нем уже и палуба была набита до предела. В это время на капитанский мостик влетела возбужденная группа офицеров-дроздовцев. <...> Оказалось, что на наш до предела набитый пароход должен был еще грузиться 3-й Дроздовский полк, прикрывающий посадку на корабли и только сейчас подошедший к пристани. А капитан уже отдал приказ, и матросы начали поднимать трап и рубить канаты. На капитанском мостике на наших глазах разыгралась тяжелая, бурная сцена. Слов слышно не было, но видно было, как капитан, беспомощно разводя руками, пытался что-то объяснить. Дроздовцам так и не удалось переубедить его и, громко возмущаясь, они спустились обратно на, мол, к своему полку.

Наш «Св. Николай» начал медленно отчаливать от пристани. А на берегу толпились тысячи людей, жаждущих уехать. С мола что-то кричали, о чем-то молили, ругались, грозили кулаками... При выходе на внешний рейд мы встретили миноносец, который шел полным ходом обратно к пристани. На его мостике был виден генерал Кутепов. Узнав, что не весь Дроздовский полк погружен, он шел ему на выручку.

Мы же направились в Крым. Это было утро 14 (27) марта 1920 года. А на рейде был виден английский дредноут «Император Индии», спокойно и внешне безучастно наблюдавший за происходящим в Новороссийске. Разыгрывался один из последних актов трагедии гибели Национальной России. Тысячи людей на берегу ждали спасения и помощи, но помощь так и не пришла. Наши бывшие союзники не пришли на помощь тем, кто по существу до конца оставался им верен» [1, ед. хр. А-41, лл. 4, 6–7].

Николай Кудинов среди важнейших причин, приведших к крушению Добровольческого дела, также называет предательство союзнических войск:

Кильватерная колонна транспортов в дни эвакуации врангелевской армии из Крыма. 1920 год

«Врангель же, не имея средств перебросить в Крым остатки армии, неоднократно просил союзников о помощи – предоставить пароходы. Но союзники в

этом не были заинтересованы. <...> Хождения наших посланцев в ранее союзные державы и просьбы об оказании помощи ни к чему не привели» [1, ед. хр. А-16, л. 14.].

Он с возмущением и горечью пишет о том, что с находящихся на рейде военных кораблей союзники *издали* наблюдали, как части дезорганизованной Добровольческой армии, которые смогли дойти до Новороссийска, «увидев последние отходящие от пристани пароходы, в отчаянии прыгали с обрыва вместе с лошадьми в Черное море, а прибывшая в город Красная гвардия орудийным и пулеметным огнем уничтожала остатки Белой Армии и массы беженцев, собравшихся в надежде на погрузку на пароходы, уходящие в свободную страну» [1, ед. хр. А-16, л. 14.].

Добравшиеся до Крыма войска были деморализованы и в своем большинстве враждебно настроены к главнокомандующему Деникину. Генерал Врангель, единственная и всеобщая надежда, был в то время в опале. Слащев же и его малочисленное воинство, несмотря на их действительную доблесть, представляли собой слишком ничтожную силу. В войсках царило чувство всеобщего безнадежного крушения. Восемь месяцев шли тяжелые бои на полуострове, но отстоять Крым не удалось.

И еще о союзниках. Вольноопределяющийся Александр Судоплатов вспоминает эвакуацию из Крыма. Октябрь 20-го. Севастополь.

«Ночь и день шла погрузка, – пишет Судоплатов. – Десятки судов, от океанских транспортов до буксирных пароходов, стали в центре бухты. Все переполнены людьми, голодными и усталыми.

И вдруг “ура!” – грянуло на судах. В бухту влетает военный катер. На нем во весь рост генерал Врангель в дроздовской форме. Все почувствовали прилив силы. Усталости как не бывало.

– Господа! Кричит Врангель. – Я послал радио всему миру с просьбой нас принять, но ни одна страна не ответила на мой призыв (курсив наш – Т. Е.). У нас нет провизии и угля. Что будет дальше, не могу обещать. Кто считает, что ему здесь безопаснее, может остаться. Я подам баржу для таких.

Катер подходит к борту каждого корабля. Генерал спрашивает капитанов о положении на борту, но “ура!” заглушает его слова. Потом катер пошел к берегу, генерал выходит на берег и низко кланяется родной земле. Провожающие на берегу машут платками. Катер несется в бухту и вдруг останавливается. На набережную стройно выходит вооруженный отряд» [1, ед. хр. Е-18, л. 24.]. Это полковник Новиков привел свой отряд из Джанкоя. Но для его людей нет на кораблях места, и Врангель предлагает полковнику единолично подняться к нему на катер. Полковник на это ответил: «В таком случае, ваше высокопревосходитель-

ство, я не могу оставить людей. Его отряд еще несколько минут простоял на набережной, потом повернул в город» [1, ед. хр. Е-18, л. 25].

Для человека долга и чести выбора не было.

«Позже в Галлиполи, – продолжает Судоплатов, – я узнал, что они в Севастополе сели на брошенных коней, сняли погоны и под видом красного отряда двинулись к Перекопу. Очевидно, полковник рассчитывал выйти из Крыма и пробиться в Румынию. Но на Перекопе их окружили, был короткий бой. Новиков, раненный, и остальные, кто остался жив, были перебиты» [1, ед. хр. Е-18, л. 24.25].

Хотя эвакуация из Крыма проходила достаточно организованно (Врангель учел уроки Новороссийска), все равно на судах для всех не хватило места.

Николай Жадан, эвакуировавшийся с Бугским эскадром в ночь с 1 на 2 ноября (ст. ст.) 1920 года из Ялты на пароходе «Крым», пишет: «Кончилась Крымская эпопея. На 126 судах было вывезено 145 693 человека, не считая судовых команд» [1, ед. хр. А-6, л. 2.].

Список литературы

1. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1.

THE EXODUS OF THE RUSSIAN ARMY
FROM THE CRIMEA (1920)
BASED ON THE MATERIALS OF THE ALL-RUSSIAN
MEMORIAL LIBRARY
ALEXANDER SOLZHENITSYN
Esina Tamara Vladimirovna,
*chief specialist of the House of Russian Abroad. AI Solzhenitsyna
(Russian Federation, Moscow)*

Abstract. *The author of the article publishes with excerpts extracts from the memoirs of emigrants who were participants of the event of 1917-1922 in Russia. The idea to collect memoirs was carried out by Alexander Isayevich Solzhenitsyn, having made the creation of the All-Russian Memorial Library (VMB), a “cluster of people’s memory and experience.*

Keywords: *Revolution of 1917, emigration, A.I. Solzhenitsyn, Crimea, the outcome of the Russian Army from the Crimea, the outcome of the Russian Army from Primorye..*

References

1. Arkhiv Doma Russkogo Zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna. F. 1. Op. 1.

УДК 821.161.1

УЕДИНЕНИЕ И ОДИНОЧЕСТВО МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Пустарнакова Юлия Анатольевна,

*кандидат физико-математических наук,
независимый исследователь жизни и творчества Марины Цветаевой
(РФ, г. Москва)
e-mail: pustarnakova25@gmail.com*

Аннотация. *В статье рассматривается тема одиночества в творчестве М. Цветаевой. Автор находит точки пересечения в отношении к этой теме М. Цветаевой и Н. Бердяева, сравнивая их творчество. М. Цветаева открывает для себя философию Н. Бердяева, что помогает ей преодолеть испытания одиночеством, находит вневременные связи с людьми, космосом и Богом.*

Ключевые слова: *М. Цветаева, Н. Бердяев, поэзия, русская философия, вечные ценности.*

Сто лет назад, в переломный год российской истории поэту Марине Цветаевой исполнилось 25 лет. Первое и последнее её стихотворения этого года об одиночестве, но настроение в них прямо противоположное. Сравним [4]:

*Мне ль, которой ничего не надо,
Кроме жаркого чужого взгляда,
Да янтарной кисти винограда, –
Мне ль, заласканной до тла и всласть,
Жаловаться на тебя, о страсть!
Всё же в час как леденеет твердь
Я мечтаю о тебе, о смерть,
О твоей прохладной благодати –
Как мечтает о своей кровати
Человек, уставший от объятий.*

1 января 1917

© Ю.А. Пустарникова, 2017

Новый год я встретила одна.
 Я, богатая, была бедна,
 Я, крылатая, была проклятой.
 Где-то было много-много сжатых
 Рук – и много старого вина.
 А крылатая была – проклятой!
 А единая была – одна!
 Как луна – одна, в глазу окна.

31 декабря 1917

В первом – желание одиночества «человека, уставшего от объятий», причём одиночества абсолютного – смерти. Винтонации стихотворения чувствует себя бравада молодой женщины. Во втором – уже настоящая тоска одиночества.

Конечно, каждый человек в определённые моменты жизни переживает остро, гжучее чувство одиночества. Однако, далеко не все люди глубоко вслушиваются в себя. А у поэтов это вслушивание – насущная потребность, что отчуждает их от других людей, делает одинокими вдвойне.

Зато это переживание способствует рождению стихов и самосознанию личности.

Кроме того, следует различать понятия одиночества и уединения. Уединение благотворно для любого человека. Всё, чем мы восхищаемся, создаётся или, по крайней мере, задумывается именно в уединении.

Марина Цветаева страстно стремилась избежать одиночества. Вот что она пишет своему старшему другу Анне Тесковой 21 ноября 1934 года:

«Я дожила до сорока лет и у меня не было человека, который бы меня любил больше всего на свете. Это я бы хотела выяснить. У меня не было *верного* человека. Почему? У *всех* есть. И ещё – благодарность тем, кто мне помогали жить: Вам, А. И. Андреевой и Борису Пастернаку. Больше у меня не было никого» [5, с. 416].

Марина Цветаева. 1928 г.

Конечно, это написано под влиянием нахлынувшей тоски, тоски по человеку, к которому можно «со всем и всегда». Это реакция поэта на непонимание и неприятие. На самом деле, у Марины Ивановны были такие люди, о которых она тосковала. И как раз в момент острого переживания одиночества она могла обрести новую дружбу, любовь, ведь одиночество – отправная точка к любви.

Любовь в творчестве Марины Цветаевой трактуется вполне в античной традиции, как преодоление разъединения, рассекновения

богами человека на две половины, обретение целостности, гармонии. В этом смысл жизни, любовь приближает человека к космосу, к вечности. В такой трактовке любви Марина Ивановна близка к русским философам: В. В. Розанову, В. С. Соловьёву, Н. А. Бердяеву.

В январе 1926 года Марина Цветаева пишет стихотворение «Тише, хвала!..», в котором – мольба об уединении, самом обычном пространственном, для творчества.

...Богом мне – тот
 Будет, кто даст мне
 – Не временем!
 Дни сочтены! –
 Для тишины –
 Четыре стены.

В сентябре 1934 года она пишет уже о том, что уединение доступно только внутри себя:

Уединение: уйди
 В себя, как прадеды в феоды.
 Уединение: в груди
 Ищи и находи свободу...

Марина Цветаева всё больше отходит от внешней жизни, постепенно приходя к мысли об одиночестве, как неизбежности. Даже любовь не позволяет преодолеть одиночество, неизбежны разрывы и разлады. Одиночество с годами усугублялось, принимая катастрофические размеры. Единственное, что оставалось, – эпистолярные дружбы. И творчество. Но уход в творчество – отказ от мира, уход от жизни:

...Уединение: уйди,
 Жизнь!

Эти стихи как принятие судьбы. Вплоть до ухода из жизни в другом стихотворении – доведение одиночества до абсолюта:

...Скажи: довольно муки – нам
 Сад – одинокий, как сама.
 (Но около и Сам не стань!)
 – Сад, одинокий, как ты Сам.

Такой мне сад на старость лет...
 – Тот сад? А может быть – тот свет?
 На старость лет моих пошли –
 На отпущение души.

1 октября 1934

Читая стихи Марины Цветаевой 1934 года, её письма того времени, понимаешь, что это был какой-то пик одиночества.

Вообще тридцатые годы прошлого века были для поэта не только временем потери и без того непрочной связи с внешним миром, но и периодом ослабления связей внутренних, отношений с дорогими людьми. Рильке уже умер, затихает переписка с Борисом Пастернаком, который вторично женился. Не осталось равных в её круге. А ведь именно это время – период начала ранней мудрости Марины Ивановны, время, когда она достигла вершины в творчестве.

Постепенно меняются отношения и в семье. Все, кроме Марины Цветаевой, хотят вернуться в Советский Союз. Отношения обострены.

Из письма Анне Тесковой (16 октября 1932 года): «...С<ергей> Я<ковлевич> совсем ушёл в Сов<етскую> Россию, ничего другого не видит, а в ней видит только ту, что хочет» [5, с. 416]. И из письма ей же (1 января 1932 года): «Во Франции – за семь лет моей Франции – выросла и от меня отошла – Аля. За семь лет Франции я бесконечно остыла сердцем, иногда мне хочется – как той французской принцессе перед смертью – сказать: Rien ne m'est plus. Plus ne m'est rien. [Мне больше ничего не остаётся. Больше мне не остаётся ничего (фр.).]

Кроме Мура: очень сложного и трудного, но пока (тоже на какие-нибудь семь лет) во мне нуждающегося. После этих семи – или десяти лет – я уже на земле никому не нужна, м. б. тогда и начнётся моя настоящая: одинокая и уединённая жизнь, которая у меня кончилась с *семнадцати лет* [Имеется в виду замужество]. Может быть я тогда напишу ещё несколько хороших вещей, может быть одну вещь: *мою*» [5, с. 398].

А вот из уже цитированного письма Анне Тесковой от 21 ноября 1934 года: «...Мне все эти дни хочется написать своё завещание. Мне вообще хотелось бы не-быть. Иду с Муром или без Мура, в школу или за молоком – и изнутри, сами собой – слова завещания. Не вещественного – у меня ничего нет – а что-то, что мне нужно, чтобы люди обо мне знали: *разъяснение*. Свести *счёты*, хотя Маяковский и сказал:

*Кончена жизнь – и не к чему перечень
Взаимных болей, и ран, и обид...*

[Неточно цитируемые Мариной Цветаевой строки из предсмертного письма Владимира Маяковского (“Я с жизнью в расчёте и не к чему перечень // Взаимных болей, бед и обид...”)]» [5, с. 416–417].

И практически исповедь в письме Вере Буниной (22 ноября 1934 года): «А теперь я для них, особенно для С<ерёжи>, ибо Аля уже страшнела – ноша, Божье наказание. Жизнь ведь совсем врозь» [6, с. 280].

А вот и стихотворение, как возглас отчаяния:

*А Бог с вами!
Будьте овцами!
Ходите стадами, стаями
Без мечты, без мысли собственной
Вслед Гитлеру или Сталину*

*Являйте из тел распластанных
Звезду или свасти*

крюки.

23 июня 1934

Но именно осенью 1934 года в стихах Марины Цветаевой проявляется философское осмысление уединения и одиночества: от «уединения в груди» до «сад – тот свет». Случайно ли это? Только ли в человеческом одиночестве поэта дело?

Этой осенью Марина Цветаева возобновила знакомство с Бердяевым. Из дневника жены философа Л. Ю. Бердяевой:

«Воскресенье, 11 ноября 1934 <...> К 5 ч. у нас собираются, как обычно по воскресеньям. <...> приехали из Медона <...> Марина Цветаева, Елена Извольская <...> Вечер прошёл в оживлённой беседе. М. Цветаева читала стихи...» [3, с. 85].

Интерес к философам и их трудам вообще был не чужд Марине Ивановне. Она имела знакомство эпистолярное и личное с В. В. Розановым, Л. И. Шестовым, Г. П. Федотовым, С. Н. Булгаковым, М. О. Гершензоном.

С Николаем Александровичем Бердяевым сёстры Цветаевы познакомились в январе 1915 года в Москве, в Кречетниковском переулке, в доме Жуковских. В последствии Бердяев был гостем Марины Цветаевой в доме в Борисоглебском переулке. Ей было близко его отношение к творчеству и жизни. Сравните. «Я не люблю жизни как таковой, для меня она начинает значить, т. е. обретать смысл и вес – только преобразённая, т. е. – в искусстве. Если бы меня взяли за океан – в рай – и запретили писать, я бы отказалась от океана и рая. Мне вещь *сама по себе* не нужна» (письмо Марины Цветаевой Анне Тесковой от 30 декабря 1925 года) [5, с. 344] и цитата из книги Н. А. Бердяева «Самопознание (Опыт философской автобиографии)»: «Я всегда чувствовал себя далёким от того, что называют “жизнью”. Я, в сущности, не любил так называемой “жизни”, в молодости ещё меньше, чем теперь. <...> Я чувствовал облегчение, когда речь переходила в сферу идей и мысли. <...> Я не любил “жизни” прежде и больше “смысла”, я “смысл” любил больше жизни, “дух” любил больше мира» [1, с. 19].

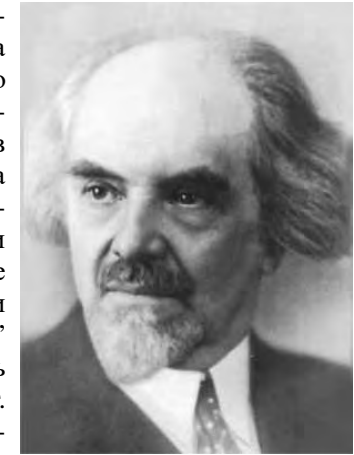
А в 1934 году Бердяев публикует отдельной книгой свою статью «Я и мир объектов (Опыт философии одиночества и общения)» (Париж: YMCA-Press) [2, с. 252], в которой третья часть «Я, одиночество и общество» посвящена рассмотрению философско-социального смысла одиночества.

Мы не знаем, сколько раз той осенью Марина Цветаева побывала в гостях у Бердяевых, но мы можем предположить, что в «оживлённой беседе» поэт и философ не могли обойти вниманием тему одиночества, которая волновала их обоих. И совсем неслучайно, что написанные тогда Мариной Ивановной стихи перекликаются с идеями из книги Бердяева. Он не мог не оказать влияние на строй её мыслей.

Диалог Марины Цветаевой и Николая Бердяева

Н. А. Бердяев «Я и мир объектов (Опыт философии одиночества и общения)», 1934	М. И. Цветаева Стихи осени 1934 года
«“Я” одиноко не столько в своем собственном существовании, сколько перед другими и среди других, в чуждом мне мире. Невозможно мыслить одиночество абсолютное, одиночество – относительно, оно соотносительно с существованием других и другого. Абсолютное одиночество есть ад и небытие, его нельзя мыслить положительно, его можно мыслить лишь отрицательно»	Человека защищать не надо Перед Богом, Бога – от него Человек заслуживает ада. Но и сада Семиверстного – для одного. Человек заслуживает – танка! Но и замка Феодального – для одного
«Относительное же одиночество не есть только болезнь и стоит оно под знаком не только отрицательным. Оно может стоять и под знаком положительным, может означать более высокое состояние “я”, возвышающееся над общим, родовым, объективированным миром. Одиночество может быть отпадением не от Бога и Божьего мира, а от социальной обыденности, которая сама есть мир падший. Оно может означать рост души»	...Чтоб ни души, чтоб ни ноги – На свете нет такого саду Уединению. В груди Ищи и находи прокладу...
«Пространство и время нашего объективированного мира есть источник одиночества и вместе с тем призрачного преодоления одиночества. Люди разъединяются между собой пространством и временем и они соединяются в пространстве и времени не в подлинном существовании, не в подлинном общении, а в объектности, в социальной обыденности.» «...вся наша сознательная культурная и социальная жизнь с её неисчислимыми условностями есть жизнь не настоящая познающая, лживая и в сущности людям не нужная, <...> за ней скрыта стихийная, бессознательная первозданная, подлинная, глубокая и единственно нужная» («Л. Толстой», 1911 – http://www.vchi.net/berdyayev/tolstoi.html)	...Кто победил на площади – Про то не думай и не ведай. В уединении груди – Справляй и погребай победу Уединения в груди. Уединение: уйди, Жизнь!
«Одиночество онтологически есть выражение тоски по Богу, по Богу, как субъекту, а не объекту, как “ты”, а не как “оно”. Бог и есть преодоление одиночества, обретение близости и родственности, смысла, соизмеримого с моим существованием. То, чему я только могу принадлежать и довериться абсолютно, отдаться без остатка, и есть Бог и только Бог»	... Скажи, довольно муки – на Сад – одинокий, как сама. (Но около и Сам не стань!) – Сад, одинокий, как ты Сам... (Здесь Марина Цветаева обращается к Богу как к субъекту, но просит абсолютного одиночества, небытия, она не претендует на сад-рай)
«Проблема одиночества представляется мне основной философской проблемой, с ней связаны проблемы “я”, личности, общества, общения, познания. В предельной же своей постановке проблема одиночества есть проблема смерти. Прохождение через смерть есть прохождение через абсолютное одиночество, через разрыв со всеми. Смерть есть разрыв со всей сферой бытия, прекращение всех связей и общений, абсолютное уединение»	... Такой мне сад на старость лет... – Тот сад? А может быть – тот свет? – На старость лет моих пошла – На отпущение душа

И ещё Н. А. Бердяев в этой же, цитируемой нами, статье писал: «Но проблема смерти в том, есть ли это одиночество окончательное и вечное, или это есть момент в судьбе человека, в судьбе мира, в судьбе Бога. Вся жизнь человека должна быть подготовлением таких связей и общений с другими людьми, с космосом и Богом, которые преодолевают абсолютное одиночество смерти. Смерть в сущности не есть совершенное уничтожение “я” (легче “мир” уничтожить, чем “я”), а есть момент совершенного его уединения, т. е. разрыв всех связей и общений, выпадение из Божьего мира» [2, с. 278].

Николай Бердяев

Марина Цветаева, пройдя через абсолютное одиночество – смерть, преодолела его: она подготовила при жизни в нашем мире, в его обыденности те самые связи, о которых пишет Бердяев, с «людьми, космосом и Богом», что позволило не умереть её личности, и обрести такую любовь и душевный отклик потомков на свои стихи, что её строки из стихотворения «Тебе – через сто лет» (1919) не кажутся преувеличением:

*Сказать? – Скажу! Небытие – условность.
Ты мне сейчас – страстнейший из гостей,
И ты откажешь перлу всех любовниц
Во имя той – костей.*

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М. : Международные отношения, 1990. – С. 19.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1994. – С. 252–278
3. Бердяева, Л. Ю. Профессия : жена философа / Л. Ю. Бердяева. – М. : Молодая гвардия, 2002. – С. 85.
4. Цветаева, М. И. Собрание сочинений в семи томах. Т. 1, 2. Стихотворения / М. И. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1994.
5. Цветаева М. И. Собрание сочинений в семи томах. Т. 6. Письма / М. И. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1995. – С. 344, 398–416.
6. Цветаева, М. И. Собрание сочинений в семи томах. Т. 7. Письма / М. И. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1995. – С. 280.

PRIVACY AND LONELINESS OF MARINA TSVETAeva

Pustarnakova Yulia Anatolevna,

*PhD of Physical and Mathematical Sciences,
an independent researcher of the life and work of Marina Tsvetaeva
(Russian Federation, Moscow)*

Abstract. *The article deals with the theme of loneliness in the work of M. Tsvetaeva. The author finds the intersection points in relation to this topic by M. Tsvetaeva and N. Berdyayev, comparing their work. M. Tsvetaeva reveals the philosophy of N. Berdyayev, which helps her overcome the challenges of loneliness, finds timeless connections with people, the cosmos and God.*

Keywords: *M. Tsvetaeva, N. Berdyayev, poetry, Russian philosophy, eternal values.*

References

1. Berdyayev, N. A. Samopoznaniye (Opyt Filosofskoy Avtobiografii) / N. A. Berdyayev. – M. : Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1990. – S. 19.
2. Berdyayev, N. A. Filosofiya Svobodnogo Dukha / N. A. Berdyayev. – M. : Respublika, 1994. – S. 252–278
3. Berdyayeva, L. YU. Professiya : Zhena Filosoфа / L. YU. Berdyayeva. – M. : Molodaya gvardiya, 2002. – S. 85.
4. Tsvetayeva, M. I. Sobraniye Sochineniy v semi tomakh. T. 1, 2. Stikhotvoreniya / M. I. Tsvetayeva. – M. : Ellis Lak, 1994.
5. Tsvetayeva M. I. Sobraniye Sochineniy v semi tomakh. T. 6. Pis'ma / M. I. Tsvetayeva. – M. : Ellis Lak, 1995. – S. 344, 398–416.
6. Tsvetayeva, M. I. Sobraniye Sochineniy v semi tomakh. T. 7. Pis'ma / M. I. Tsvetayeva. – M. : Ellis Lak, 1995. – S. 280.

**НАСЛЕДНИКИ СЕРЕБРЯНОГО
ВЕКА И РУССКАЯ КУЛЬТУРА**

УДК 821.161.1

«ГДЕ-ТО НА СТАНЦИИ ДАЧНОЙ...»

К юбилеям Марины Цветаевой и Ксении Некрасовой

Савельева Наталья Владимировна,

*журналист
(РФ, г. Москва)
e-mail: nvs2808@mail.ru*

Аннотация. Автор статьи рассматривает трагическую судьбу русской и советской поэтессы первой половины XX века Ксении Некрасовой. Ее творчество высоко оценила А. Ахматова. Также публикуются стихотворения К. Некрасовой и посвященные ее творчеству.

Ключевые слова: Ксения Некрасова, М. Цветаева, А. Ахматова, Болшево.

Всё-таки как часто случается то, что литераторы называют «скрепенье судеб»! В августе 91-го мы отдыхали в санатории в подмосковном Болшево. Мы жили в старом деревянном корпусе, в сосновом лесу. Ступеньки скрипели, ветер шумел, по ночному шоссе чуть в стороне проносились редкие машины... Это был исторический август, и только первая неделя прошла у нас спокойно. И в эту неделю мы всё пытались узнать, где жила в Болшево Марина Ивановна Цветаева с семьёй. Наверно, цветаеводам это было уже известно, но работники санатория и местные жители этого не знали.

Неожиданно выяснилось, что здесь, и именно в этом корпусе лечились в разное время после инфаркта Анна Ахматова и Борис Пастернак.

История жизни Цветаевой в Болшево изучена очень хорошо. Приезд в СССР, тяжёлый быт, слезка, подозрения, потом арест Али, Сергея Эфрона, Клепининых... В доме, куда их поселили, теперь музей. Но известно всё это тоже только теперь.

«Болшевская катастрофа – кульминация и узел трагедийных судеб семьи Марины Ивановны Цветаевой. Она имеет давние истоки», – пишет Надежда Ивановна Катаева-Лыткина в своей статье «145 дней после Парижа» [5, с. 42]. Представлять её здесь вряд ли нужно. Человек-легенда, врач, искусствовед, фронтовик. Она спасла, сохранила дом в Москве, в Борисоглебском переулке (тогда улица Писемского), в котором Марина Цветаева жила восемь лет. Создала музей и была его первым руководителем вместе с Эсфирью Семёновной Красовской.

Надежда Ивановна нашла с помощью друзей и дом в Болшево.

«Отыскала я этот дом с трудом. Считалось, что он уничтожен. Но дом уцелел. Я подружилась с теми, кто живёт в нём сейчас. Записала их рассказы, рассказы соседей бывших и теперешних. Отыскала соучеников по болшевской школе сына Цветаевой – Георгия. Расспросила героев Испанской войны и Французского сопротивления, знавших семью Эфрон-Цветаевых... и общих друзей, приезжавших из Чехословакии и Парижа. Сопоставила услышанное с публикациями французских газет 1937-1939 годов и воспоминаниями очевидцев, опубликованными за рубежом...» [5, с. 42].

В Болшево Марина Цветаева прожила пять месяцев – с 19 июня по 10 ноября 1939 года.

В письме Анне Тесковой (Анна Антоновна Тескова (1872–1954) – чешский друг Марины Цветаевой, преподавательница женской начальной школы, переводчица, деятельница Общества чешско-русского Единения (Iesko-ruskb jednota) из Парижа от 31 мая 1939 года Цветаева назвала Болшево деревней: «Отложу до деревни. Там – сосны, это единственное, что я о ней знаю» [6, с. 498].

Болшево не было ни деревней, ни уединением, для семьи Марины Цветаевой это дачное место стало условным заключением. Дачи посёлка за путями железной дороги назывались «Новый быт». Это были дачи НКВД, казённые дачи Госбезопасности. Ещё их называли дачами Экспортлеса или «Жургаза».

Дачи эти были с одной стороны неприметными, с другой – наоборот, на слуху. Но найти этот посёлок в августе 91-го мне не удалось.

И здесь же, в Болшево, снимала комнатку Ксения Александровна Некрасова, гениальный поэт с невероятно трагической судьбой.

Анна Ахматова писала, что на свете она знает лишь двух гениальных женщин: Марину Цветаеву и Ксению Некрасову.

Удивительно, что обе они обитали в Болшево, но с разницей в десять лет, и пути их не пересеклись. В Болшево проживал также Сергей Николаевич Дурылин, историк литературы, искусства, поэт, критик. Тихая дачная станция вошла в историю литературы.

Как жила в Болшево Ксения?

Однажды Фальки (художник Роберт Рафаилович Фальк (1886–1958) и его жена Ангелина Васильевна Щекин-Кротова (1910–1992) приехали в гости к Дурылину. Зашли и к Ксении. «Изба, совсем маленькая, в два окошечка. На стук вышла хозяйка, старушка: «Ксюши дома нет. С утра в Москву уехала. Да вы заходите! Она в горнице, а я на кухне. Так и живём». Горница представляла собой часть избы, отгороженной от кухни дощатой перегородкой. У окошка – чисто выскобленный стол, на нём папка, пузырёк с чернилами, глиняная плошка. В ней две варёных картофелины «в мундирах». На листочке бумаги возле – горсть серой соли, деревянная ложка, кухонный нож. На широкой лавке свёрнутый войлочек, тощая подушечка в ситцевой наволочке. На гвоздике у двери висит одно пальтишко. И очень чисто, ни соринки» (из воспоминаний Ангелины Щекин-Кротовой, вдовы Р. Р. Фалька) [4].

Старушка пустила к себе Ксению за писательский паёк, выхлопанный Анной Ахматовой.

У Анны Андреевны Ксения Некрасова жила в Ташкенте в эвакуации. Это было счастливое стечение обстоятельств. Ахматова опекала и содержала бездомную Ксению, высоко ценила её талант, выслушивала насмешки по поводу их дружбы. Благодаря Ахматовой Ксения получила тот самый писательский паёк, а позже – и комнату, где успела прожить только восемь дней. В 44-м Анна Ахматова проводила Ксению в Москву с рекомендацией для Союза писателей, куда Ксению так и не приняли, и этого удара она пережить не смогла.

О Ксении Некрасовой. Вероятно, кто-то слышит это имя впервые.

Í áí í èç ñàì ù ò òèòèò èì áí áí í ÿçèè Õ ãàè. Ó èèèèí í á ÿàèáí èá á òññèí è èèèèá – àèè àèí í í á í àèí èí á í ááí áù àð ù ááñýí è á èáèèáðàì èè è í áòèèááù ááð ù ááñý á èèòáòáòòí ù áòáòí èí ù. Òèèèè, ñèèí ùé, í í í á í èð í í í áèò ááí í ÷èòáèèè è èññèááí ááòáèè, ááí èáèí ùé í í ÿò Ì èññèá í í á áñòáñááí í í, èáè áù ò áèá. Áá ááèèááù ááòòò í à-áèí á òí èíèèí òí í è òááèòèè, í í è áèèèè è áèáí í è áèáí èñè. Ñòèèè Èñáí èèí áèòáñí áí è í òá òù è í òáèòáñí ù, á ñáùáá òýáèèèè áý, èáè è ó áí èñè èí ñáááí í ÿí á.

Í í á áñáí òáññèáçù ááèá í ñáí áí «ááèèèí èáí í í ááñòáá»: «Í òáò áù è áí òí ùí èí ááí áòí Ì. Áèèè è áááó È òáèòí è ò ááèèí ñèí Ì, ááèèèè Ááí òè èí ñèèò èáí áí í ù òí í èáè...» Í à ñáí í í ááèáí í èèè í áý ááááòí áè-í áðáò èý òàèí áá: «Èí áèèáññ ã 1912 á áó. Èí áèòáèèè ñáí èò í á í í í í þ. Áçýòá áù èá èçí òèð òá ñáí ùáè ò-èòáèý í á áí ñí èòáí èá...»

Èç òáí í ááí ááñòááá áé çáí í í èèí ññ, ÷-í èí í ááá è í áé í òèáçáèèá í ÷áí ù èðáñèááý, òí òí ò í ááòáý ááí à, í òèáí çèèá áí òí áèáí í ááèèè. Èòí ÿòá ááí à – áé í á áí áí òèèè.

Потом она помнила эпизод: ее, маленькую, привели в лесной скит, где собралось много народу. И священник, подняв ее на руки, крестил ею толпу.

Позже ей кто-то сказал, что она – дочь Григория Распутина или одной из дочерей царя Николая... У нее двойное имя – Ксения-Татьяна.

Юность ее прошла на Урале. Окончила семилетку, училась в педтехникуме, потом служила культработником на Уральском заводе тяжелого машиностроения.

В 1935 году Свердловский обком комсомола направил Ксению учиться в Москву, в Литературный институт.

В тридцать седьмом вышла первая подборка стихов Ксении Некрасовой в журнале «Октябрь». Предваряя ее, Николай Асеев отмечал своеобразие ее дарования, «четкость и ясность ее строк... при сохранении почти детской их простоты». Он писал: «Глубокий оптимизм наблюдения, изучения явлений, свойство видеть великое в малом, подчеркивание значительности всего живого, входящего в наш советский быт, пейзаж, чувство и мысль – вот идея Ксении Некрасовой».

Печатали Ксению и в других изданиях. Но окончить институт ей не удалось – началась война. Вместе с войной пришло горе. С мужем, горным инженером, и грудным сыном Тарасиком они ехали в эвакуацию. Когда начали бомбить, всех ехавших высадили в поле, и осколком – прямо у Ксении на руках – убило ее сынишку. Муж вскоре сошел с ума. Ксения же после всего пережитого получила травматический энцефалит и уже больше не могла работать. Руки не слушались ее. Отсюда этот детский почерк, неровные строчки, грамматические ошибки. Отсюда незащищенность и простодушное доверие к миру. Впрочем, качества эти были присущи ей всегда.

А стихи, дивные ее стихи! Необычные, сочные, очень русские. В красочных ее фантазиях есть что-то от лубка, речитатива, народной сказки:

*И цветет рябина
горьким белым цветом
у окна покинутой жены.
На ветвях рябины
Почему-то птицы
гнезд не вьют весенних,
песен колыбельных
не свистят в листве...
И стоит рябина
вся в цветах горячих,
белыми букетами*

*украшая ветви,
тонкая, высокая,
грому непокорная,
пред лицом соседей
горечь одиночества
пряча у корней [3, с. 72].*

Ее талант высоко ценили Михаил Светлов, Юрий Олеша, Алексей Толстой, актер В.Н. Яхонтов и его жена режиссер Е.Е. Попова-Яхонтова, скульптор С.Т. Конёнков, семья Фальков.

Михаил Пришвин писал в дневнике, что у Ксении Некрасовой, «у Хлебникова и у многих таких души сидят не на месте, как у всех людей, а сорваны и парят в красоте».

Но жизнь жестока. Ксению Некрасову нередко принимали за сумасшедшую, сторонились ее, гнали от себя. Многие из гонителей, прекрасно понимая, что перед ними гениальный поэт, не могли справиться со своей гордыней, своим благополучием. Бедно одетая, почти всегда голодная, Ксения вызывала у них брезгливую жалость.

Однажды в редакции «Нового мира» Маргарите Алигер показали верстку стихотворения Ксении Некрасовой, и оно очень ей понравилось. Она сказала об этом вслух, но, когда заведующая отделом поэзии предложила сказать то же самое автору, Алигер отказалась: «Но вообще-то ведь это совсем разное: стихи и их автор. Я с ней общаться не умею. Не получается как-то... Все-таки она...»

И, не задумавшись, с размаху, я произнесла то самое слово, которое в просторечье звучит достаточно грубо и вульгарно, ибо люди охотно пользуются им все и давно уже затерли и затрепали ту возвышенность, то изумление души, тот священный трепет, который вложил в него однажды и навеки великий русский писатель.

И вот оно слетело с моих губ, это жестокое слово, еще и упрощенное женским окончанием, прозвучав в переполненной комнате достаточно громко и слышно, и что-то вдруг дрогнуло и изменилось в лице моей собеседницы, и тотчас же я словно всем своим существом ощутила, что в ком-

Ксения Некрасова

нате что-то случилось, что-то ужасное, что-то непоправимое. Испуганно оглянувшись, я увидела, как много вокруг народу, и поняла, что все эти люди слышали ужасное слово и что этого уже не поправишь, и в тот же миг я увидела, что через всю комнату, сквозь расступившуюся толпу, прямо на меня идет Ксения. И, встретившись с моим взглядом, она тотчас же улыбнулась той самой большой, доброй улыбкой, которой всегда улыбалась мне в подмосковной электричке (Алигер и Некрасова часто встречались в большевской электричке – Н. С.).

Сказать, что я растерялась, это значит, ничего не сказать, – с горечью вспоминает М. Алигер. – Сказать, что я пришла в ужас, это тоже очень мало и бледно. Я не помню в жизни своей какой-либо хоть отдаленно похожей минуты. У меня словно железом перехватили горло, и из глаз брызнули слезы...

– Ксения... Ксения... Ксения... Простите, простите меня! – лепетала я, задыхаясь от стыда, от муки, от страдания...

Я схватила ее за руку, я готова была прижать к губам эту плотную, широкую, чистую ладонь, и она не отнимала ее, продолжая улыбаться. И вдруг сказала громко, просто и отчетливо:

– Спасибо вам. Спасибо, что вы так хорошо говорили о моих стихах.

И были в этих словах такая чистота и отрешенность, такое спокойное и непобедимое человеческое достоинство, такая высокая сила духа, которые я никогда с тех пор не могу ни забыть, ни утратить...» [3, с. 84–85].

Да, порой она выглядела нелепо, странно. Ей нигде было ночевать, и иногда она не хотела уходить из понравившегося ей дома. Просила, чтобы ее накормили. Равовалась каждому доброму слову, каждому крохотному подарку. Стихи ее практически не печатали.

В то же время многие ее уважали, даже побаивались. Остро ее языка, откровенных высказываний, непосредственности. Ее считали юродивой, а юродивые, эти чистые души, как известно, всегда говорят только то, что думают. А правда приятна не для всех.

Конечно, Ксении помогали, но мало кто думал о ее судьбе по-настоящему.

Когда стало совсем невозможно, она написала письмо Поскребышеву. Как страшно читать эти пляшущие строчки! Вся жестокость мира, жестокость сильных в их превосходстве над слабыми, убогими, просто не такими, как все, снова встает перед нами. И ничем уже не поможешь.

«В 1948 году меня перестали печатать, объясняя свой отказ тем, что стихи, написанные белым стихом, будут не понятны массам, что они больше относятся к буржуазным, то есть к декадентской западной литературе, а не к нашей простой действительности... Несколько лет мне ставят нелепые барьеры, и я бьюсь головой о стенку...»

Из записки Симонову: «Константин Михайлович, я гибну, одной не выбраться. Помогите мне, пожалуйста...» [3, с. 79]

В конце жизни короткое счастье Ксении Некрасовой все же улыбнулось. Она родила мальчика, мечтала о том, как им будет хорошо вместе. Но жить по-прежнему было негде, и Кириюшу пришлось на время отдать в детдом. Желанную комнату дали совсем незадолго до ее смерти. Ксения не успела привезти туда сына. Однажды, возвращаясь домой, она почувствовала себя плохо и упала на лестнице – не выдержало сердце. Было ей всего сорок шесть лет.

...Передо нами три маленькие книжечки Ксении Некрасовой: первая, прижизненная «Ночь на баштане» (1955), «А земля наша прекрасна!» (1958), вышедшая уже после ее смерти, и «Мои стихи» (1976). В те времена понимали толк в поэзии. Книжки миниатюрные, простенькие, но сделаны с большим вкусом.

Потом наступило длительное затишье. Неожиданной радостью стал выход очень содержательной, очень красивой книги, в которой, кроме стихов, великолепные фотографии – в прежних изданиях их не было – и воспоминания (Москва, издательство «Слово», серия «Самые мои стихи», 1997).

«Мой современник нежный», – обращалась Ксения Некрасова к людям своей эпохи. А мы? Услышим ли мы чистый голос большого русского поэта?

Как многое и о многих, мы узнали это имя от Надежды Ивановны Катаевой-Лыткиной. Она видела Ксению, которая приходила в семью Конёнковых и жила у них. Надежда Ивановна общалась с Конёнковыми в 50-е годы. Скрещенье судеб, повторю, не просто слова, оно было везде и постоянно. В конце 90-х Надежда Ивановна просила меня и подружку мою Аню Панфилову найти сына Ксении Кирилла. Но мы не знали, где искать его.

В последнее время, начиная со столетия Ксении Александровны в 2012 году, появилось много новых материалов о ней. Фотографии, портреты, документальные свидетельства, анализ творчества. Я не знала, что есть у неё и прозаические, дневниковые записи. Читала их, поражаясь остроте наблюдений, лаконичности, мудрости, изяществу стиля.

«Подымается новая сила – жадно поедающая и мороженое, и белый хлеб и всякую дорогую и дешёвую пищу с одинаковым усерди-

Ксения Некрасова с сыном

ем. Хватающая шёлк, ситец, панбархат, корыта, кровати, зеркала, туба-
ретки, душегрейки, резиновые сапоги, с энергией, мощь которой не про-
верена, не измерена, набрасывается эта сила на леса, реки, горы и озёра.

Толпе, массе – свойственно воспринимать, впитывать в себя вели-
кие идеи и настоящее прекрасное, как земле дождь. И если сказанное
по-настоящему велико, то простые люди пойдут за ним куда угодно и
как угодно.

Моими учебниками являются совершающиеся факты на улицах и в
зданиях Москвы. И размышляя о виденном мною, я обыкновенно рас-
сматриваю репродукции картин, где художник берёт какой-нибудь ха-
рактерный в определённое для времени мгновение факт и изображает
его в образе, даёт ему лицо, фигуру, платье и обстановку.

Каждое мгновение существования факт – есть существование в
определённом образе мысли, меняется факт – меняются мысли. И только
живопись может одеть мысль и поставить её пред живущими в одном
состоянии на веки веков. Вот поэтому я и учусь беспрестанно у свер-
шившихся фактов на улицах и в зданиях Москвы и у мировой живопи-
си старых и современных мне художников – отсюда и нужно исходить,
если хочешь понять мои стихи».

(И в завершение – поскольку мы на крымской земле – записи, сде-
ланные по дороге в Ялту. Все мы ездили этими дорогами – до Симфе-
рополя или Феодосии. – Н. С.)

*Море требует, чтоб на него смотрели
И когда ты в молчании постоишь
Поглядишь на него
Море разрешит полюбить себя
И останется в сердце твоём.*

Круглые шары паразитов съедают деревья (пригород Харькова).

Торчат кое-где на пашнях немецкие деревянные кресты. Появились пира-
мидальные тополя. Преобладает чернолесье. Вокзал Харькова. Две молодые
стрелочницы с флажками встречают поезд. Гордые и румяные как адмиралы.

Гора

*Медвежья гора
Печально-одинокая гора
Она предстала предо мной
Отвергнутая прочими хребтами
Стояла в море*

*И облако дымилось на челе
И солнце отражалось в море
Похожее сиянием
На полотенце.*

Ялта

Листья у всех растений в месяц февраль как кожаные. Земля –
почва – великолепного коричневого цвета и напоминает цыплячий пух.

Огромное дерево называется «волчьей ягода».

Люди, живущие среди зелёной благодати, лишены восхищения. Не
так, как москвичи радуются каждой веточке» [1]

Стихи русского советского поэта, критика, переводчика Ярослава
Смеякова (1913–1972).

Ксения Некрасова

*Что мне, красавицы, ваши роскошные тряпки,
ваша изысканность, ваши духи и белье? –
Ксения Некрасова в жалкой соломенной шляпке
в стихотворение медленно входит мое.
Как она бедно и как неискусно одета!
Пахнет от кройки подвалом или чердаком.
Вы не забыли стремление Ксюшино это –
платье украсить матерчатым мятым цветком?
Жизнь ее, в общем, сложилась не очень удачно:
пренебрежение, насмешечки, даже хула.
Знаю я только, что где-то на станции дачной,
вечно без денег, она всухомятку жила.
На электричке в столицу она приезжала
с пачечкой новых, наивных до прелести строк.
Редко когда в озабоченных наших журналах
вдруг появлялся какой-нибудь Ксенин стишок.
Ставила буквы большие она неумело
на четвертушках бумаги, в блаженной тоске.
Так третьеклассница, между уроками, мелом
в детском наитии пишет на школьной доске.
Малой толпою, приличной по сути и с виду,
сопровождался по улицам зимний твой прах.
Не позабуду гражданскую ту панихиду,
что в крематории мы провели второпях.
И разошлись, поразъехались сразу, до срока,
кто – на собранье, кто – к детям, кто – попросту пить,*

*лишь бы скорее избавиться нам от упрёка,
лишь бы скорее свою виноватость забыть [3, с. 26].*
(1964)

Стихотворения Ксении Некрасовой

*Из года в год
хожу я по земле,
и за зимой зима
проходит под ногами,
и день за днем гляжу на снег
и наглядеться не могу снегами...
Вот и сейчас
На чернотволье лип
снег синей молнией возник.
О, сердце у людей, живущих здесь,
Должно оно любезным быть
от этих зим.
Прозрачным быть оно должно
и совесть, белую, как снег,
нести в себе.
Шел белый снег
на белые поляны,
и молнии мерцали на ветвях... [3, с. 26].*

Имба

*В доме бабушки моей
печка русская – медведицей,
с ярко-красной душой –
помогает людям жить:
хлебы печь,
да щи варить,
да за печкой
и на печке
сказки милые таить [3, с. 54].*

Платье

*Мне подарили
бархатное платье.
А раньше
два только платья
было у меня:
льняного полотна
и шерстяное.
Мне подарили бархатное платье.*

*Я тут же
и примерила его,
и в зеркало увидела себя.
Средь отраженного окна
гранитный высился дворец,
пушистый звук
серебряных снегов,
в замерзших окнах
люстры тлели,
росли березы у стены.
И чудно было сочетание:
я в платье бархатном,
дворец
и белый снег
в ветвях и на земле.
Такой казалась я себе
нарядной!
И с этим чувством
шла я по Москве.
И все идущие
навстречу мне
несли на обновленных лицах
светинку радости моей.
И что-то мне
хотелось людям дать –
добро ли совершить
иль написать стихи [3, с. 58].*

Рублев. XV век

*Поэт ходил ногами по земле,
а головою прикасался к небу.
Была душа поэта словно полдень,
и все лицо заполнили глаза [3, с. 64].*

Список литературы

1. Ксения Некрасова: «...Опечатала печатью слез я божий дар из вышних слов» / публ., предисл. и комм. Евгении Коробковой [Электронная версия] // Знамя – 2012. - №1. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/1/c11.html> (дата обращения: 03.2018).
2. Некрасова, К.А. В деревянной сказке. Стихотворения / К. А. Некрасова. – М. : Художественная литература, 1999.
3. Некрасова, К.А. Стихотворения / К. А. Некрасова. – М. : СЛОВО/SLOVO, 1997.

4. О Ксении Некрасовой. Часть 1 [Электронная версия] // Искусство. – Режим доступа: <https://obiskusstve.com/853468574995712864/o-ksenii-nekrasovoj-chast-1/> (дата обращения: 03.2018).

5. Савельева, Н. Мой путь в «Маринин дом». Альманах «Под сенью оливы» / сост. Н. Савельева, Ю. Пустарнаков. – М. : «Олива», 2012. – № 7. – С. 42.

6. Цветаева, М.И. Письма к Анне Тесковой / пред. А. Главачек, сост. Л. А. Мнухина). Болшево : Муниципальное учреждение культуры «Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве», 2008. – С. 498.

«SOMEWHERE IN THE COUNTRY HOUSE ...»

To the jubilees of Marina Tsvetaeva and Ksenia Nekrasova

Savelieva Natalia Vladimirovna,

journalist

(Russian Federation, Moscow)

Abstract. *The author of the article considers the tragic fate of the Russian and Soviet poetess of the first half of the 20th century Ksenia Nekrasova. Her work was highly appreciated by A. Akhmatova. Also published are poems by K. Nekrasova and dedicated to her work.*

Keywords: *Ksenia Nekrasova, M. Tsvetaeva, A. Akhmatova, Bolshevo.*

References

1. Kseniya Nekrasova: «... Опеchatala Pechat'yu Slez Ya Bozhny Dar iz Vyshnikh Slov» / publ., predisl. i komm. Yevgenii Korobkovoy [Elektronnaya versiya] // Znamya – 2012. - №1. – Rezhim dostupa : <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/1/c11.html> (data obrashcheniya: 03.2018).

2. Nekrasova, K.A. V Derevyannoy Skazke. Stikhotvoreniya / K. A. Nekrasova. – М. : Khudozhestvennaya literatura, 1999.

3. Nekrasova, K.A. Stikhotvoreniya / K. A. Nekrasova. – М. : SLOVO/SLOVO, 1997.

4. О Ксении Некрасовой. Chast' 1 [Elektronnaya versiya] // Iskustvo. – Rezhim dostupa: <https://obiskusstve.com/853468574995712864/o-ksenii-nekrasovoj-chast-1/> (data obrashcheniya: 03.2018).

5. Savel'yeva, N. Moy Put' v «Marinin dom». Al'manakh «Pod Sen'yu Olivu» / sost. N. Savel'yeva, YU. Pustarnakov. – М. : «Oлива», 2012. – № 7. – С. 42.

6. Tsvetayeva, M.I. Pis'ma k Anne Teskovoy / pred. A. Glavachek, sost. L. A. Mnukhina). Bolshevo : Munitsipal'noye Uchrezhdeniye Kul'tury «Memorial'nyy Dom-muzey Mariny Tsvetayevoy v Bolsheve», 2008. – С. 498.

УДК 929

«ЕГО ЗАРЫЛИ В ШАР ЗЕМНОЙ,

А БЫЛ ОН ЛИШЬ СОЛДАТ...»

ГЕОРГИЙ ЭФРОН И ВСЕВОЛОД БАГРИЦКИЙ:

ПАРАЛЛЕЛИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Федоренко Марина Николаевна

(РФ, г. Феодосия)

e-mail: marina-filolog@qip.ru

Аннотация. *Автор статьи проводит параллели жизни Георгия Эфрона (сын поэта Марины Цветаевой) и Всеволода Багрицкого (сын поэта Эдуарда Багрицкого), биографические судьбы которых не пересекались, но пересеклись творческие. Они оба прожили очень короткую жизнь и известны прежде всего своими дневниками.*

Ключевые слова: *М. Цветаева, Э. Багрицкий, Георгий Эфрон, Всеволод Багрицкий, дневники.*

*Он упал в начале боя,
Показались облака...
Солнце темное лесное
Опускалось на врага.
Он упал, его подняли,
Понесли лесной тропой...
Птицы песней провожали,
Клены никли головой.*

Это пророческое стихотворение написал сын известного поэта Эдуарда Багрицкого Всеволод в 1938 году.

Так же, как и сын Марины Цветаевой Георгий Эфрон, Всеволод погиб в 19 лет, а его фронтовая жизнь исчислялась всего 34 днями.

© М.Н. Федоренко, 2017

Марина Цветаева, Георгий Эфрон

Они жили в одно время. Общались в разные годы с одними и теми же людьми. Однако не встретились. Параллельные линии земных судеб Георгия Эфрона и Всеволода Багрицкого не пересеклись, но пересеклись творческие – а это главное. Оба вели дневники, которые были изданы только спустя десятилетия после их смерти. Дневник Георгия Эфрона увидел свет в 2004 году в издательстве «Вагриус». А книга Всеволода Багрицкого «Дневники, письма, стихи» – в 1964 году в издательстве «Советский писатель». Составителем книги Багрицкого являлись его мать Лидия Густавовна Суок и Елена Боннер (будущая жена академика Сахарова). Книга получила премию Ленинского комсомола и давно стала библиографической редкостью.

Таким образом, объектом исследования являются письма и дневники Георгия Эфрона и Всеволода Багрицкого. В исследовании сделана попытка проследить типологические связи двух творческих личностей.

Научная новизна работы состоит в аналитическом освещении творческих контактов Георгия Эфрона и Всеволода Багрицкого.

Свой дневник Георгий (или Мур, как его называли в семье) начал вести в июне 1939 года сразу после приезда с матерью в СССР 14-летним мальчиком. Однако его болшевский «Дневник № 1» был утрачен вместе с бумагами сестры, Ариадны Сергеевны, при ее аресте 27 августа 1939 г. «Дневник № 2» начинается 4 марта 1940 г. в подмосковном Голицыне. А Всеволод стал писать дневник в конце 1939 года в 17 лет.

Вот как он его начинает: «Никогда не вел никаких дневников, да и вести не собираюсь. Просто решил записывать отдельные свои мысли, сюжеты, воспоминания» [1, с. 47]. И сразу же звучит лейтмотив смерти:

«Мне скоро восемнадцать лет, но я уже видел столько горя, столько грусти, столько человеческих страданий, что мне иногда хочется сказать людям, да и самому себе: зачем мы живем, друзья? Ведь все равно «мы все сойдем под вечны своды». Так вот (опять увлекся), я стал задумываться о происходящем, искать начало и конец, определенную закономерность событий. Увы, мне стало еще тяжелее. Тоска. Тоска.

Мне по-настоящему сейчас тяжело. Тяжело от одиночества, хотя я уже постепенно привыкаю к нему» [1, с. 51].

Дневники Георгия Эфрона и Всеволода Багрицкого – прежде всего психологические документы, лейтмотивом которых является – одиночество, определившееся их сложной судьбой.

И Георгий Эфрон, и Всеволод Багрицкий родились в семьях литераторов. Георгий Эфрон появился на свет 1 февраля 1925 года в пригороде Праги – Вшенорах в семье Марины Цветаевой и Сергея Эфрона, Всеволод Багрицкий – 19 апреля 1922 года в Одессе в семье Эдуарда Багрицкого и его жены Лидии Багрицкой (урожд. Суок).

Детство, формирование личности

Детство Георгия Эфрона проходило во Франции, в Париже – центре зарубежной русской культуры, куда его семья переехала, когда ему не было и года. Мур французским языком владел как родным, он думал на нем, но не забывал и русского, а по вечерам занимался с матерью немного и немецким.

Именно во Франции он сформировался как личность, вырос. Франция – это был воздух, которым он дышал, это была культура, которую он впитывал, и без которой потом себя уже не мыслил.

К шестнадцати годам Георгий прочитал всего Анатоля Франса и Жюль Ромэна, выучил наизусть Стефана Малларме, переводил романы Жоржа Сименона и делал заметки на полях экзистенциалистического романа Жана-Поля Сартра «Тошного». Кстати, это была его любимая книга, по которой он позже тосковал в Ташкенте.

В письме к другу семьи Самуилу Гуревичу из Ташкентской эвакуации от 8 января 1943 года есть замечательные строки: «Дорогой Франции тоже плохо пришлось, и я себе не мыслю счастья без ее восстановления, возрождения. И последняя мысль моей свободной жизни будет о Франции, о Париже, которого не могу, как ни стараюсь, которого никак не могу забыть» [8, с. 110].

Такие слова могли принадлежать только настоящему французу, патриоту своего Отечества. «Парижским мальчиком» назовет Мура Анна Ахматова, которая была вместе с ним в эвакуации в Ташкенте. Мальчик отчаянно пытался стать советским, найти среду, друзей, но это ему так и не удалось.

О детстве Всеволода известно гораздо меньше. Он родился в Одессе. Обе сестры его матери Лидии Густавовны вышли замуж за писателей. Ольга стала женой писателя Юрия Олешки, Серафима – поэта Владимира Нарбута. Детство проходило в творческой атмосфере.

Когда мальчику было три года, друг семьи писатель Валентин Катаев увез Эдуарда Багрицкого в Москву. В 1926 году семья Багрицких поселилась в г. Кунцево. Началась московская жизнь Севы. Ребенок

рос энергичным, бодрым, что не могло не радовать отца. У Багрицкого в стихах много о Всеволоде: «Всеволоду», «Разговор с сыном», «Папиросный коробок». И твердая убежденность в лучшем будущем для Всеволода. Но строки стихов отца, написанные в 1927 году, для нас звучат горькой иронией:

*Я знаю, ты с чистой кровью рожден,
Ты встал на пороге веселых времен!*

Позже в начале 30-х годов семья получает квартиру в Москве в Камергерском переулке в писательском доме. Здесь поселилось более 40 семей советских писателей и поэтов, драматургов и литераторов, среди которых были: Андрей Платонов, Всеволод Вишневский, Корнелий Зелинский, Лидия Сейфуллина, Михаил Светлов, Марк Колосов, Вера Инбер, Николай Асеев, Юрий Олеша и многие другие.

Общие знакомые Корнелий Зелинский

Именно в доме в Камергерском переулке жил литературовед и критик Корнелий Зелинский, с которым был также знаком и Георгий Эфрон. Зелинский был одним из основателей группы конструктивистов, в которую входил и отец Всеволода Эдуард Багрицкий, часто бывал у них в доме. Позже после смерти Всеволода к Зелинскому попадет часть архива молодого поэта. В память о нем Корнелий Люцианович напишет статью «Всеволод Багрицкий» (1947), которая ныне хранится в РГАЛИ. Также Зелинский принял непосредственное участие в составлении книги «Дневники. Письма. Стихи».

Общине Георгия Эфрона с Зелинским состоялось весной 1940 года в Голицыне. Во многих записях своего дневника он выделяет его из всех тогдашних обитателей Дома писателей, как интересного собеседника и умного человека. Из «Дневника» Георгия от 28 марта 1940 года: «Вчера навестил меня критик Зелинский – он умный человек, с хитрецей. Он был когда-то во Франции – служил в посольстве – и знает Париж. Он меня ободрил своим оптимистическим взглядом на будущее – что ж, может, он и прав, что через 10–15 лет мы перегоним капиталистов. Конечно, не нужно унывать от трудных бытовых условий, не нужно смотреть обывательски – это он прав. Сегодня он едет в Москву и привезет мне книжек советских авторов и, главное, несколько номеров «Интернациональной литературы» [7, с. 30].

Георгию было интересно это общение, так как он тоже мечтал стать критиком, поступить в Институт философии, литературы, истории.

Именно Корнелий Зелинский написал в 1940 году критическую рецензию на предполагавшуюся к изданию книгу стихов М. Цветае-

вой, увидев в них «пустоту, бессодержательность». В его отзыве книга была признана «формалистической». В итоге книга не была напечатана, что фактически закрыло Цветаевой возможность печататься после её возвращения в СССР. Говорят, что Цветаевой показали только конец статьи Зелинского, потому что в ней было много просто оскорбительных слов. Марина Ивановна прочитала: «Из всего сказанного ясно, что в данном своем виде книга М. Цветаевой не может быть издана Гослитиздатом. Все в ней (тон, словарь, круг интересов) чуждо нам и идет вразрез направлению советской поэзии как поэзии социалистического реализма. Из всей книги едва ли можно отобрать 5–6 стихотворений, достойных быть продемонстрированными нашему читателю» [5, с. 489]. Цветаева из-за этой рецензии очень переживала. Сохранились ее слова на одной из книг: «Человек, смогший аттестовать такие стихи как формализм, просто бессовестный. Я это говорю из будущего» [5, с. 489].

Однако Георгий отнесся к этому случаю совершенно по-другому:

«Те стихи, которые мать понесла в Гослит для ее книги, оказались неприемлемыми. Теперь она понесла какие-то другие стихи – поэмы – может, их напечатают. Отрицательную рецензию, по словам Тагера, на стихи матери дал мой голицынский друг критик Зелинский. Сказал что-то о формализме. Между нами говоря, он совершенно прав, и, конечно, я себе не представляю, как Гослит мог бы напечатать стихи матери – совершенно и тотально оторванные от жизни и ничего общего не имеющие с действительностью. Вообще я думаю, что книга стихов или поэм – просто не выйдет. И нечего на Зелинского обижаться, он по-другому не мог написать рецензию. Но нужно сказать к чести матери, что она совершенно не хотела выпускать такой книги и хочет только переводить» [7, с. 252–253].

Встреча с этим критиком была у Георгия и в Ташкенте в 1942 году:

«...приехал из Уфы Корнелий Зелинский, сейчас же поспешивший мне объяснить, что инцидент с книгой М. И. был «недоразумением» и т. д.; я его великодушно «простил» [8, с. 41].

Кстати, Корнелий Зелинский сыграл свою роль и в судьбе отца Всеволода Эдуарда Багрицкого. Один из основателей группы конструктивистов, он, в конце концов, отрекся от своего прошлого, отнесся в редакцию журнала «На литературном посту» покаянную статью «Конец конструктивизма» (1930), в которой заодно обругал и трёх своих бывших единомышленников – Илью Сельвинского, Владимира Луговского и Эдуарда Багрицкого. Из-за его публикации конструктивисты в 1930 году стали объектом травли со стороны Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) и объявили о самороспуске.

Эдуард и Всеволод Багрицкие

Мирель Шагинян

Еще одной общей знакомой Георгия Эфрона и Всеволода Багрицкого оказалась дочь поэта Мариэтты Шагинян, художница Мирель Шагинян.

С ней Георгий Эфрон познакомился в Голицыне в Доме отдыха писателей. Мирель тогда училась в Изоинституте и могла помочь Георгию в его художественных начинаниях.

Лето 40-го года 15-летний Георгий Эфрон мечтал провести в Коктебеле, куда на летний отдых ездила Мирель. О своем желании Георгий пишет в «Дневнике» от 9 марта 1940 года: «Если бы я поехал лето

в Коктебель, там всегда летом живет Мирэль, и тогда бы там была бы, может быть, мне веселая компания, да к тому же Мирэль могла бы мне помочь писать маслом (приятное с полезным)» [7, с. 19]. Но в действительности ожидания Георгия не оправдались. Из-за перенесенного воспаления легких врач запретил ему купание и поездку на отдых. Георгий так и не увидел волошинскую Киммерию, которую так любила его мать.

Если Георгию Эфрону так и не посчастливилось побывать в Коктебеле, то Всеволод Багрицкий бывал там очень часто. Писательским детям повезло в том, что летом они могли ездить в крымский санаторий Союза писателей в Коктебеле. Ездил, как с отцом Эдуардом Багрицким, так и самостоятельно. В 1938 году уже оставшись один, Всеволод пишет матери: «Сегодня иду в школу. Уже в девятый класс. Только позавчера вернулся из Коктебеля. Жил я там очень хорошо. Веселился как мог. Не буду тебе описывать крымскую природу, это займет много места, да и не к чему» [1, с. 21].

Вероятней всего именно в Коктебеле он начал свое общение с Мирель Шагинян. Но, к сожалению, информации об их знакомстве очень мало. В архиве Всеволода Багрицкого в РГАЛИ хранится письмо Мирель Яковлевны к нему.

Раннее одиночество. Аресты близких

Судьба приготовила для обоих мальчиков – большие испытания, прежде всего, испытания одиночеством.

В двенадцать лет в 1934 году Всеволод Багрицкий потерял отца, через два года – в 1936 году арестовали друга отца, мужа сестры Лидии Густавовны, поэта Владимира Нарбута. В 1937-м за обращение в

прокуратуру с протестом против ареста Нарбута была арестована мать Всеволода Лидия Густавовна и сослана в Казахстан. В том же году покончил с собой друг и двоюродный брат Всеволода Игорь Росинский. И тогда же арестовали мать любимой девушки Севы Люси Боннер. В 15 лет мальчик остается один, рядом с ним только преданная няня – Маша. Всеволод тяжело переживает одиночество. Как он сам признается матери в письме от 2 октября 1938 г.: «Ничего особенного в моей жизни за промежутки, так сказать, самостоятельного существования не произошло. Ты думаешь, мне очень легко жить одному? Нет, наоборот, весьма трудно. Холостяцкая жизнь мне не по вкусу. Предпочитаю «семейный уют» [1, с. 23].

Георгий Эфрон тоже пережил подобную трагедию. В 1939 году возвратившись в Советский Союз вместе с Мариной Цветаевой, на его глазах в августе была арестована сестра Ариадна Эфрон, а в октябре и отец Сергей Эфрон. Так, в 14 лет, он навсегда лишился семьи. Через два года, в августе 1941 года, Георгий потерял и мать. Ему было 16 лет.

И если вначале мальчик рвался из-под материнской опеки, хотел стать самостоятельным, то позже, пройдя через тяжелые испытания, он переосмыслил роль семьи в своей жизни. Из письма к сестре Ариадне в лагерь от 1 января 1943 года: «Но лишь теперь я понял, какое колоссальное положительное значение имела в моей жизни семья. Вплоть до самой смерти мамы я враждебно относился к семье, к понятию семьи. Не имея опыта жизни бессемейной, я видел лишь отрицательные стороны семейной жизни, по ним судил – и осуждал. Мне казалось, что семья тормозила мое развитие и восхождение, а на деле она была не тормозом, а двигателем. И теперь я тщетно жалею, скорблю о доме, уюте, близких и вижу, как тяжко я ошибался. Но уж поздно» [8, с. 101].

Великая Отечественная война

Начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война, изменила жизнь, как Георгия Эфрона, так и Всеволода Багрицкого.

Еще в юности Всеволод увлекся новаторской драматургией и революционной поэзией и зимой 1939 года он вошел в творческий коллектив молодежного театра, которым руководили Алексей Арбузов и Валентин Плучек. Всеволод был одним из авторов пьесы «Город на заре». Затем со студийцами Исайей Кузнецовым и Александром Галичем он пишет пьесу «Дуэль».

Однако вскоре после начала войны студия перестала существовать: многие ее участники были призваны в армию.

Интересен тот факт, что Всеволод Багрицкий встретил начало войны в Коктебеле. Друг Багрицкого, советский драматург, сценарист, писа-

тель Исай Кузнецов в своих воспоминаниях «Перебирая наши даты...» подтверждает пребывание Багрицкого в Коктебеле в июне 1941 года.

«С этой пьесой (пьеса Дуэль» – примечание автора) и с самим Галичем навсегда связан у меня день 22 июня 1941 года. Пьеса в основном была одобрена реперткомом, требовалось, как обычно, внести кое-какие поправки с тем, чтобы представить к 23-му числу всё того же июня месяца.

Багрицкий отдыхал в Коктебеле, и поправки мы должны были сделать вдвоём...» [2, с. 397].

Георгий Эфрон в день объявления войны был в Москве. Его дневник четко фиксирует международные события: «Вчера, 22 июня, в 12.15 утра, Молотов, Народный Комиссар Иностранных Дел, произнес речь по радио, чтобы объявить, что после того, как немецкие войска напали на советскую границу и нацистские самолеты бомбили Киев, Житомир, Каунас и Севастополь, Германия объявила войну СССР. Молотов назвал эту агрессию «беспрецедентной в истории цивилизованных наций» [7, с. 394].

Как известно, Георгий не хотел уезжать из Москвы, всячески сопротивлялся попыткам матери уехать в эвакуацию. Марину Цветаеву преследовал страх бомбежек, страх за сына, которому по-мальчишески интересно дежурить на крыше дома на Покровском бульваре, где они жили в комнате в коммуналке.

Москву стали бомбить уже через месяц после начала войны и бомбили почти ежедневно, хотя первое сообщение об этом появилось в газете «Вечерняя Москва» только двадцать седьмого июля. А восьмого августа, опасаясь за жизнь Георгия, Цветаева с сыном уезжает на пароходе в эвакуацию в Елабугу.

Дальнейшая судьба Георгия хорошо исследована. После смерти матери 31 августа 1941 года он был ужасно одинок и заброшен, но держался за жизнь из последних сил. Проведя некоторое время в Чистопольском интернате для писательских детей, в конце сентября он возвратился в Москву, а затем в Ташкент.

Волей судьбы оказался заброшенным в Чистополь и Всеволод Багрицкий. 22 октября 1941 года он вместе с драматургами Александром Гладковым и Алексеем Арбузовым отправился туда в эвакуацию. Встреча с Георгием Эфроном могла состояться в Чистополе, однако Мур в конце сентября выехал в Москву. В Москве они также не встретились.

Интересен тот факт, что и Георгий, и Всеволод в своих дневниках фиксируют одни и те же события. Так, 16 октября – день появления в сводке Совинформбюро сообщения о прорыве фронта под Москвой, находит отражение и у того, и у другого.

Приведем эти цитаты для сравнения.

Георгий Эфрон: «Каковы же факты трех последних дней? Огромное количество людей уезжают куда глаза глядят, нагруженные мешками, сундуками. Десятки перегруженных вещами грузовиков удирают на полном газу.

Впечатление такое, что 50% Москвы эвакуируется. Метро больше не работает.

Говорили, что красные хотели минировать город и взорвать его из метро, до отступления. Теперь говорят, что метро закрыли, чтобы перевозить красные войска, которые оставляют город. Сегодня Моссовет приостановил эвакуацию. В шесть часов читали по радио декрет Моссовета, предписывающий троллейбусам и автобусам работать нормально, магазинам и ресторанам работать в обычном режиме. Что это означает? Говорят, что Большой театр, уехавший три дня назад, остановлен в Коломне и их бомбят. Писатели (Союз) находятся в каких-то 50 км от Москвы, и их тоже бомбят...

Таковы факты. Во всяком случае, в Москве все говорят об очень близкой оккупации Москвы немцами» [7, с. 51–52].

Всеволод Багрицкий: «Итак, все началось 16 октября. Этот день, мне кажется, забыть невозможно. Я хочу вспомнить какие-нибудь детали, особо поразившие меня, и не могу, потому что детали составляли такое шумящее, грохочущее, плачущее целое, что, пожалуй, вспомнить их сейчас вряд ли удастся. Но все-таки!

Женщины в платках. Ни одного человека без свертка или рюкзака. Переполненные троллейбусы – люди ехали просто сзади, там, где свисают две веревки и лесенка ведет на крышу. Ободранные, небритые, ничего не понимающие бойцы. Метро, которое почему-то было закрыто. Санитарные машины, наполненные женщинами в пуховых платках, узлами, швейными машинами» [1, с. 91].

Следует отметить, что Георгий Эфрон интересовался творчеством отца Всеволода Эдуарда Багрицкого. В одном из писем сестре Але в лагерь от 10 марта 1941 г. мы находим подтверждение вышесказанному: «Составляю себе библиотеку. Теперь стал знатоком Маяковского и Багрицкого. Усиленно занимаюсь изучением истории литературы и критики. Жадно читаю исследования о поэтике Маяковского. Вообще предполагаю быть критиком – думаю после школы и армии пойти в ИФЛИ» [8, с. 19].

Всеволод Багрицкий также хорошо был знаком с творчеством Марины Цветаевой, знал наизусть многие ее стихи. Писатель Наталья Громова в своей работе «Странники войны» Воспоминания детей-писателей. 1941–1944 гг.» пишет, что Всеволод плавал на пароходе в Елабугу, разыскивая могилу Цветаевой.

Всеволод был близорук, но добивался направления на работу во фронтовую печать. Еще 6 декабря 1941 года, следуя примеру своих друзей, Всеволод Багрицкий написал заявление в Политуправление РККА с просьбой о зачислении во фронтовую печать. В этот же день в его дневнике появляются пророческие строки:

*Мне противно жить не раздеваясь,
На гнилой соломе спать
И, замерзшим нищим подавая,
Надоевший голод забывать.
Коченея, прятаться от ветра,
Вспоминать погибших имена,
Из дому не получать ответа,
Барахло на черный хлеб менять,
Дважды в день считать себя умершим,
Путать планы, числа и пути,
Ликовать, что жил на свете меньше
Двадцати...*

Попасть на фронт помог Всеволоду писатель Александр Фадеев. Он поддержал просьбу Багрицкого о направлении в одну из газет действующей армии. Вместе с поэтом Павлом Шубиным Багрицкого назначают в редакцию газеты «Отвага» Второй ударной армии, которая с юга шла на выручку осажденному Ленинграду.

24 января Всеволод добрался до редакции «Отваги». Сослуживец Багрицкого Николай Родионов вспоминает о приезде поэта в редакцию: «В. Багрицкий приехал на фронт из Чистополя, небольшого городка, расположенного недалеко от Казани, куда была эвакуирована группа московских писателей.

Всеволод рассказывает о жизни маленького городка, о гибели Марины Цветаевой в Елабуге, читает ее, незнакомые нам, стихи:

*Я вечности не приемлю!
Зачем меня погребли?
Я так не хотела в землю
С любимой моей земли!..*

Эту строфу Всеволод повторял неоднократно, как будто томимый предчувствием...» [4, с. 75–76].

Но люди, работавшие в редакции, не стали близкими для Всеволода. В своем дневнике от 16 февраля 1942 года за десять дней до смерти поэт отмечает следующее:

«Сегодня восемь лет со дня смерти моего отца. Сегодня четыре года семь месяцев, как арестована моя мать. Сегодня четыре года и шесть

месяцев вечной разлуки с братом. Вот моя краткая биография. Вот перечень моих «счастливых» дней». Дней моей юности. Теперь я брожу по холодным землянкам, мерзну в грузовиках, молчу, когда мне трудно. Чужие люди окружают меня. Мечтаю найти себе друга и не могу. Не вижу ни одного человека, близкого мне по своим ощущениям, я не говорю – взглядам. И я жду пули, которая сразит меня. Вчера я не спал. Сегодня, наверно, тоже буду лишен сна. Ну и все равно!» [1, с. 117].

Эти строки дневника Багрицкого перекликаются со строками из письма Георгия Эфрона другу семьи Самуилу Гуревичу: «Итак, круг завершен – Сережа сослан неизвестно, Марина Ивановна покончила жизнь самоубийством, Аля осуждена на 8 лет, я призван на трудовой фронт. Неумолимая машина рока добралась и до меня. И это не *fatum* произведений Чайковского – величавый, тревожный, ищущий и вызывающий, а Петрушка с дубиной, бессмысленный и злой, это мотив Прокофьева, это узбек с выпученными глазами, это теплушка, едущая неизвестно куда и на что, это, наконец, я сам, дошедший до того, что начал думать, будто бы всё, что на меня обрушивается, – кара за какие-то мои грехи...» [8, с. 106].

И трагические предчувствия обоих оправдались.

26 февраля 1942 года Всеволод погиб от осколка авиабомбы, выполняя очередное задание редакции, возле деревни Дубовик Ленинградской области. После войны на могиле поэта был установлен обелиск. К нему прикреплена металлическая доска, на ней эпитафия, воспроизводящая временную надпись, выполненную когда-то скульптором Евгением Вучетичем: «Воин-поэт Всеволод Багрицкий убит 26 февраля 1942 года», а ниже немного перефразированное четверостишие любимого поэта Марины Цветаевой:

*Я вечности не приемлю.
Зачем меня погребли?
Мне так не хотелось в землю
С любимой моей земли...*

Спустя два года после смерти Всеволода будет призван на фронт Георгий Эфрон. Как он не сопротивлялся, злой рок настиг его 7 июля 1944 года в Белоруссии. В книге учета полка удалось обнаружить запись: «Красноармеец Георгий Эфрон убит в медсанбат по ранению. 7.7.44». В этом медсанбате скорей всего он и умер от тяжелых ран. Что касается могилы Георгия, то согласно данным сайта ОБД «Мемориал» он был захоронен в братской могиле г. Браслава 9 июля 1944 года [3].

Таким образом, рассмотрев на примере Г. Эфрона и В. Багрицкого их творческие взаимосвязи и пересечения, можно отметить их безусловное типологическое родство.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Хроника сопоставления
Георгия Эфрона и Всеволода Багрицкого

	Георгий Эфрон	Всеволод Багрицкий
Год и место рождения	1925 г., 1 февраля, с. Вишеноры, Чехия.	1922 г., 19 апреля, г. Одесса, УССР.
Отец	Сергей Эфрон - русский публицист, литератор, офицер Белой армии.	Эдуард Багрицкий - советский поэт, один из основателей группы конструктивистов.
Мать	Марина Цветаева – русская поэтесса, прозаик, переводчица, дочь профессора, основателя музея изобразительных искусств им. Пушкина И. В. Цветаева.	Лидия Густавовна Багрицкая (Суока) – жена поэта Эдуарда Багрицкого, старшая дочь преподавателя музыки, австрийского эмигранта, Густава Суока.
Образование	Средняя школа, Государственный литературный институт им. М. Горького (не окончил)	Средняя школа, Московская Государственная театральная студия, Государственный литературный институт им. М. Горького (не окончил)
Выход первых книг	2002 г. – «Письма» (посмертно)	1964 г. «Дневники. Письма. Стихи» (посмертно)
Количество прижизненных книг	-	-
Количество писем	В настоящее время известно 90 писем Георгия Эфрона.	Около 50 писем.
Число, год и место смерти	7 июля 1944 года, Белоруссия, Витебская область, деревня Струневщина.	26 февраля 1942 года, Ленинградская область, Гостненский район, деревня Дубовка.
Продолжительность жизни	19 лет 5 мес. и 7 дней.	19 лет 10 мес. и 7 дней.
Место погребения	Братская могила г. Браслав, Витебская область.	Ленинградская область, Гостненский район, деревня Дубовка.
Посмертные издания в СССР и России (зарубежные издания здесь не учитываются)	Георгий Эфрон. Письма. 2-е изд. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, Королёв: Музей М. И. Цветаевой в Болшево, 2002 г. Георгий Эфрон. Дневники: в 2 т. – Т. 1. – 1940-1941 годы/ Подгот. текста, предисл., примеч. Е. Коркиной, В. Лосской. – М.: Вагриус, 2004. – 360 с. Георгий Эфрон. Дневники: в 2 т. – Т. 2. – 1941-1943 годы/ Подгот. текста, предисл., примеч. Е. Коркиной, В. Лосской. – М.: Вагриус, 2007. – 368 с.	Всеволод Багрицкий. Дневники, письма, стихи. – М.: Советский писатель, 1964 г. Коллективный сборник. Составители - Михаил Матусовский, Яков Хелемский. Стихи остаются в строю: сборник сост. из стихов русских советских поэтов, погибших в годы Великой Отечественной войны. Москва: Советский писатель, 1958 г.
Прижизненная слава	При жизни не публиковался.	При жизни его стихи мало публиковались.

Некоторые дополнительные моменты биографии

	Георгий Эфрон	Всеволод Багрицкий
Пробы рисования	Георгий Эфрон достаточно хорошо рисовал. В отрочестве мечтал стать художником.	Всеволод Багрицкий тоже хорошо рисовал. В его дневнике часто встречаются шаржи и карикатуры.
Начало ведения дневника	Дневник № 1 (июнь 1939 г.) Был утрачен вместе с бумагами сестры, Ариадны Сергеевны, при ее аресте 27 августа 1939 г. Дневник № 2 начинается 4 марта 1940 г. в подмосковном Голицыне.	Конец 1939 г.
Памятники, мемориальные доски	Мемориальная доска и памятник учащимся Ташкентской школы, ушедшим на Великую Отечественную войну, среди которых был и сын Марины Цветаевой, Георгий Эфрон. Памятник на символической могиле в деревне Струневщина Витебской области в Белоруссии.	Кенотаф Всеволода Багрицкого на Новодевичьем кладбище в Москве.
Архив в РГАЛИ	Фонд: 1190 Название: Цветаева Марина Ивановна (1892-1941) – поэтесса. Крайние даты документов: 1844-1978 гг. Количество единиц хранения: 1095 Фондообразователь-персона: Цветаева Марина Ивановна.	Фонд: 2805 Название: Багрицкий Всеволод Эдуардович (1922-1942) – поэт Крайние даты документов: 1922-1975 гг. Количество единиц хранения: 132 Фондообразователь-персона: Багрицкий Всеволод Эдуардович.
Посещение Коктебеля, Дома творчества писателей	Никогда не был, но мечтал поехать летом 1940 года. Об этом есть упоминания в «Дневнике» Георгия.	Посещал в начале 1930 –х годов вместе с отцом Эдуардом Багрицким, самостоятельно в 1938 году, встретил начало Великой Отечественной войны в 1941 году.
Общие знакомые	Литературный критик Корнелий Люцианович Зелинский, художник Мирель Шагинян.	

Список литературы

1. Багрицкий, В. Э. Дневники, письма, стихи / В. Э. Балицкий. – М. : Советский писатель, 1964. – 128 с.
2. Кузнецов, И. К. Перебирая наши даты... // Заклинание Добра и Зла / сост. Н. Крейтнер. – М. : Прогресс, 1992. – С. 397.
3. Объединенная База Данных «Мемориал» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=261709466> (дата обращения 09.01.2017).
4. Родионов, Н. Поэт, сын поэта. Строка, оборванная пулей : московские писатели, павшие на фронтах Великой Отечественной войны. Стихи. Рассказы. Дневники. Письма. Очерки. Статьи. Воспоминания / редакторы–составители: А. Г. Коган, З. П. Корзинкина. – М. : Московский рабочий, 1985. – С. 75–76.
5. Швейцер, В. А. Быт и бытие Марины Цветаевой / В. А. Швейцер. – М. : Интерпринт, 1992. – 544 с.
6. Эфрон, Г. С. Дневники : в 2 т., т. 1. – 1940–1941 годы / подгот. текста, предисл., примеч. Е. Коркиной, В. Лосской. – М. : Вагриус, 2004. – 560 с.
7. Эфрон, Г. С. Дневники : в 2 т., т. 2. – 1941–1943 годы / подгот. текста, предисл., примеч. Е. Коркиной, В. Лосской. – М. : Вагриус, 2007. – 368 с.
8. Эфрон, Г. С. Письма. 2-е изд. / подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной. – М. : Дом-музей Марины Цветаевой, Королев : Музей М. И. Цветаевой в Болшеве, 2002. – 240 с.

«HE WAS BURIED IN EARTH, BUT HE WAS ONLY A
SOLDIER ...» GEORGY EFRON AND VSEVOLOD
BAGRITSKY: PARALLELS OF LIFE AND CREATIVITY

Fedorenko Marina Nikolaevna

(Russian Federation, Feodosia)

Abstract. *The author of the article draws parallels between the life of George Efron (the son of the poet Marina Tsvetaeva) and Vsevolod Bagritsky (son of the poet Eduard Bagritsky), whose biographical fates did not overlap, but creative intersections. They both lived a very short life and are known primarily for their diaries.*

Keywords: *M. Tsvetaeva, E. Bagritsky, George Efron, Vsevolod Bagritsky, diaries.*

References

1. Bagritskiy, V. E. Dnevnik, Pis'ma, Stikhi / V. E. Balitskiy. – М. : Sovetskiy Pisatel', 1964. – 128 s.

2. Kuznetsov, I. K. Perebiraya Nashi Daty... // Zaklinaniye Dobra i Zla / sost. N. Kreytner. – М. : Progress, 1992. – S. 397.
3. Ob'yedinennaya Baza Danykh «Memorial» [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=261709466> (data obrashcheniya 09.01.2017).
4. Rodionov, N. Poet, Syn Poeta. Stroka, Oborvannaya Puley : Moskovskiye Pisateli, Pavshiye Na Frontakh Velikoy Otechestvennoy Voyny. Stikhi. Rasskazy. Dnevnik. Pis'ma. Ocherki. Stat'i. Vospominaniya / redaktory–sostaviteli: A. G. Kogan, Z. P. Korzinkina. – М. : Moskovskiy rabochiy, 1985. – S. 75–76.
5. Shveytser, V. A. Byt i Bytiye Mariny Tsvetayevoy / V. A. Shveytser. – М. : Interprint, 1992. – 544 s.
6. Efron, G. S. Dnevnik : v 2 t., t. 1. – 1940–1941 Gody / podgot. teksta, predisl., primech. Ye. Korkinoy, V. Losskoy. – М. : Vagrius, 2004. – 560 s.
7. Efron, G. S. Dnevnik : v 2 t., t. 2. – 1941–1943 Gody / podgot. teksta, predisl., primech. Ye. Korkinoy, V. Losskoy. – М. : Vagrius, 2007. – 368 s.
8. Efron, G. S. Pis'ma. 2-ye izd. / podgot. teksta, predisl. i primech. Ye. B. Korkinoy. – М. : Dom-muzey Mariny Tsvetayevoy, Korolev : Muzey M. I. Tsvetayevoy v Bolsheve, 2002. – 240 s.8.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
295007, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4.
Телефон: +7 (3652) 60-84-98. E-mail: io_cfu@mail.ru